ASOCIAȚIA MOLDOVENEASCĂ DE ŞTIINȚĂ POLITICĂ
UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.1 (LVI), 2012

REVISTĂ ŞTIINȚIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2012

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.1 (LVI), 2012. - Chişinău: AMSP, 2012. – 202 p.

versiunea electronică:
http://usm.md/?page_id=2347

ISSN 1812-2566

S U M A R

SUMMARY

COMPARTIMENTUL
ISTORIA, TEORIA SI METODOLOGIA STIINTEI

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ: ОТ МИФА К МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Лариса М. БАРАНОВА
Российская Федерация, Владимир, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г.Столетовых, кафедра социологии
Кандидат философских наук, доцент. заведующая кафедрой

Ideologeme of myth consciousness, characteristic to all cultures, contains emerging elements of humanism, archaic and primitive, but from this point starts the evolution of humanitarian ideas. First they have been embodied in antique model of a citizen and more specific in medieval model of a subject. Christianity appealing to the inner man, to the opportunity to choose values facilitated the individual development and personality starting. These humanitarian ideas being moral regulators found legal forms in New Time. At present the model of social state is the highest form in actual realization of humanism and social defence of a citizen.

Человек – существо политическое или социальное, что, по Аристотелю, одно и то же, так как античное сознание ещё не разделяло государство и общество. Это был живущий в конкретном социальном пространстве индивид, гражданин, связанный с родным полисом системой прав и обязанностей. Уже древние мыслители отметили этот социальный факт: человек не может устраниться от социума, уйти из текущей реки исторического времени; вне этого времени он может пребывать только в своей субъективности.

Люди, живущие в границах одной территории, при всём своём разнообразии сосуществуют в едином социокультурном пространстве, подчиняясь общей мировоззренческой парадигме, стержнем которой является совокупность высших идеалов и ценностей, которым члены общества следуют, их соблюдают и сохраняют. Эти социокультурные и политические универсалии, значимые и обязательные для всех, как векторы определяют развитие, связывая поколения.

В мировой духовной культуре столетия существуют и развиваются две парадигмы понимания человека, условно называемые «западная» и «восточная», несущие в себе соответствующие цивилизационные черты. В гра-

ницах этих системных конструктов складывались, трансформировались и исчезали гипотезы, концепции, идеи и теории, адекватные социальному времени. Сами социокультурные парадигмы Запада и Востока сформировались на единой идеологеме мифосознания, которое присуще всем народам как коллективный образ мышления, знаменующий начало общей истории мысли, и адекватный архаичному и раннетрадиционному обществам. И в этом смысле миф является универсальным мировоззрением, связавшим протоисторию и цивилизацию.

Миф как коллективный продукт народного творчества гуманистичен. Он – воплощение настоятельной потребности тесного, немногочисленного, спаянного кровно-родственными узами сообщества «вписать» нарождающийся социальный микромир в природу. В мифе в синкретичном виде складываются первые представления о власти, о правителе, мудром и справедливом, о необходимости подчиняться ему, так как подобное иерархическое соподчинение есть порядок и равновесие, способное противостоять окружающему хаосу, что как-то объясняло и гармонизировало пугающую бездну природного бытия. Таким образом, уже в доклассcовом сообществе первобытных людей складывались и действовали социальные механизмы поддержания жизнедеятельности общины в целом и общинников в отдельности на основе ценностей, аккумулированных в праморали в виде не писанных, поддерживаемых самими членами рода, норм. Коллективное «мы» растворяет в себе немногочисленные «я», выступая своеобразным «снятием» и действуя во благо всех, а значит, - и каждого. Это были слабые ростки гуманизма, архаичного и примитивного, начавшего свой долгий эволюционный путь.

Только в XX веке, наконец, миф стал полноправным предметом изучения, наконец, его окончательно перестали считать сказкой и выдумкой. Он давно перестал доминировать в существенно важных сферах социального бытия, он вытеснен на скрытые уровни психики, во второстепенную деятельность человека, но он прочно укоренён в субъективном мире личности. Миф никогда не произрастал на интеллектуальной почве мышления, сознания и логики, его родной «дом» – индивидуальные структуры психики, основанной на вере. И для древнего, и для современного человека «миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми её надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей её реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но – *жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность*» [1, 400-401; 2].

Генезис гуманистической мысли – органичная составляющая общей интеллектуальной эволюции, начавшейся в первом тысячелетии до н.э. Усложнение и развитие сознания от чувственного познания к мышлению понятиями можно обозначить как значимую составляющую в комплексе причин, детерминировавших формирование «осевого времени» (VIII-II вв. до н.э.). Этот выделенный им период К.Ясперс определил как «скачок» в рациональность и универсальность, «скачок», вытеснивший миф на периферию общественного сознания. Начинается замещение деперсонифицированного «мы» рационально мыслящим «я», т.е. складывается персональное мышление, которое отсутствовало или почти отсутствовало у людей доклассового общества. Впервые начинается рационализация религиозно-мифологических представлений: власть анонимная абсолютизируется и персонализируется в личности монарха, общинная справедливость обретает форму писанных законов, уважение и почитание вождя перемещается из сферы частного в публичную, превращаясь в императив подчинения правителю, невзирая на личные эмоции. Общинная забота о соплеменниках в какой-то мере переходит к государству. В первую очередь, это функции внешней защиты и организации внутреннего порядка, а политика в отношении подданных принимает форму патернализма.

Возникшая в «осевое время» философия как особая система мышления и знания дала универсальную ориентацию, контактирующую уже не с мифом, а с конкретно-научным знанием. Только ей было под силу оценить человека как отдельного индивидуума, который «отважился на то, чтобы искать опору в самом себе… Человек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой» [3, 34].

Модель гражданина античного полиса стала исходным пунктом в генезисе представлений о взаимоотношениях государства и личности в европейской социально-политической мысли. Даже самые демократичные полисы, а пример подавали Афины, подчиняли гражданина, требуя самоотдачи, выполнения обязанностей и даже жизни, так как ценности полиса были однозначно доминантны. Но полисы и давали права, защищали, награждали и возвеличивали. Формулой античного гуманизма можно назвать знаменитые слова софиста Протагора: «Человек есть мера всех вещей». Налицо некая парадоксальность: формула гуманизма уже есть, а гуманистической системы мышления ещё нет. Как мировоззренческая парадигма гуманизм оформился только в период «осовремененной античности» XV-XVI вв.

Следующим этапом духовной эволюции является христианство, которое предложило и стало носителем революционной по сути этики и нового понимания человека и его места в мире. Закон и строгое следование ему

как стержень иудаизма христианство заменило на любовь – основу взаимоотношений между людьми; человечность провозглашается главным принципом социального бытия. Христианство предложило тяжкий путь самосовершенствования, приближающий к человечному идеалу, каковым для всех христиан является Иисус с его совершенной человеческой природой: вочеловечившийся Бог. Молитва, и особенно исповедь, - это верный путь приближения к Богу через внутреннее напряжение, неустанный труд души, преодоление себя, даже – нравственный подвиг. Средневековая церковь подавала пример, действуя из соображений христианского милосердия, и оказывала поддержку социально незащищённым маргинальным выходцам из низших слоёв, открывая больницы и приюты, в том числе, и для детей.

Средневековый социум принципиально отличался от античного. Неравенство как основа любого типа стратификации приняло иные формы: на смену рабству пришли сословия с большим разнообразием статусов в социальной иерархии и соответственно – различными правами и свободами. Иными стали также и формы взаимодействия подданного и государства. Подданничество как тип политического статуса несёт в себе всё ту же патерналистскую модель солидарности, хотя и в трансформированном виде. Статус подданного не только определён, но и защищён. Государство защищало индивида как члена некой корпорации. Ремесленник, купец, рыцарь, студент, монах – все они члены какой-то организации, цеха или университета, в которых есть письменные уставы, принимаемые и уважаемые государством. Именно внутри таких корпораций зародятся и разовьются идеи поддержки, общности интересов и справедливости по отношению к каждому члену, а также – формы их реализации. Впервые в XIII веке сначала итальянские города, а затем и города в других странах, освобождались от власти сеньоров и создавали собственные органы управления, защиты и опеки: от муниципалитетов до приютов и больниц для бедных. Горожане постепенно превращаются в граждан, научаясь основам солидарности и взаимопомощи.

Именно в Средние века, особенно, в XIII-XIV вв., появляются ростки одной из центральных идей социальной государственности – идея правового равенства, во многом благодаря распространению в Европе римского права, в котором впервые была оформлена мысль о равенстве всех перед законом. Примером служит Великая хартия вольностей 1215 года, подписанная английским королём Иоанном под нажимом выступивших вместе подданных. В борьбе за вольности сплотились рыцари, бароны, горожане, демонстрируя межсословное единство.

Социальное звучание в XVI-XVII вв. обрели утопические идеи. Т.Мор и Т.Кампанелла привлекли внимание к людям труда и открыто заявили о

необходимости улучшения их тяжкого положения. Особенно яростно против частной собственности, основы всех зол, социального неравенства и абсолютизации государства выступал Т.Кампанелла. Категорически неприемлемы для него были формирующиеся частнособственнические интересы и индивидуализм, в жертву которым приносятся добродетели и интересы народа. Воплощением этих пороков он считал взгляды Н.Макиавелли, со сторонниками которого он остро полемизировал. Великие социалисты-утописты предложили модель социального устройства на гуманных принципах равенства, уважения, защищённости. Разумная организация власти, её сменяемость, забота о детях, пожилых и больных, справедливое вознаграждение за труд, равный доступ к образованию и наукам – предвидения, оказавшиеся рационально приемлемыми в будущем. Многое из предложенного ими станет близким и понятным левеллерам и диггерам времён Английской революции XVII веке, о чём они открыто заявили революционным языком лозунгов и памфлетов, наиболее значимый из которых «Закон свободы» Д.Уинстенли, который напомнил сильным мира сего о человечности и справедливости как непреходящих ценностях.

Гуманизм был первой формой буржуазного Просвещения и идеологией нового класса собственников, которые впервые в Нидерландах в XVI веке, а затем в Англии в XVII веке на деле заявили о своих статусных притязаниях и правах на реальное участие в социально-политической жизни. Ренессанс создал исходное настроение, подрыв, разрушение – начала, которые выльются в утопические или революционно-драматические формы. Трагедией разрушения закончилась недолгая деятельность левых левеллеров (диггеров), которые впервые в истории попытались воплотить в ограниченном пространстве поселений идеи общности имущества и совместного управления им, справедливой организации бессословного общежития и правового равенства.

Идеи гуманизма, атрибутивно европейские, обрели новую жизнь и звучание в теории социального государства. Продолжая, развивая и совершенствуя соответствующие идеи и элементы государственности, сформировались теории правового государства, неотделимые от гражданского общества. Впервые право закреплено в качестве доминанты во всех сферах социального бытия, а государство, ограничивая свои действия, гарантирует и обеспечивает индивидуальную свободу и достоинство, защиту прав личности. Своеобразной вершиной генезиса государственности является правовое социальное государство, с которым, в первую очередь, ассоциируется современная развитая государственность. «Теснота» рамок правового государства становится очевидной с конца XIX в. Индустриальный прогресс, урбанизация и массовизация разрушили традиционные формы социального обеспечения, складывавшиеся тысячелетиями. Главным

образом на плечах коллектива (семьи, общины, цеха) лежала обязанность защиты и опеки социально уязвимых индивидов. Растущее число социальных проблем, и даже угроз, а также всё более организованные протесты трудящихся заставили государство, правовое государство, взять на себя ответственность за благополучие, защиту и поддержку граждан.

В моделях социального государства провозглашается как главный принцип *обязанность* заботиться о человеке, а не просто выполнять социальные функции, наряду с другими. Таким образом, назначение и сущность социального государства существенно отличаются от правового. Впервые в истории гуманистические идеи и принципы воплощаются в законодательстве и детерминируют выстраивание институтов и механизмов их реального воплощения. Социальное государство, гарантируя права индивиду, реализует возможность для его личностного развития и совершенствования, а также – социальной мобильности, вплоть до перехода в статусно более высокие слои.

Теории социального государства, имея европейское происхождение, и реализованы были впервые в европейских странах. В таком государстве развитие отдельной личности – показатель развития самого государства, и это, как считал Л.фон Штейн, автор первой научной теории социального государства, - главный критерий. По этому пути идёт и Россия.

Библиография

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – Москва, 1990.

Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. Пер. с англ. – Москва, 1996.

Ясперс К. истоки истории и её цель. // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – Москва, 1991.

Кочеткова Л.Н. Социальное государство: Опыт философского исследования. – Москва, 2009.

Поступила в редакцию
27 ноября 2011 года

COMPARTIMENTUL
GUVERNAREA POLITICĂ SI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

ГРУЗИЯ: ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Цовинар НАЗАРОВА
Грузия, Тбилиси, Неправительственная организация «Общество содействия гармоническому развитию человека»
Председатель

This article contains information on national legislation and institutional mechanisms, developed due to the counter-trafficking obligations undertaken by Georgia before the international community. This issue became more actual under current conditions of extensive migration mainly to Greece, Turkey, Germany, UAE and Russia. The major role in investigation of these crimes belongs to the geographical location of Georgia, which is a transit country for victims from Central Asia, going to Turkey and UAE through Georgia.

Georgian NGOs worked closely with state authorities to develop the legislative documents aimed at combating human trafficking (HT). Despite the fact, that the anti-trafficking legislation of Georgia is one of the most advanced ones in post-soviet area, there are a number of gaps existing. Monitoring of its enforcement identified a number of gaps, particularly in terms of enforcement of respective legislation, investigation of HT crimes, work with victims, regardless of existence of the Anti-trafficking State Fund and allocation of state funding. These problems are not of national character, but they can rather be characterized as international. The roots of these problems should be found in common approaches and international legislation, mechanisms of work with the victims. NGOs' experience demonstrates the implicitness of victims participation in the investigation, which in its turn burdens the prevention of this crime. In the end of the abstract you will find recommendations of international organizations with author's comments and suggestions, which are purely based on multi year practical work aimed at fostering cooperation at international level to develop counter-trafficking policies.

Статья содержит информацию о национальном законодательстве и институциональных механизмах, сформировавшихся под воздействием обязательств, взятых Грузией перед международным сообществом в сфере борьбы с торговлей людьми. Проблема актуализировалась на фоне потока нелегальных трудовых мигрантов, напрвленного в основном в Грецию, Турцию, Германию, ОАЭ и Россию. Заметную роль в выявлении преступления играет географическое положение Грузии, служащей страной транзита для пострадавших из Средней Азии, вывезенных в Турцию или ОАЭ через Грузию.

Неправительственные организации Грузии работали в тесном сотрудничестве с грузинскими властями для разработки нормативно-правовой базы по борьбе с торговлей людьми (ТЛ). Хотя анти-трафикинговое законодательство Грузии является одним из самых разработанных на постсоциалистическом пространстве, пробелов достаточно много. Мониторинг деятельности выявил существующие проблемы, особенно в части имплементации законодательства, выявления преступления торговля людьми, работы с пострадавшими по всему спектру, несмотря на существование Анти-трафикингового Фонда и наличие государственного финансирования. Проблемы не являются частными, чисто национальными, они существуют на международном уровне, искать их корни следует с общих подходах и международном законодательстве, предлагаемых механизмах работы с пострадавшими. Опыт работы неправительственных организаций показывает нецелесообразность участия пострадавших в расследовании, а это затрудняет пресечение преступления торговля людьми. В конце статьи приведены Рекомендации международных структур, дополненные автором статьи, исходя из многолетнего опыта работы в рамках программ по сотрудничеству на международном уровне с целью формирования политики в отношении проблемы торговли людьми.

Национальное законодательство и институциональные механизмы по борьбе с торговлей людьми (ТЛ)

Грузия присоединилась с 1994 года к ряду международных Конвенций и договоров по вопросам защиты прав человека, взаимной помощи между правительствами государств и деятельности, направленной против преступности и в структуре Совета Безопасности был создан Департамент

защиты прав человека. Указ Президента Грузии Э.Шеварднадзе ”О мерах по обеспечению защиты прав человека в Грузии” №240 от 17 мая 2002 года пункт 8 непосредственно касался мероприятий по предотвращению торговли женщинами и детьми. 18 мая 2002 года было принято Постановление Парламента Грузии №1454 “О проведении соответствующих мер для борьбы с торговлей людьми, в особенности женщинами и детьми”, содержащее рекомендацию Президенту Грузии представить для ратификации до конца года международные документы. К концу 2002 года уже существовал проект статьи, которая должна была войти в Уголовный Кодекс Грузии в виде поправки. Она содержала дефиницию торговли людьми (трафикинга) и предусматривала наказание за совершение преступления, связанного с трафикингом. В январе 2003 года в Министерстве Внутренних Дел Грузии был создан подотдел по борьбе с трафикингом, еще до введения поправки в УК, т.е. до криминализации трафикинга.

Только после опубликованного в июне 2003 года Рапорта Государственного Департамента США, сделанного на основе мониторинга ситуации в Грузии в соответствии с Анти-трафикинговым законом США [1], когда Грузия оказалась в третьей группе стран, были внесены поправки в Уголовный кодекс, ст.143 (1, 2), которые вошли в силу с 10 июля 2003 года. Развивалась ситуация в сфере пресечения торговли людьми: созданный в январе 2003 года Анти-трафикинговый отдел в июле 2004 года расформировали, а в ноябре 2004 года укомплектовали заново как отдел в Департаменте по борьбе с организованной преступностью в составе 10 человек. В феврале 2005 года в составе Специального оперативного департамента было создано Главное управление по борьбе с незаконным обращением наркотиков, трафикингом и незаконной миграцией.

События, связанные с ратификацией международных документов и выработкой национального реферального механизма, ускорились после активной совместной работы при поддержке Миссии ОБСЕ в Грузии представителей НПО сектора, международных организаций и госструктур в 2004 году. В результате совместной работы был разработан “План действий по борьбе с торговлей людьми на 2005-2006 годы”, утвержденный Указом Президента №623 от 29 декабря 2004 года Устав временной межведомственной Комиссии по борьбе с торговлей людьми при Совете безопасности Грузии и ее состав были утверждены Указом №50 от 1 февраля

2005 года. Далее, 28 апреля 2006 года Президентом был подписан Закон Грузии “О борьбе против торговли людьми (трафикинга)”.

Закон о борьбе с торговлей людьми определил полномочия различных государственных органов, участвующих в предупреждении и борьбе с ТЛ, защите, оказанию помощи и реабилитации пострадавших. Он также создал основу для международного сотрудничество в борьбе с ТЛ с другими странами, международными, межправительственными и неправительственными организациями. Закон предусматривал создание Межведомственного координационного совета для осуществления мер по борьбе с торговлей людьми, а также создание Государственного Фонда для защиты и помощи жертвам ТЛ. Закон предусматривает целый ряд мер для защиты и оказания помощи жертвам, включая создание приютов для временного размещения, предоставление статуса жертвы торговли людьми, и обеспечение безопасного возвращения домой пострадавших от торговли людьми.

На международном уровне Грузия является участником Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Дополняющему Конвенцию Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, в особенности женщинами и детьми (ратифицированные постановлением Парламента Грузии в 2006 г.), 24 ноября 2006 года постановлением Парламента Грузии была ратифицирована Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми (трефикинга), вступила в силу 1 февраля 2008 года. Грузия также является участником других международных соглашений ООН, имеющих отношение к действиям против ТЛ, в частности, Конвенции ООН о правах ребенка и Факультативного протокола, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативного протокол к ней.

Грузинское национальное законодательство и механизмы для его реализации формировались под воздействием международных обязательств, взятых страной в сфере борьбы с торговлей людьми.

Хронология создания механизмов для борьбы с торговлей людьми: 18 июля 2006 года Указом Президента №437 был утвержден Устав Государственного Фонда для защиты и оказания помощи пострадавшим от торговли людьми (трафикинга); 1 сентября 2006 года Указом Президента №534 – состав Межведомственного координационного Совета для осуществления мероприятий направленных против торговли людьми (трафикинга) и Ус-

тав; 25 января 2007 года распоряжением Президента №23 утвержден План действий по борьбе с торговлей людьми (трафикингом) на 2007-2008 годы; 1 февраля 2007 года Указом Президента №78 утверждены единые стандарты и порядок идентификации пострадавших о торговли людьми (трафикинга).

В 2006 и 2007 годы были внесены изменения и дополнения в Уголовный Кодекс, что привело к значительному увеличению санкций за преступления, связанные с торговлей людьми, была введена уголовная ответственность юридических лиц и в статье 143 (3) предусматривалась уголовная ответственность за использование услуг жертв торговли людьми.

В соответствии с новым Уголовно-процессуальным кодексом (УПК), вступивший в силу 1 октября 2010 года пострадавшие от торговли людьми, которые дают показания в суде имеют право требовать применения специальных мер по их защите (статья 49 (1) (е)), а также имеют право не быть допрошенными в качестве свидетелей в период, предоставленный на обдумывание (Статья 50 (1) (J). Специальные меры защиты подробно изложены в статьях 67 и 71 УПК.

Проект поправок к Закону о борьбе с торговлей людьми будет представлен в Парламент Грузии весной 2012 года для введения новой главы, посвященной детям, пострадавшим от торговли людьми, включая меры по индивидуальной оценке рисков, исходя из интересов ребенка, назначение опекуна и запрет держать детей под стражей.

Межведомственный координационный Совета для осуществления мероприятий по борьбе с торговлей людьми ("Координационный совет"), возглавляет Министр Юстиции, в состав Совета входят заместители министров, являющиеся членами Совета и приглашенные члены: представители международных организаций, грузинских неправительственных организаций, журналисты, эксперты и ученые. Приглашенные члены имеют равные возможности для участия в заседаниях Совета и в процессе принятия решений. Разница между членами и приглашенными в том, что первые обязаны действовать в соответствии с принятыми решений, а приглашенные не обязаны этого делать.

Совет отвечает за координацию действий всех национальных участников, подготовку Национального плана действий (НПД) и мониторинг действий против ТЛ. Он также координирует сбор информации из соответствующих источников, включая информацию международных организа-

ций и местных НПО, работающих по проблемам торговли людьми. Координационный совет действует в качестве консультативного органа при Президенте Грузии по вопросам борьбы с торговлей людьми.

Координационный Совет должен собираться раз в три месяца, но его председатель может назначить дополнительные заседания по мере необходимости. Совет не имеет отдельного бюджета и государственные учреждения представленные в нем, осуществляют в его деятельность вклад человеческими и финансовыми ресурсами из собственного бюджета. Координационный совет получает ежеквартальные отчеты государственных органов об осуществлении действий, предусмотренных в НПД и готовит отчет о своей деятельности каждые шесть месяцев.

Двухлетний национальный план действий (НПД) по борьбе с ТЛ на 2011-2012 годы был принят в декабре 2010 года Указом Президента Грузии (№N11/03/01), он включает мероприятия, направленные на предотвращение ТНВ, защиту жертв, преследование торговцев людьми, сотрудничество и координацию деятельности на национальном и международном уровне.

Государственные органы, представленные в Межведомственном координационный Совете для осуществления мероприятий по борьбе с торговлей людьми, несут ответственность за реализацию НПД. Они представляют квартальные и годовые отчеты в Координационный совет по реализации мероприятий, предусмотренных в НПД. До сих пор не было сделано оценки осуществления предыдущих НПД в Грузии со стороны Правительства Грузии. НПД на 2011-2012 годы включает в себя планирование деятельности на основе результатов мониторинга реализации НПД соответствующими государственными органами на ежеквартальной основе. Последующий НПД будет подготовлен на основе обобщенного анализа потребностей.

Общество содействия гармоническому развитию человека (People's Harmonious Development Society) в 2006-2007 гг. в рамках проекта "Превенция торговли людьми, мониторинг и поддержка имплементации Национального плана действий по борьбе с торговлей людьми" при поддержке Европейской Комиссии (ЕС) сделало попытку оценки имплементации плана действий на основе разработанных Анти-трафикинговой Рабочей группой, состоявшей их представителей госструктур, национальных неправительственных и международных организаций, индикаторов выполнения

Плана действий [2, 47-59]. Были разработаны и предоставлены для включения в национальный Репорт Института Омбудсмена Рекомендации для усовершенствования механизмов по борьбе с торговлей людьми. Работа была продолжена в 2007-2009 годы в региональном масштабе в рамках проекта "Сотрудничество НПО и госструктур стран Южного Кавказа для совместной борьбы с торговлей женщинами и детьми" совместно с "Исследовательским ресурсным центром для Женщин" Эстонии (NGO and Governmental Cooperation Across the South Caucasus to Develop a Joint Response to Trafficking in Women and Children" in partnership with Women Research and Resource Center, Estonia), с акцентом на международное сотрудничество по проблеме и по-вышение профессионального уровня включенных в работу по проблеме специалистов. Проект получил свое дальнейшее развитие в ходе "Программы сотрудничества по вопросам миграции стран назначения, происхождения и транзита Черноморского бассейна" (Programme of Cooperation in the Black Sea region in the Area of Migration between Countries of Origin, Transit and Destination) (2009-2011 гг.). Постоянным компонентом всех проектов был мониторинг защиты прав пострадавших от торговли людьми, выявивший ряд недочетов в законодательстве и механизмах по защите пострадавших, их перенаправлению, обеспечению конфиденциальности персональных данных в ходе следствия, безопасному возвращению домой, выплате компенсации. В 2009-2010 годы было также проведено исследование и разработаны Рекомендации для повышения качества сотрудничества госструктур и НПО сектора стран Южного Кавказа, включая Грузию.

В 2009-2010 годах Международный центр по развитию миграционной политики (ICMPD) осуществил проект, направленный на повышение эффективности национальных планов действий по борьбе с ТЛ в Армении, Азербайджане и Грузии, при поддержке правительства стран для внесения изменений и дополнений в стратегию и планы действий по борьбе с торговлей людьми, для проведение соответствующих мер по повешению их потенциала. В Грузии была осуществлена оценка первого года реализации НПД на 2009-2010 годы и сделаны Рекомендации. Некоторые из этих Рекомендаций были учтены при разработке НПД 2011-2012 гг.: введены сроки реализации мероприятий и проведение анализа данных Координационным Советом в первой половине 2012 года для идентификации потребностей, стратегического планирования при разработке следующего НПД.

Выявление пострадавших, защита их прав и перенаправление

Статья 3 Анти-трафикингового закона Грузии, включающая дефиниции ключевых терминов, не дает определение торговли людьми, но ссылается на дефиницию преступления “торговля людьми” содержащуюся в статьях Уголовного Кодекса Грузии 143(1) и 143(2).

В соответствии со статьей 143(1), торговля людьми определяется как “Купля или продажа человека или совершение в отношении него других незаконных сделок, а также вербовка, перевозка, укрывательство, найм, транспортировка, выдача, предоставление убежища или принятие человека с целью эксплуатации путем угроз, насилия или иных форм принуждения, похищения, шантажа, мошенничества, обмана, использования беспомощного положения или злоупотребления властью, выплаты или получения вознаграждения или выгоды для достижения согласия лица, могущего повлиять на другое лицо.”

Статья 143(2) УК определяет торговлю детьми как “Купля или продажа несовершеннолетнего или совершение в отношении него других незаконных сделок, а также его вербовка, перевозка, укрывательство, найм, транспортировка, выдача, предоставление убежища либо принятие с целью эксплуатации”.

Для того, чтобы прояснить смысл определения торговля людьми, Антитрафикинговый Закон содержит определения “эксплуатация”, “сексуальная эксплуатация” и “содержание человека в современных условиях рабства” следующим образом:

Статья 3 (г): эксплуатация - использование лиц для принудительного труда или принудительных услуг, их вовлечение в преступные, или иные антиобщественные деяния или проституцию, их постановка в положение, сходное с рабством, или в современные условия рабства, сексуальная эксплуатация или принуждение к оказанию иных услуг, а также использование лиц в целях пересадки органов, частей органов или тканей либо в иных целях;

Статья 3 (е): сексуальная эксплуатация - вовлечение лиц в проституцию, оказание иных сексуальных услуг или производство порнографических материалов путем применения к ним угроз, насилия, принуждения, шантажа или использования их беспомощного положения, с использова-

нием служебного положения или предоставлением недостоверной информации о характере и условиях работы;

Статья 3 (з): постановка в современные условия рабства - лишение лиц их идентификационных документов, ограничение в праве на свободное передвижение, запрещение связи с семьей, в том числе - переписки и телефонных контактов, культурная изоляция, принуждение к работе в условиях, оскорбляющих честь и достоинство, или (и) работе без какой-либо оплаты либо с неадекватной оплатой;

Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми определяет “жертву” как “любое физическое лицо, подвергающееся торговле людьми, как она определена в настоящей статье (4 Конвенции)”. Признание человека жертвой торговли людьми имеет важное значение, поскольку оно дает им право пользоваться широким спектром мер защиты и помощи, изложенных в Конвенции .

Анти-трафикинговый Закон Грузии содержит два определения “пострадавшего” от торговли людьми (ТЛ):

Статья 3 (к): жертвы торговли людьми (трефикинга) - люди, которым в результате торговли людьми (трефикинга) был причинен моральный, физический или имущественный вред, и признанные жертвами торговли людьми (трефикинга) постоянно действующей группой при Межведомственном координационном совете, осуществляющем направленные против торговли людьми (трефикинга) мероприятия в порядке, установленном законодательством Грузии;

Статья 3 (п): потерпевшие - лица, признанные потерпевшими в результате совершения преступлений, предусмотренных статьями 1431 или (и) 1432 Уголовного кодекса Грузии в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Грузии.

Такой двойной подход к определению пострадавших от ТЛ связан с процессом идентификации. Есть два слова для обозначения "пострадавшего" на грузинском языке: "dazaralebuli" это термин, используемый для обозначения “потерпевшего” от преступления и относится к человеку, которому был предоставлен статус жертвы полицией, в рамках уголовного дела, в то время как "msxverpli" означает человека, который получил статус “пострадавшего” от торговли людьми от Постоянной группы при Координационном Совете. Оба типа жертв имеют одинаковые права на получение помощи и защиты .

Национальный реферальный механизм (НРМ) был разработан Координационным Советом и включает процедуры с момента идентификации потенциального пострадавшего до его безопасного возвращения домой в его / ее страну происхождения. НРМ также определяет процедуры предоставления помощи пострадавшим / потерпевшим, в соответствии с Антитрафикинговым законом.

НРМ предоставляет защиту и помощь пострадавшим независимо от того, сотрудничают они или нет с правоохранительными органами. В действительности PHDS имел факты, когда потенциальная жертва не получала статус за «недостатком» доказательств, хотя эти же люди получили статус от Международной Организации по Миграции или национальной НПО (2006-2007 гг.), или от полиции как потерпевшие (2011 г) и не получили никакой помощи в Грузии. Он предусматривает предоставление правового статуса пострадавшего / потерпевшего от ТЛ через Постоянную группу при Координационном Совете или правоохранительными органами. Лица, получившие статус пострадавшего / потерпевшего могут пользоваться механизмами защиты, которые включают в себя проживание в убежище и помощь (например, оказание помощи пострадавшим пособием, медицинским обслуживанием, юридическую поддержку и т.д.) до получения статуса потенциальный пострадавший, даже если ему негде жить, не может пользоваться услугами убежища, в стране нет структуры, которая может предоставить им достойные условия для проживания.

В ноябре 2006 года Координационный совет разработал инструкции по защите жертв ТЛ, в рамках НРМ. Эти инструкции включены в новые "Стандарты и процедуры для идентификации, защиты, помощи, реабилитации и реинтеграции пострадавших от торговли людьми", принятые в октябре 2011 года.

В июле 2007 года Координационный совет принял Стратегию по реабилитации и социальной реинтеграции пострадавших от ТЛ, которая определяет основные направления государственной политики в этой области. Целью этой стратегии является содействие реабилитации и социальной реинтеграции жертв ТЛ, в соответствии с основанным на потребностях подходом. Реабилитация осуществляется на основе индивидуального плана составленного социальным работником с непосредственным участием пострадавшего от ТЛ.

Согласно утверждению государственных чиновников, стратегия реабилитации и реинтеграции пострадавших от ТЛ является естественным продолжением НРМ. Оба инструмента предоставляют подробное руководство для эффективного сотрудничества государственных органов, НПО и международных организаций в идентификации жертв и оказании им помощи.

Государственный фонд был создан в 2006 году в соответствии со статьей 9 Анти-трафикингового Закона и находится в ведении Министерства труда, здравоохранения и социальной защиты. Целью государственного Фонда является эффективная защита, оказание помощи и реабилитация пострадавших от ТЛ, включая выплату одноразовой компенсации. Фондом управляет директор, который назначается президентом Грузии и его деятельность координируется Наблюдательным советом, членами которого являются представители государственных структур, НПО, международных организаций, эксперты и ученые. Бюджет Государственного фонда вырос более чем в два раза за последние пять лет: от 300 000 лари в 2007 году до 773 000 лари в 2011 году (то есть около 320 000 евро). Государственный фонд финансируется из государственного бюджета, получает гранты от международных организаций и других доноров, но в 2011 году средства были получены только из государственного бюджета. Хотя правительство Грузии тесно сотрудничает с неправительственными организациями, оно не предоставляет финансирования или материальной помощи в борьбе с торговлей людьми неправительственным организациям для идентификации пострадавших или осуществления услуг по защите [3, 169].

Государственный фонд несет ответственность за осуществление стратегии реабилитации и реинтеграции и контроль за оказанием помощи жертвам торговли людьми. Кроме того, Государственный фонд имеет два приюта для пострадавших от ТЛ (в Батуми и Тбилиси).

Согласно данным, приведенным в Рапорте Госдепартамента США в 2007 году была оказана помощь и предоставлено убежище 12 пострадавшим, а 2008 – 10, в 2009 – 15, в 2010 – 10. Компенсация в размере 1000 лари (около 450 евро) выплачена в 2008 году - двум пострадавшим, в 2009 году – никто не просил компенсацию, в 2010 году - двоим была выплачена компенсация [4].

На протяжении многих лет, НПО работали в тесном сотрудничестве с грузинскими властями для разработки нормативно-правовой базы по борь-

бе с ТЛ и сыграли важную роль в ее осуществлении, включая оказание помощи пострадавшим.

Что касается детей, статья 18 (6) Анти-трафикингового Закона содержит положение о том, что дети, пострадавшие от ТЛ подлежат защите, предусмотренной в 1989 году в Конвенции ООН о правах ребенка, Конвенции Совета Европы по противодействию торговле людьми и Руководством, принятым международными организациями в области защиты детей, пострадавших от ТЛ. Кроме того, закон предусматривает, что в приютах для пострадавших от ТЛ, необходимо учитывать особые потребности детей в отношении условий проживания, их образования и ухода за ними. Тем не менее, никакие конкретные меры были предприняты для того, чтобы идентификация, защита, помощь и реабилитация пострадавших от ТЛ детей осуществлялась с учетом интересов ребенка. Проект поправок к Анти-трафикинговому закона в отношении детей будет представлен в парламент в 2012 году. Новая Специальная Наблюдательная группа (Special Steering Group), создана в ноябре 2011 года при Министерстве труда, здравоохранения и социальной защиты, для осуществления защиты беспризорных детей, включая их уязвимость в отношении торговли людьми

НПО и профсоюзы Грузии указывают на низкий уровень осведомленности населения о ТЛ с целью трудовой эксплуатации, большинство таких случаев пресеченных в Грузии относились к домашнему труду (на фермах, в отдаленных сельских районах). Кроме того, были случаи ТЛ в отношении иностранных граждан, эксплуатируемых в таких секторах, как сельское хозяйство, тяжелая промышленность, строительство и бытовые услуги.

В 2006 году трудовая инспекция в Грузии была упразднена, с тех пор полиция несет ответственность за контроль по исполнению трудового законодательства, включая использование детского труда. Минимальный возраст, допустимый для выполнения работы – 15 лет, но Трудовой кодекс разрешает детям в возрасте от 14 до 16 лет выполнение "легкой работы", хотя еще нет дефиниции "легкой работы", не определены допустимые виды деятельности, допустимое количество часов и других условий которым эта работа должна соответствовать. Это повышает уязвимость детей к торговле людьми, которая усугубляется отсутствием информации о детском труде в Грузии. В этом контексте МОТ запросил Правительство Грузии предоставить информацию о занятости детей, работающих на улицах и в

сельскохозяйственном секторе, а также виды нарушений, выявленных властями в отношении детского труда.

Пострадавшие от ТЛ являются чрезвычайно уязвимыми после пережитых травм и Статья 13 Конвенции обязывает законодательно обеспечить срок не менее 30 дней, что представляет собой важную гарантию пострадавшим / потенциальным пострадавшим, позволяя им восстановиться, выйти из-под влияния торговцев людьми и принять решение по сотрудничеству с компетентными органами. В течение этого периода им должно быть разрешено оставаться на территории страны.

В соответствии со Статьей 12 Анти-трафикингового Закона, потенциальные пострадавшие имеют право на 30-дневный период для принятия решения о сотрудничестве с правоохранительными органами в уголовном судопроизводстве. Отсчет времени на обдумывание исчисляется с того дня, когда потенциальные жертвы ТЛ вступили в контакт с приютом или правоохранительными органами.

Стандарты и процедуры, принятые в октябре 2011 года предусматривают, что иностранный гражданин пострадавший от ТЛ, который имеет право на размышление будет иметь вид на временное проживание в Грузии. По истечении срока на размышление или после завершения уголовного дела, ответственными органами должны быть принять меры для безопасного возвращения пострадавших от торговли людьми в страну происхождения. Согласно Анти-трафикинговому Закону в течение этого периода пострадавшие от ТЛ не подлежат уголовной ответственности, предусмотренной статьей 371 УК (отказ от показаний).

Статья 14 (1) Конвенции предусматривает две возможности, когда речь идет о выдаче вида на жительство пострадавшим от ТЛ: исходя из их личной ситуации и/или по причине сотрудничества с компетентными органами в расследовании или уголовном судопроизводстве. Статья 19 (1) (г) Закона о правовом положении иностранных граждан предусматривает, что в случае обоснованных сомнений, что человек может стать пострадавшим от ТЛ, ему/ей должен быть выдан вид на временное проживание. Аналогичное положение содержится в статье 20 о борьбе с торговлей людьми, где сказано, что если есть обоснованные предположения, что человек может пострадать, то он/она не должны быть высланы из страны и им надо предоставить вид на жительство, если он/она решат сотрудничать с правоохранительными органами. Вид на жительство действителен до за-

вершения соответствующих уголовного и/или гражданского судопроизводства и в течение этого периода пострадавшие от ТЛ имеют право на работу в Грузии и пользуются правами и гарантиями, согласно Трудовому кодексу. Кроме того, Анти-трафикинговый Закон говорит, что иностранцам, пострадавшимот ТЛ должен быть выдан вид на жительство в Министерстве юстиции на период для принятия решения о сотрудничестве с правоохранителями на основе ходатайства шелтера или органа, ответственного за процесс.

Статья 15 Конвенции устанавливает обязанность для сторон предусмотреть в своем внутреннем законодательстве права жертв торговли людьми на юридическую помощь и бесплатную юридическую защиту. Стороны должны также предусмотреть право пострадавших от ТЛ на получение компенсации от обвиняемых, а также принять законодательные или другие меры по обеспечению компенсации жертвам со стороны государства. Кроме того, статья 15 (1) Конвенции устанавливает, что жертвы торговли людьми должны иметь доступ к информации о соответствующих судебных и административных процедурах на языке, который они могут понять.

В соответствии со статьей 16 Анти-трафикингового Закона, пострадавшие от ТЛ имеют право требовать в гражданском суде возмещение за моральный, физический или материальный ущерб. Кроме того, потерпевшие имеют право требовать компенсацию от Государственного фонда, в соответствии с инструкциями по защите жертв ТЛ и “Правилам выплаты компенсации жертвам ТЛ”, принятым Координационным советом 26 ноября 2006 год. В соответствии с этими положениями, если невозможно получить компенсацию от трафикеров, то жертвы торговли людьми получают одноразовую выплату, компенсацию в размере 1000 лари из Государственного Анти-трафикингового Фонда. Для получения этой выплаты, жертвы должны представить документ, подтверждающий их статус. Существует прямая связь между компенсацией по возмещению ущерба от трафикера и от государства: если через три месяца после начала расследования дела по ТЛ, невозможно выявить и арестовать трафикера, или, если по истечении шести месяцев со дня вынесения обвинительного приговора нет возможности получить компенсацию от преступника, Агентство, занимающееся вопросами предоставления статуса жертвы торговли людьми информирует о том, что заинтересованное лицо (пострадаший от ТЛ) может получить

компенсацию от Государственного фонда. Если жертвам торговли людьми предоставляются такие компенсации и трафикеры будут впоследствии выявлены и осуждены, получение пособия не мешает пострадавшему требовать возмещения материального, морального и имущественного ущерба от трафикера.

По данным государственных структур Грузии, пять жертв торговли людьми получили компенсацию от Государственного фонда в 2008 году, ни один человек не получил в 2009 году и два человека получили ее в 2010 году. Компенсация от Государственного Анти-трафикингового Фонда предоставляется на основе заявления. Фонд отмечает, что все жертвы торговли людьми, которые обратились за помощью к Фонду, получили компенсацию.

Статья 16 Конвенции требует от участвующих Сторон наличие программ репатриации, которые направлены на предотвращение повторной виктимизации и вовлечение в данную работу соответствующих национальных или международных учреждений и неправительственных организаций, а также активизацию усилий, для содействия реинтеграции жертв в общество стран происхождения . Стороны также обязуютсяпредоставлять жертвам торговли людьми контактную информацию структур, которые могут помочь им в стране происхождения, а именно, правоохранительных органов, НПО, адвокатов и органов социальной защиты. Возвращение домой пострадавших от торговли людьми, должно быть, предпочтительно, добровольным и осуществляться с учетом прав человека, соблюдением безопасности и достоинства личности, процессуальных действий, связанных с тем, что лицо является пострадавшим от ТЛ.

Рекомендации для государственных структур Грузии:

Рекомендации для государственных структур Грузии:

Усовершенствование законодательной базы для гармонизации анти-трафикингового законодательства Грузии и мер по защите пострадавших / потерпевших с другими положениями национального законодательства и с международным законодательством;

Включение в национальное законодательство в полной мере требований Конвенции о отягчающих обстоятельствах, в частности, когда преступление ТЛ совершенно государственным должностным лицом при исполнении его/ее обязанностей;

Изучение причин неприменения мер по выявлению и последующей конфискации имущества в случаях совершения преступления ТЛ;

Активизировать выявление и расследование случаев ТЛ с целью сексуальной и трудовой эксплуатации;

Решение проблемы недостатка специальных мер для защиты пострадавших от ТЛ и заметного сокращения уголовных преследований и осуждений с 2010 года;

Обеспечение в ходе судебного разбирательства адекватной защиты жизни и безопасности пострадавших от ТЛ, и тех, кто помогает ими;

Увеличение случаев выявления пострадавших от ТЛ, соблюдение гарантий конфиденциальности их персональных данных;

Обеспечение доступа к услугам, предусмотренным законодательством для защиты пострадавших/потерпевших независимо от того, сотрудничают ли они с правоохранительными органами как в отношении граждан Грузии, так и иностранцев, пострадавших от ТЛ в Грузии или вывезенных через Грузию;

Обеспечение превентивных мер и доступ к услугам по защите прав наиболее уязвимых слоев населения: вынужденно переселенных лиц, несовершеннолетних, детей без сопровождения взрослых;

Укрепление и развитие сотрудничества с Турцией и другими странами назначения, дальнейшее изучение возможностей для международного сотрудничества с целью предотвращения и борьбы с ТЛ, а также оказания помощи пострадавшим от ТЛ;

Повышение профессионального уровня сотрудников государственных служб, имеющих отношение к борьбе с ТЛ для совершенствования системы идентификации пострадавших от ТЛ;

Сотрудничество с НПО Грузии в процессе организации обучения, участие в тренингах, организованных НПО Грузии, изучение опыта работы специализированных НПО с пострадавшими от ТЛ;

Проведение и поддержка исследований по вопросам торговли детьми, ТЛ с целью трудовой эксплуатации, ТЛ в приграничных (особенно в Аджарии), в постконфликтных районах, в малоизученных районах Грузии, включая морские пути; изучение предоставляемых неправительственными и международными, а также академическими организациями результатов исследований и данных по работе с пострадавшими от ТЛ;

Использование результатов исследований для принятия дальнейших политических мер в области борьбы с ТЛ;

Развитие и поддержка базы данных по борьбе с торговлей людьми с учетом мер по соблюдению конфиденциальности персональных данных пострадавших для подготовки, мониторинга и оценки государственной системы борьбы с торговлей людьми;

Включение вопросов превенции ТЛ в Национальную стратегию по вынужденно перемещенным лицам (ВПЛ) в рамках программ по решению проблем социально-экономической уязвимости ВПЛ;

Повышение осведомленности и проведение информационных кампании по предотвращению ТЛ с целью трудовой эксплуатации, как в Грузии среди наиболее уязвимых групп населения (вынужденных переселенцев, детей, потенциальных мигрантов), так и за рубежом в странах назначения о рисках нелегальной миграции;

Организация в сотрудничестве ссоответствующими структурами стран происхождения, для граждан которых Грузия является страной назначения или транзита, информационных кампаний по предупреждению ТЛ, информированию о существующих рисках (например, на окупированных территориях, в Южной Осетии илив Абхазии) и о том, как получить помощь, в случае если человек стал жертвой торговцев людьми на территории Грузии;

Выявление и идентификация детей, пострадавших от торговли детьми, а также выявление и изучение случаев насилия в отношении детей, для идентификации пострадавших от торговли детьми в этих случаях;

Усиление борьбы со спросом на услуги, оказываемые пострадавшими от ТЛ, от торговли детьми;

Изучение причин того, что очень небольшое количество выявленных пострадавших от ТЛ согласились принять участие в программах реабилитации и реинтеграции, и не проявили заинтересованности в получении компенсации;

Совершенствование механизма перенаправления пострадавших от ТЛ с учетом интересов потенциальных пострадавших на всех стадиях работы с ними, начиная с момента их первого контакты с представителями госструктур;

Оказание услуг по защите, исходя из интересов пострадавших от торговли детьми, включая опеку и попечительство, обеспечение соответст-

вующим жильем, включая организацию специализированных убежищ, образование и обучающие программы, включая ускоренную школьную программу, с учетом потребностей ребенка;

Развитие программ профессионального обучения пострадавших от ТЛ и обеспечение доступа на рынок труда в целях содействия их реинтеграции для предотвращения повторного трафикинга;

Подготовка достаточного количества хорошо обученных социальных работников для предоставления пострадавшим от ТЛ качественных услуг;

Обеспечение пострадавшим от ТЛ доступа к информации о своих правах, включая информацию о возможности получения времени на размышление о сотрудничестве с правоохранителями, о возможности получения компенсации; обеспечение доступа к бесплатной юридической помощи для возможности реализации права на компенсацию от государственного Фонда и/или от торговцев;

Облегчение доступа к компенсации пострадавшим от ТЛ, обеспечение гарантий реальной возможности требовать компенсацию от торговцев людьми в любом гражданском или уголовном судопроизводстве;

Изучение условий, в которые попадет пострадавший/ая от ТЛ по возвращении домой (в Грузии или у себя дома – в стране происхождения) и обеспечение безопасных условий для ее возращения домой исходя из каждой конкретной ситуации, особенно в случаях, когда было судебное разбирательство и трафикер знает семью пострадавшего от ТЛ, в данном контексте разработка мер по предоставлению вида на жительство на тот период, который понадобится, чтобы возвращение домой стало безопасным;

Обеспечение вида на жительство, достойных условий проживания и трудоустройство пострадавшего/ей на период проживания в Грузии в случае необходимости;

Обеспечение выполнения всех предусмотренных законом мер по защите прав человека вне зависимости от того, соглашаются пострадавшие от ТЛ сотрудничать с правоохранительными органами или нет;

Разработка организационных и процедурных рамок по обеспечению возвращения домой пострадавших от ТЛ, с учетом их безопасности, сохранения их достоинства и обеспечения защиты и предотвращения их повторной виктимизации. В случаях с детьми, должна быть сделана специиальная оценка рисков, исходя из интересов ребенка;

Сотрудничество с национальными органами власти, НПО и международными организациями в странах, из которых грузинские пострадавшие от ТЛ были репатриированы, а также в странах происхождения пострадавших от ТЛ, выявленных в Грузии.

Литература

1. H. R. 3244 AN ACT To combat trafficking of persons, especially into the sex trade, slavery, and slavery-like conditions, in the United States and countries around the world through prevention, through prosecution and enforcement against traffickers, and through protection and assistance to victims of trafficking
2. План действий по борьбе с торговлей людьми (трефикинга) 2005-2006 гг. - Тбилиси, Общество содействия гармоническому развитию человека, 2005
3. Trafficking in Persons Report 2011 by Office To Monitor and Combat Trafficking in Persons, US Department of State. http://www.state.gov/documents/organization/164454.pdf
4. Trafficking in Persons Report 2008-2011 by Office To Monitor and Combat Trafficking in Persons, US Department of State. http://www.state.gov/j/tip/rls/tiprpt/
5. Материалы рабочих встреч. Анти-трафикинговая региональная программа. Под ред. Назаровой Ц. - Чакви 2005
6. Механизмы перенаправления жертв торговли людьми на национальном уровне. Практическое руководство, БДИПЧ ОБСЕ, 2004
7. Противодействие торговле людьми, Руководство для тренеров, под ред. Назаровой Ц. - Тбилиси, 2007.
8. Предоставление компенсаций жертвам эксплуатации и торговли людьми в регионе ОБСЕ, БДИПЧ ОБСЕ, 2009

Представлена в редакцию
25 ноября 2011 года

ROLUL CADRELOR DE CONDUCERE ÎN SISTEMUL ADMINISTRAȚIEI PUBLICE

Radu STAMATIN
Republica Moldova, Chisinau, Academia de Administrare Publica pe linga Presedintele Republicii Moldova
Doctorand

Leaders are a worker who tops the team, directs and coordinates the institution, control and govern the execution team to achieve assigned tasks and goals. The head of a public institution must satisfy three groups of conditions: public management training, professional experience and psychological qualities. Leadership effectiveness is determined largely by correspondence of individual qualities with the role and functions of the head of the organization. Leadership effectiveness is determined largely by compliance between individual qualities and of roles and functions, which is required to exercise in the organization. In the literature on personnel management are distinguished various roles of the manger: leader, scheduler, entrepreneur, mediator, and certain social roles.

Necesitatea dezvoltării ştiinţei conducerii administraţiei publice este unanim recunoscută. Devine tot mai evident faptul că dirijarea serviciului public este o activitate, care necesită cunoştinţe speciale şi deprinderi practice, o pregătire deosebită [11, 751].

Literatura de specialitate oferă diferite definiţii ale obiectului ştiinţei conducerii. De exemplu, E.Starosteak consideră că „ştiinţa conducerii trebuie să fie o ştiinţă numai despre organizare sau despre legităţile organizării” [21, 74]. V.M.Manohin afirmă că obiectul de studiu al ştiinţei conducerii îl constituie activitatea diferitelor asociaţii social-obşteşti [19, 85].

Astfel, obiectul ştiinţei conducerii include studierea legităţilor generale şi specifice ale dirijării societăţii în scopul sporirii eficienţei activităţii organizatorice.

Fenomenul conducerii este foarte vechi. Acesta a apărut odată cu societatea şi a evoluat odată cu ea, având o direcţie constantă: orientarea oamenilor în cadrul unui efort organizat [13, 41].

Micul Dicţionar Enciclopedic defineşte termenul de „conducere” ca fiind „acţiunea de conducere, activitatea conducătorului, persoane sau colectiv de persoane care conduc.” [6, 315].

Foarte reuşit defineşte noţiunea de conducere M.Platon. Astfel, procesul conducerii reprezintă activitatea organelor şi cadrelor de conducere în vederea influenţării asupra obiectului conducerii cu ajutorul metodelor alese pentru atingerea scopurilor trasate [11, 752].

Termenul de „conducere” include noțiunile de organizare, îndrumare, supraveghere, dirijare, administrare, management, reglementare, direcționare, autoreglementare, delegare etc. [15, 14]. Totodată, unii autori pun semnul egalității între noțiunea de „management” şi cea de „conducere”, ca având aceeaşi semnificație [13, 42].

O problemă care nu şi-a găsit încă răspunsul pe deplin este dilema discernerii diferențelor dintre conducere şi administrație [11, 755].

Potrivit autorului N.Henry administrația şi conducerea au o importanță egală în succesul organizației: conducerea este văzută ca ocupîndu-se cu schimbarea, în timp ce administrația este văzută ca făcînd față complexității [3, 322].

C.Manda scrie că conducerea este considerată factorul-cheie, strategic, în procesul de structurare, funcționare şi eficientizare a autorităților publice, ca şi a celorlalte organizații. Astfel, conducerea este definită ca un proces dinamic de organizare şi coordonare, într-o anumită perioadă de timp şi într-un context organizational specific, a altor grupuri de membri ai organizației, în vederea realizării unor sarcini sau scopuri specifice [4, 187; 17, 2].

M.Oroveanu se pronunță în sensul că, tradițional, managementul resurselor umane poate fi considerat, de o manieră generală, funcția de conducere, care constituie una dintre cele cinci funcții principale ale administrației publice [10, 170].

În sens larg, conducerea este o activitate umana complexă, care cuprinde tot ce se referă la exercitarea atributelor unui conducător.

În sens restrâns - conducerea reprezintă înfăptuirea intențiilor conducătorului față de cei conduşi.

Conducerea poate fi tratată ca [15, 14]: a) acțiune; b) activitate; c) proces.

Acțiunea de conducere - reprezintă actul fizic sau intelectual exercitat de subiectul conducător asupra subiectului condus; este o acțiune majoră, deoarece are ca obiect alte acțiuni (sau inacțiuni) pe care aceasta le stimulează, le interzice, le controlează sau le corectează.

Activitatea de conducere - cuprinde ansamblul de acte şi acțiuni conştiente de impunere a voinței subiectului conducător asupra subiectului condus. Ea poate fi definita. Astfel ca o funcție de sistem determinată.

Privită ca proces - conducerea se constituie: l. dintr-un ansamblu de activități exercitate de subiectul conducător asupra subiectului condus pe parcursul transformărilor şi devenirii celui din urmă, în conformitate cu obiectivele şi scopurile informațiilor, 2. elaborarea deciziilor, şi ultima, 3. munca organizatorică pentru aducerea lor la împlinire.

În esență, *conducerea* reprezintă ansamblul deciziilor şi acțiunilor subiectului conducător prin care se asigură trecerea subiectului condus dintr-o stare în alta, conform unui plan dinainte stabilit [15, 15].

Relațiile organizatorice din structura unui sistem de conducere determina latura social-psihologică alături de care se află latura organizatorică-metodică.

Latura social-psihologică este determinată de relațiile dintre oameni, scopurile, normele de conduită, tot ce antrenează pe oameni la acțiune, creând echilibrul dinamic al sistemului de conducere. Latura organizatorico-metodică asigură culegerea datelor, informațiilor despre obiectul condus, cunoaşterea condițiilor de mediu, luarea deciziilor, executarea lor, constituind dinamica unei conduceri, conducerea procesului propriu-zis.

Între aceste laturi se află o strânsă legătură dialectică în cadrul celor două laturi enunțate mai sus, se interferează şi structura economică. Ea caracterizează modul de producție, esența de clasă, tehnologia aplicată în sistemul de conducere.

Dacă privim în ansamblu cele două laturi ale conducerii se poate spune că resursele social-umane determină latura social-psihologică (izvorul teoretic al conducerii), iar resursele tehnico-materiale determină latura organizatorico-metodică şi care constituie motorul conducerii execuției şi aplicării în practică a deciziilor elaborate.

În literatura de specialitate se disting *3 elemente de bază ale conducerii*: resursele, informațiile şi scopul.

Resursele conducerii sunt constituite din: *resursele naturale din mediul înconjurător* (forme de materiale, de energie şi de viața existente în mediul natural care prin desprinderea lor din natură pot fi folosite de om în forma brută sau în urma prelucrărilor industriale, agricole etc., într-un proces de conducere); *resurse umane* (de forță de muncă - ce reprezintă totalul populației active de care dispune societatea la un moment dat); *resurse financiare* (mijloace băneşti, concentrate la dispoziția subiectului conducător sau/şi a subiectului condus); *resurse tehnice*; *resurse ştiințifice*; *alte resurse.*

Cea mai importantă resursă a unei conduceri este omul [15, 15] care este purtătorul, determinantul celor mai active şi puternice forțe ale unui proces de conducere: factorii pur umani. De menționat că, atât subiectul conducător, cât şi subiectul condus sunt constituite numai din oameni.

Informația în procesul de conducere reprezintă obiectul muncii subiectului conducător, materia primă ca element al oricărei conduceri. Ea constituie o noțiune fundamentală în ştiința conducerii care desemnează înştiințarea, comunicarea, mesajul, data, percepția în legătură cu starea şi condițiile unor procese sau fenomene aparținând subiectului condus şi care constituie o noutate şi prezintă interes în executarea conducerii de către subiectul conducător. Pe măsură ce creşte complexitatea unui sistem, creşte şi volumul informațiilor culese, stocate, organizate şi prelucrate.

Informația are o triplă dimensiune [15, 16]: a) *social-politică* ce decurge din rolul ei în exercitarea conducerii societății, în dezvoltarea conştiinței socia-

le, a oricărei societăţi democratice; b) *organizaţională*, în sensul că ea constituie o premisă indispensabilă în stabilirea şi realizarea obiectivelor unui sistem de conducere; c) *individuală* - deoarece informaţia condiţionează apreciabil modelarea şi realizarea aspiraţiilor personale ale oamenilor muncii, ale celor conduşi sau conducători.

Scopul (obiectivul) reprezintă elementul conducerii care reflectă ţinta către care tinde subiectul conducător, anticiparea mintală a rezultatelor, ţelul pe care acesta doreşte să-1 transpună în viaţă prin acţiunile sale asupra stării subiectului condus.

Acesta trebuie să fie fixat pe baza unei temeinice cunoaşteri a situaţiei obiective, definit în mod ştiinţific şi să reflecte nevoile (necesităţile), resursele existente, căile şi mijloacele acţiunii.

De conţinutul şi modalitatea de realizare a ţelului depinde succesul oricărei conduceri.

Totodată, pentru orice conducere contemporană sunt caracteristice anumite legii şi principii, care s-au conturat în rezultatul evoluţiei îndelungate a acestui fenomen.

Printre ***legile conducerii*** pot fi menţionate [15, 21]:

- *legea universalităţii conducerii* - constă în faptul că pretutindeni orice activitate social umană trebuie condusă, omul fiind exponentul tendinţei proprii viului de a conduce natura prin sine, de a supune mediul înconjurător în conformitate cu necesităţile vitale proprii omului - creaţia supremă a universului cunoscut;

- *legea permanenţei conducerii* - întotdeauna orice conducere socială trebuie să se exercite în mod neîntrerupt, îndeplinirea ei nepermiţând ruperea continuităţii;

- *legea eficienţei conducerii* - orice conducere se menţine prin rezultate concrete, proprii sistemului de conducere în cauză, cu cea mai mică cheltuială de energie, în condiţiile cele mai demne şi mai potrivite cu natura umană, atât a subiectului condus, cât şi a subiectului conducător.

- *legea unicităţii conducerii* - subiectul condus, într-un sistem de conducere dat, nu trebuie să aibă în acelaşi timp decât un singur subiect conducător (individual sau colectiv).

- *legea conducerii unitare* - într-un sistem de conducere dat, conducerea trebuie înfăptuită în cadrul aceluiaşi sistem, în acelaşi timp, simultan pentru întregul sistem şi nu pe părţi sau la intervale mari de timp pentru aceeaşi acţiune de conducere.

Principiile de bază ale conducerii societăţii sunt [15, 21-23]:

Principiul conducerii politice de către partidul sau coaliţia de guvernământ. Acest principiu se realizează prin: elaborarea politicii interne şi externe a ţării; stabilirea obiectivelor fundamentale, a liniilor directoare de orientare a

efortului naţional pentru etapele viitoare şi a programului economico-social de dezvoltare a ţării; mobilizarea şi organizarea eforturilor naţiunii, a factorilor de răspundere pentru atingerea obiectivelor stabilite; desfăşurarea unei munci vaste de formare şi dezvoltare a conştiinţei naţionale; înrâurirea evoluţiei proceselor economice şi relaţiilor dintre clase şi grupuri sociale; înfăptuirea politicii de cadre; controlul transpunerii în fapt a directivelor şi analizarea rezultatelor obţinute în activitatea economico-socială; generalizarea experienţei pozitive obţinută în procesul edificării democraţiei; studierea experienţei altor ţări, a tendinţelor evoluţiei economico-sociale pe plan mondial şi promovarea soluţiilor şi măsurilor corespunzătoare de perfecţionare a conducerii, planificării şi organizării în funcţie de schimbările ce intervin în ansamblul societăţii româneşti; perfecţionarea permanentă a formelor şi metodelor democratice de conducere a partidului de guvernământ (coaliţiei).

Principiul conducerii şi muncii colective, al participării tuturor oamenilor la conducerea societăţii. Potrivit acestui principiu la toate nivelurile de conducere există organe de conducere colective prin care cetăţenii participă direct sau prin reprezentanţii lor la elaborarea, adoptarea, îndeplinirea şi controlul executării deciziilor privind conducerea întregii activităţi economico-sociale. În cadrul acestui principiu, pornind de la democraţia reală, de la conducerea colectivă, prin ridicarea permanentă a participării tuturor cetăţenilor la conducerea societăţii s-a dezvoltat autoconducerea cetăţenească, devenind ea însăşi un principiu al conducerii.

Principiul ridicării continue a bunăstării materiale şi spirituale a poporului pe baza creşterii producţiei de bunuri materiale şi a creării de noi valori spirituale. Scopul suprem al oricărei politici democratice este ridicarea bunăstării materiale şi spirituale a întregului popor, satisfacerea deplină a nevoilor cetăţenilor, afirmarea plenară a personalităţii umane.

Principiul corelaţiei armonioase dintre factorii interni şi externi ai construcţiei democratice, între politică internă şi externă a partidului de guvernământ. Acest principiu izvorăşte din concepţia privind raportul dintre politica internă şi cea externă. Prin politică internă se urmăreşte şi se asigură egalitatea în drepturi a tuturor cetăţenilor, fără deosebire de naţionalitate, precum şi participarea lor la întreaga viaţă politică, economică, socială, culturală. Politica externă are aceeaşi bază economică şi acelaşi conţinut social, fiind o prelungire pe planul relaţiilor internaţionale a politicii interne.

Alte principii importante ale conducerii, identificate de autorul M.Platon, sunt [13, 55]:

- caracterul ştiinţific;
- planificarea;
- identificarea importanţei decisive a economiei în dezvoltarea societăţii;
- selectarea şi repartizarea cadrelor în funcţie de calităţile lor profesiona-

le;

- activitatea ireproşabilă a aparatului administrativ;
- verificarea sistematică a îndeplinirii deciziilor adoptate.

În cadrul administrării publice conducerea poate fi privită ca un proces complex, constituit din activități specifice, care formează o acțiune managerială orientată spre realizarea unor obiective concrete, condiționată de executarea anumitor operații, de aplicarea unor principii, metode şi reguli care asigură sporirea eficienței conducerii. Conducerea îmbină mai multe activități specifice, printre care adoptarea deciziilor care este un proces fundamental, o anumită cale de acțiune din mai multe variante posibile în scopul obținerii rezultatului scontat [12, 23].

Decizia administrativă, ca instrument de conducere a procesului de exercitare a puterii executive, are o deosebită importanță, fiindcă determină acțiunea care antrenează colectivele de oameni [16]. Aceasta reflectă un ansamblu de activități umane raționale, desfăşurate în vederea rezolvării optime a unor situații sau probleme care se impun la un moment dat [12, 23]. De aceea, potrivit autorului I.Alexandru [1, 40], orice decizie presupune: o bază de informații ample şi certe (sigure); un proces rațional (de gândire, de înțelegere); obiective (scopuri precise, concrete, măsurabile).

În activitatea decizională a conducerii un rol important îi revine obiectului deciziei, apoi urmează etapele propriu-zise şi anume [9; 24]:

- *colectarea* datelor (date care vizează situația trecută, prezentă sau viitoare);

- *selecționarea* (filtrarea şi sistematizarea) *datelor*;

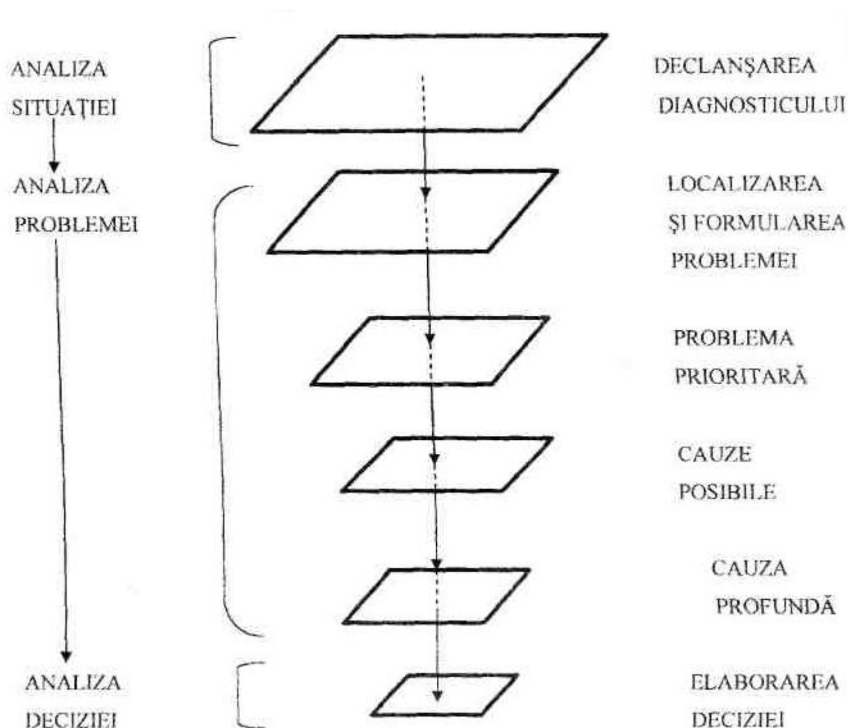
- *analiza datelor şi informațiilor*. La această etapă sînt elaborate diferite variante ale deciziei.

- *luarea deciziei* este momentul-cheie privind analiza variantelor de decizie, a manifestărilor voinței celui care ia decizia.

- executarea deciziei administrative. Pentru ca decizia administrativă să asigure eficient, calitativ şi cantitativ realizarea obiectivelor fixate, este necesar să întrunească următoarele criterii [2; 12, 27]: să fie fundamentată ştiințific; să fie adoptată de către persoanele numite, ceea ce presupune ca factorul de decizie să fie împuternicit prin acte normative; să fie coordonată; adoptată la timp; să se caracterizeze prin claritate, formă precisă, succesiune logică şi concizie.

În mod grafic, etapele activității decizionale se prezintă în felul următor:

Fig. 1. Schema procesului de elaborare a deciziei [12, 26]

Esența concepțiilor moderne privind conducătorul în calitate de lider al colectivului constă în aceea, că el este privit ca un purtător al culturii inovaționale de organizare, ca un inițiator principal al schimbărilor consecvente în interiorul organizației [11, 773]. Din acest considerent este important să cunoaştem locul pe care îl ocupă conducătorul în colectiv, rolurile şi funcțiile sale, factorii biologici şi social-economici, calitățile lui personale care influențează asupra gradului de eficiență a conducerii, precum şi factorii ce contribuie la obținerea succesului în munca sa.

Potrivit autorului M.Platon, conducătorii sînt lucrătorii care se află în fruntea colectivului corespunzător, orientează şi coordonează activitatea întregului aparat de conducere sau a unor verigi aparte ale lui, efectuează controlul şi reglementează activitatea colectivului în vederea executării sarcinilor trasate şi atingerii scopurilor propuse [11, 774].

O definiție mai simplă o oferă autorul H.A.Simon, care menționează că un conducător este persoana capabilă să unească oamenii în urmărirea unui scop [14, 151]

Autorul rus G.Şciokin divizează conducătorii în liniari şi funcţionali.

Conducătorii liniari sînt persoane care activează în bază unipersonală, responsabili de starea şi dezvoltarea organizaţiei sau a unei părţi a ei deosebite, dar constituite organizational.

Conducătorii funcţionali sînt persoane responsabile de un anumit sector funcţional de lucru în sistemul de conducere şi se află în fruntea subdiviziunii care îndeplineşte funcţii concrete de conducere (comitet, secţie, afacere etc.) [22, 300].

Acceptarea unei persoane în calitate de conducător va depinde, în primul rând, de recunoaşterea unor calităţi excepţionale la această persoană de către cei care o urmează - calităţi care le dau acestora încredere şi îi determină să dorească să îi accepte influenţa.

Faţă de conducător se înaintează un şir de exigenţe profesionale [23, 300]:

- trebuie să cunoască bine activitatea unităţii sale în ansamblu, să posede deprinderi de planificare strategică;
- să deţină o informaţie completă (el trebuie să cunoască posibilităţile unităţii sale, ale organelor ierarhic superioare şi inferioare, organizaţiilor înrudite, precum şi nivelul de profesionalism al colaboratorilor săi);
- să aibă un caracter analitic (capacitatea de a diagnostica problema şi a aplica diverse metode de analiză pentru soluţionarea ei);
- să fie perseverent în atingerea scopului;
- operativ în lucru;
- să posede iscusinţa de a expune clar şi a transmite ideile sale;
- să fie sociabil, având abilitatea de a-şi forma relaţii corecte în interiorul organizaţiei şi în afara ei;
- să posede un anumit nivel de cunoştinţe nu numai în profesia sa, ci şi în chestiuni conexe.

Autorul român C.Manda subliniază că, avîndu-se în vedere diversitatea sarcinilor ce revin administraţiei publice, modelul-cadru al conducătorului unei autorităţi sau instituţii publice, potrivit studiilor de specialitate, poate fi conturat ţinând seama de *trei grupe de condiţii* [4, 189]:

1. *Pregătirea*: în specialitate şi în domeniul managementului public.
2. *Experienţa*: practica efectivă de conducere şi prin programe de specializare, în ţară sau în străinătate.
3. *Calităţi psihologice*: inteligenţa, flexibilitatea în gîndire, capacitate creatoare, personalitate.

Deci, funcţionarul public de conducere va trebui să aibă şi cunoştinţe manageriale, cunoştinţe economice, psihologice, juridice, tehnice, de cultură generală, sănătate foarte bună, capacitate de a decide, spirit de organizare şi abilitate de a menţine relaţii umane bune, conduită morală, caracter, aptitudini de auto-

perfecţionare continuă şi, nu în ultimul rînd, disponibilitate de a munci în echipă.

Acesta este şi modelul conducătorului (managerului) participativ, ce poate fi regăsit în administraţia publică, pentru a mobiliza şi amplifica potenţialul colectivului uman din care face parte [5, 54].

Eficienţa conducerii se determină în mare măsură prin corespunderea calităţilor individuale ale conducătorului rolurilor şi funcţiilor, pe care e chemat să le exercite în organizaţie [11, 776]. În literatura privind conducerea personalului se disting diverse roluri. Savantul american I.Ansoff, de exemplu, indică la patru roluri principale ale conducătorului [18, 301-307]:

1. *Rolul de lider.* În cazul dat se are în vedere un lider neformal, care se bucură de o mare autoritate şi capacitatea de a influenţa asupra oamenilor. De faptul cum sînt utilizate calităţile de lider depinde şi eficienţa organizaţiei.

2. *Rolul de administrator* presupune capacitatea conducătorului de a controla starea de lucruri, a lua decizii şi a obţine realizarea lor, a organiza şi a coordona acţiunile subalternilor, a asigura ordinea, a respecta normele şi dispoziţiile juridice şi administrative.

3. *Rolul de planificator.* Principalele sarcini ale acestui rol sunt: optimizarea activităţii viitoare a organizaţiei pe calea analizei tendinţelor şi schimbărilor atât din interiorul organizaţiei, cît şi din mediul înconjurător; determinarea alternativelor de conducere şi alegerea celor mai bune dintre ele; concentrarea resurselor pe direcţiile principale ale activităţii organizaţiei. Planificatorul trebuie să aibă o mentalitate analitică, să fie perseverent în muncă şi să se orienteze spre viitor.

4. *Rolul de întreprinzător*, care îi cere să fie un experimentator, să găsească noi genuri de activitate, soluţii nestandard, gata să-şi asume riscul, dar minimizîndu-1 pe toate căile posibile.

Unii autori [11, 777] adaugă la aceste roluri şi pe cel *de mediator*. Astfel, atunci cînd apare un conflict între obiectivele birourilor sau diviziunilor şi cele ale ramurilor ori secţiunilor care fac parte din acestea, capacitatea unităţilor organizatorice mai mari de a-şi realiza obiectivele depinde în mare măsură de succesul conducătorilor unităţilor care le compun, influenţat de identificările concurente ale acestora, de a media conflictul [14, 157]. Fiindcă în centrul conflictului se află, de obicei, conducătorul, managerul public. El nu trebuie să lase conflictul fără atenţia sa, să se prefacă că nu se întîmplă nimic. Sarcina lui e să observe conflictul care „s-a copt", să-1 descopere la timp (factorul de timp poate fi decisiv) şi să-1 aplaneze prin toate mijloacele care îi stau la îndemînă.

Rolurile sociale ale conducătorului se detalizează şi se manifestă în funcţiile lui. În literatură există o diversitate de clasificări ale funcţiilor conducătorului. Pot fi menţionate funcţiile formulate de V.Pugaciov în urma cercetării mai multor surse literare [20, 119-120]:

• evaluarea situației, elaborarea, argumentarea (adică clarificarea faptului pe cît sînt de reale, înțelese şi controlabile scopurile) şi formularea obiectivelor;

• definirea şi pregătirea măsurilor pentru atingerea scopurilor;

• coordonarea activității salariaților în conformitate cu scopurile comune;

• controlul asupra personalului şi corespunderii rezultatelor activității lui cu sarcinile formulate;

• organizarea activității funcționarilor, adică folosirea structurilor existente şi crearea unor structuri noi pentru conducerea personalului şi a activității sale;

• informarea colaboratorilor;

• acțiunea interactivă, de contact (comunicarea), cu scopul de a obține informații, a se consulta, a acorda asistență ş.a.;

• formarea unui sistem de stimulare a colaboratorilor şi motivarea lor;

• delegarea sarcinilor, competențelor şi responsabilităților;

• preîntîmpinarea şi aplanarea conflictelor;

• repartizarea valorilor şi normelor specifice organizației;

• grija față de subalterni şi asigurarea loialității lor;

• formarea unui colectiv unit şi menținerea capacității lui de lucru;

• diminuarea sentimentului de neîncredere față de acțiunile personalului şi asigurarea stabilității organizaționale.

Din această listă de funcții ale conducătorului se vede că ele se deosebesc esențial din punctul de vedere al complexității şi volumului activității, iar parțial se intersectează. Astfel, unii autori comasează aceste funcții în două funcții principale: 1) înregistrarea obiectivului grupei; 2) consolidarea grupei şi grija pentru menținerea ei [20, 120].

Funcțiile conducătorului reprezintă şi măsura evaluării calităților lui individuale, care sînt chemate să contribuie la realizarea cu succes a rolurilor sociale şi a activităților lor. Calitățile conducătorului, care influențează asupra activității lui, pot fi întrunite în două grupe [11, 781]: 1) caracteristici biologice şi social-economice; 2) calități personale.

Caracteristici biologice şi social-economice. Această grupă de calități ale conducătorului are preponderent un caracter obiectiv, adică ele nu depind de conştiința şi caracterul său. E vorba de asemenea parametri cum sînt sexul şi vârsta, sănătatea.

În mod tradițional cercetările în domeniul conducerii personalului au avut ca reper conducătorul-bărbat, considerându-l drept un standard specific, deoarece anume bărbații au dominat în toate timpurile printre conducători atât în serviciul public, cât şi în business. În ultimele decenii influența diversității genurilor asupra activității de muncă şi carierei, mai întâi de toate particularitățile comportamentului femeilor în organizații, a devenit obiectul unor investigații speciale.

În baza lor pot fi evidențiate două grupe de factori care determină particularitățile comportamentului organizațional al femeilor [11, 782]:

- *factori socio-culturali*, în numărul cărora sunt standardele de comportament acceptate în societate, stereotipurile privind rolurile femeii şi bărbatului, tradițiile, în primul rând cele familiale, care influențează asupra formării valorilor de orientare, obiectivelor şi aşteptărilor femeii;
- *factorii de sex, biologici şi psihologici*.

Se pare că, din punct de vedere uman, femeile administratori se implică foarte mult în profesie. Toate studiile naționale întreprinse în direcția directorilor municipali femei au descoperit că femeile acordă o foarte mare atenție comunicării şi informației cetățeneşti şi, de fapt, le acordă o mai mare importanță decât colegii lor bărbați. Un alt studiu care a avut în vedere conducătorii guvernului federal a descoperit că „între bărbați şi femei există foarte puține diferențe în ceea ce priveşte modul în care clasifică importanța sarcinilor" şi că femeile par să „aibă aceeaşi încredere ca şi bărbații în capacitatea lor de a controla forța de muncă... Toate aceste rezultate... pot susține teoria conform căreia între femei şi bărbați nu există nici o diferență în ceea ce priveşte modalitatea lor de abordare a managementului." [3, 706]

Vârsta omului la fel influențează asupra eficienței conducerii. Ştiința modernă nu ne oferă un răspuns univoc în privința vârstei optimale a conducătorului. Practica conducerii demonstrează că posturile mai înalte necesită oameni mai maturi, desigur, până la anumite limite. Orice vârstă are calitățile sale pozitive şi negative. Un conducător tânăr e, de regulă, energic, receptiv la inovații, are un spirit de întreprinzător, o sănătate bună şi o mare capacitate de muncă, dar el cedează colegilor mai în vârstă în ceea ce priveşte experiența, capitalul uman specific - cunoştințele în domeniu, înțelepciunea, priceperea de a deosebi principalul de secundar...

La rezolvarea practică a problemei cadrelor, precum şi la reglementarea vârstei cadrelor de conducere în general, pe lângă calitățile individuale trebuie să se ia în considerație particularitățile sferei de activitate. În domeniul serviciului public, unde încă lipsesc sau sînt prea slabe mecanismele selectării concurențiale a cadrelor, e deosebit de important de a se ține seama, printre alte condiții, de vechimea în muncă, precum şi de reglementarea vârstei limită [8, 88].

Sănătatea e un factor important al conducerii eficiente. În acest caz se are în vedere nu numai sănătatea fizică, ci şi cea moral-spirituală, care caracterizează starea spiritului omenesc: statornicia valorilor morale fundamentale, echilibrul psihic, rezistența la stres ş.a.

Printre factorii preponderent obiectivi ai unei conduceri eficiente se numără şi situația social-economică a omului, statutul său în societate, studiile [11, 784].

Calitățile personale ale conducătorului țin nemijlocit de psihica lui, trăsăturile subiective, capacitățile înnăscute, căpătate sau dezvoltate. Locul central în numărul lor îi revine intelectului, adică capacității de a gândi, de a cunoaşte, de a avea o atitudine rațională, de a opera cu noțiuni. E vorba, deci, de facultățile mintale şi dezvoltarea personalității. V.Pugaciov, referindu-se la investigațiile lui F.Fiedler şi A.Leister [20, 129], scrie că influența intelectului asupra eficienței conducerii depinde, în primul rînd, de motivația lui, năzuința de a ocupa posturi mai înalte şi a obține rezultate mai mari.

Printre cele mai importante calități personale ale conducătorului sunt şi [11, 784-785]:

- *dominarea*, adică năzuința de a influența asupra altor oameni. Această calitate se află într-un raport direct cu rolul de lider şi motivația conducerii;
- *încrederea în sine*. Conducătorul care posedă o asemenea calitate merită încrederea subalternilor. Şi, din contra, conducătorul care nu o posedă, care mereu se îndoieşte şi oscilează nu se bucură de încredere şi nu e apt să unească şi să mobilizeze oamenii la îndeplinirea sarcinilor;
- *cumpătarea, echilibrul emoțional şi rezistența la stres*. Conducătorul e obligat să ştie a-şi controla comportamentul, indiferent de emoțiile sale, să nu-şi exprime părtinirea sau antipatia față de unii lucrători, să se afle în relații echilibrate şi obiective cu toți. Desigur, ca şi oricare alt om, conducătorul nu poate să nu trăiască emoții pozitive şi negative. înăbuşirea permanentă a emoțiilor poate influența asupra sănătății lui, genera diverse nevroze, boli hipertonice sau ulceroase ş.a. De aceea e foarte important de a găsi timp pentru o destindere emoțională, pe care o pot oferi sportul, turismul, comunicarea în familie etc.;
- *creativitatea*. Conducătorul e dator să gândească de sine stătător, să observe şi să susțină tot ce-i nou şi progresist, să caute căile cele mai eficiente de îndeplinire a sarcinilor, să se autoperfecționeze. Acesta trebuie să introducă mereu anumite elemente noi [7, 135];
- *năzuința de a atinge scopul trasat*. Conducători, de cele mai multe ori, devin oamenii orientați spre un anumit scop, care îşi pun în față obiective concrete şi perseverează spre realizarea lor. Aceasta e o componentă importantă a motivației conducerii;
- *spiritul întreprinzător, capacitatea de a-şi asuma riscul argumentat.* Conducătorul trebuie să fie în stare a cântări diverse variante ale acțiunilor şi, atunci când este rațional, să meargă la risc, tinzând, concomitent, să prevadă la maximum consecințele;
- *fermitatea, predispunerea de a-şi asuma răspunderea*. Un conducător nu poate să apeleze necontenit şi cu orice ocazie la ajutorul şefului sau să elaboreze decizii colective care l-ar scuti de răspunderea personală;
- *om de nădejde în relațiile cu subalternii, superiorii şi cetățenii*. Conducătorul care nu posedă o asemenea calitate pierde repede încrederea celor din pre-

ajmă, nu poate conta pe susținerea lor;

- *sociabilitatea, abilitatea de a lucra cu oamenii.* Conform datelor unor investigații, conducătorul cheltuieşte pentru comunicarea verbală cu oamenii aproximativ trei pătrimi din timpul său de muncă. Dacă nu reuşeşte să stabilească relații cu oamenii, conducătorul nu va obține nicicând un succes stabil;
- *aptitudinea de a utiliza la maximum posibilitățile salariaților pe calea repartizării şi motivării lor corecte.* Eforturile individuale ale conducătorului sînt insuficiente pentru înregistrarea succesului comun, care depinde de aportul maximal al fiecărui funcționar şi concordarea acțiunilor. Pentru a folosi la maximum potențialul de muncă al lucrătorilor, conducătorul trebuie nu numai să aibă un farmec personal, ci şi să cunoască bine posibilitățile individuale şi particularitățile subalternilor săi şi chiar ale conducătorilor de rang superior.

Nu mai puțin importante sunt aptitudinile profesionale ale conducătorului [12, 35]:

- să stăpânească perfect problemele sectorului său de activitate;
- să realizeze integral întocmai şi la timp toate sarcinile, atribuțiile şi răspunderile care i-au fost stabilite;
- să fie mereu un exemplu personal pozitiv;
- să fie un promotor permanent al noului şi inventivității;
- să fie un bun gospodar;
- să fie conştient de faptul că omul este scopul şi nu mijlocul întregii sale activități;
- să informeze oamenii din subordinea sa, să le explice ce se întâmplă, ce intenționează să facă şi de ce;
- să asculte, să pună întrebări, să caute idei şi să fie deschis sugestiilor de alternativă;
- să încurajeze evoluția, să stimuleze oamenii, să dobândească noi cunoştințe, să manifeste o diversitate de experiență, să faciliteze perfecționarea cadrelor cu ajutorul literaturii, aparatelor video, cursurilor specializate, să determine subalternii să-şi asume noi responsabilități;
- să aibă încredere în subalternii săi, să le acorde libertatea de inițiativă;
- să se considere nu un comandant care dă ordine, ci un conducător al unei echipe care îl are ca membru.

Totodată, față de conducătorii de rang superior sunt înaintate anumite cerințe specifice. Astfel, cel care stă în fruntea unui minister, direcție sau birou trebuie să fie un om cu viziuni strategice, logice şi mobile, să-şi asigure sprijinul din partea aliaților de idei, să-şi întemeieze planurile pe baza unor concepții fundamentale [13, 65]; să deprindă strategia, scopurile şi sarcinile administrării de stat, căile de realizare a lor, să promoveze poziția statului pe arena internațională; să cunoască la perfecție specificul şi condițiile aplicării eficiente a metodelor

administrării economice, social-psihologice, educative şi a tuturor celorlalte metode utile întru exercitarea serviciului de stat [12, 35-36].

Concluzii

Experienţa statelor prospere demonstrează faptul că un stat nu poate să se dezvolte normal, dacă nu dispune de personal de conducere capabil şi profesionist în administraţia publică. Acest fapt este natural, deoarece în orice proces administrativ şi, mai ales, în sistemul administraţiei publice, conducătorului îi revine rolul de bază. Se poate crea impresia că în condiţiile reformei economice, cînd sistemul economic devine mai organizat şi capabil de a se reproduce în calitatea prestabilită, personalitatea conducătorului nu are în mod obligatoriu o importanţă decisivă. Dar, în realitate, cu cît mai desăvîrşit şi mai complicat este sistemul, cu atît mai riguroase sînt cerinţele faţă de conducătorul lui, chiar şi din simplul motiv că orice greşeală comisă eventual de el duce la prejudicii substanţiale.

Bibliografie:

1. Alexandru I. Administraţia publică. Teorii. Realităţi. Perspective. – Bucureşti: Lumina Lex, 1999.
2. Androniceanu A. Management public. - Bucureşti: Editura Economică, 1999.
3. Henry N. Administraţia publică şi afaceri publice. - Chişinău, 2005.
4. Manda C. Ştiinţa administraţiei. - Bucureşti, 2004.
5. Manda C., Manda C.C. Despre colectivităţile locale. - Bucureşti, 2002.
6. Mic dicţionar enciclopedic. - Bucureşti: Editura Enciclopedică Română, 1972.
7. Mihuleac E. Ştiinţa conducerii şi profilul conducătorului. - Bucureşti, 1977.
8. Mocreac L. Conducerea şi dezvoltarea organizaţională. - Chişinău: AAP, 1998.
9. Negoiţa Al. Drept administrativ. - Bucureşti: Editura Sylvi, 1996.
10. Oroveanu M.T. Elemente ale ştiinţei administraţiei de stat. - Bucureşti, 1982.
11. Platon M. Administraţia publică. - Chişinău: Editura „Universul”, 2007.
12. Platon M. Conducerea în administraţia publică. - Chişinău: AAP, 2003.
13. Platon M. Serviciul public în Republica Moldova. - Chişinău: ASDAP, 1997.
14. Simon H.A. ş. a. Administraţia publică. - Chişinău, 2003.
15. Stroe G. Ştiinţa conducerii pentru toţi. - Bucureşti: Editura Tempus Dacoromânia Comterra, 2003.

16. Vadu P., Dumitru G. Ştiinţa conducerii. - Bucureşti: Editura Didactică şi Pedagogică, 1972.
17. Vlăsceanu M. Psihologia organizaţiilor şi conducerii. - Bucureşti, 1999.
18. Ансофф И. Стратегическое управление. - Москва, 1989.
19. Манохин В.М. О проблеме и задачах науки управления в современный период. // Советское государство и право, 1965, №5, с.85-94.
20. Пугачев В.П. Руководство персоналом организации. - Москва, 2002.
21. Старостяк Е. Предмет и задачи науки управления в социалистическом государстве. // Советское государство и право, 1965, №5, с.72-85.
22. Щекин Г. Социальная теория и кадровая политика. - Москва, 2000.
23. Чиркин В. Государственное управление. - Москва, 2002.
24. Ungson G.R., Braunstein D.N. Decision Making - An lnterdisciplinary Inquiry. - Massachussetts: Kent Publishing Comany, 1982.

Prezentat la redactie
la 12 mai 2012

Recenzent – ***Valentina STAN***, doctor in stiinte politice, conferentiar

COMPARTIMENTUL
SOCIOLOGIA POLITICĂ

МОЛДОВА: БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ. БЕЗ СРЕДНЕГО КЛАССА.

Виктор ЧОБАНУ
Республика Молдова, Кишинев, Центр экономических исследований и разработок
Директор

This article examines the problem of social stratification in Moldova. According to different estimations, Moldova continues to be the poorest country in Europe. In 2010, the GDP per capita was 3088 dollars by purchasing power parity. Evaluation of the real state of poverty is a difficulty. This is due to the fact that the data of different organizations are obtained by different methods; as a result the estimations also differ. This paper represents the poverty levels in Moldova through different methods - assessment of income by quintiles, subjective perception of poverty. It also provides an estimation of the presence of the middle class in the society (income, subjective perception, and on the markers). Despite the fact that the official data of Ministry of Economy show a successful reduction of poverty to an acceptable 20% rate, the NBS data on income show a completely different estimate - about 60% below the absolute poverty line and about 80% below the poverty level (approximately equal to the threshold of $ 4,30 per day). Relatively clear is the situation with the rich class. They represent approximately 1-2% of the population. Regarding the middle class, the estimation is between 1% according to objective data (income) and 7% according to subjective data. It is also confirmed by data obtained by us on the markers - 3-7%. Due to its small size, it cannot be called a class. Thus, Moldova is the country of poor and rich, without middle class. At least, for now.

Согласно различным оценкам, Молдова продолжает оставаться самой бедной страной в Европе. В 2010 ВВП на душу населения составлял по официальным данным 3088 долларов по паритету покупательной способности (ППС). В то же время по данным МВФ [11] Молдова занимала 132-е место из 182-х стран (2959 долларов по ППС), а по данным ЦРУ [3] – 149-е место из 192-х стран (2300 долларов по ППС). Для сравнения, по этим двум классификациям, Украина занимает 100 и 106 место (соответственно, 6665 и 6700 долларов по ППС), а Румыния 70 и 74 место (соответственно, 11766 и 11500 долларов по ППС).

Оценка реального уровня бедности представляет определенные трудности. Это связано с тем, что при расчетах различных организаций применяются различные методы, в результате чего данные различаются. Душевой доход в один доллар - это порог бедности, используемый Мировым Банком для международных сравнений. Доход в два доллара в день - это черта бедности, применяемая в Латинской Америке и странах Карибского бассейна.

Для сравнения уровней бедности в развитых индустриальных странах в середине 90-х годов XX века ООН использовала порог бедности, эквивалентный 14,40 долларам в день на человека по ППС в ценах 1985 года. Для бывших восточноевропейских социалистических стран и государств СНГ черта бедности в это же время была определена ООН как среднедушевой доход, не превышающий 4 долларов США в сутки (по ППС 1990 года). Соответственно, если в конце ‘80-х годов XX века за названной чертой там проживало чуть более 10 млн. человек, то в середине - конце ‘90-х годов XX века уже примерно в двенадцать раз больше, более трети населения. Эти страны - единственный регион на планете (за исключением зоны Африканской Сахары), где в ‘90-х годах XX века произошло снижение среднего дохода на душу населения.

Почти две трети (62%) жителей 16 стран Центральной и Восточной Европы и СНГ - респондентов Нового Европейского барометра в 1999-2000 годы, заявили, что в материальном плане они стали жить хуже, чем десять лет назад. А это значит, что для значительной части населения бывших социалистических стран вместе с демократизацией общественной жизни и капитализмом пришла устойчивая бедность, если не нищета [6, 37]. Не является исключением и Молдова.

Например, если сравнивать доходы населения с прожиточным минимумом, то окажется что среднестатистический молдаванин живет, имеет доходы ниже данного уровня. По данным Национального Бюро Статистики, во втором триместре 2011 года ежемесячные личные доходы, находящиеся в распоряжении (далее - доходы), составили 1440,6 леев. Если их сравнить с прожиточным минимумом, который равнялся 1502,8 леев, то оказывается, что доходы покрывают лишь 95,9% данного минимума (91,2% в первом триместре 2011 года) [1].

В то же время, официальные данные правительства представляют достаточно оптимистическую картину, согласно которой бедность успешно сокращается.

Таблица 1. Уровень бедности в Молдове

Год	*Черта абсолютной бедности (леев в*	*Уровень абсолютной*	*Черта крайней бедности*	*Уровень крайней*

	месяц)	*бедности*	*(леев в месяц)*	*бедности*
2006	747,4	30,2%	404,2	4,5%
2007	839,3	25,8%	453,9	2,8%
2008	945,9	26,4%	511,5	3,2%
2009	945,9	26,3%	511,5	2,1%
2010	1015,9	21,9%	549,4	1,4%

Источник: таблица составлена по данным Министерства экономики за 2006-2010 годы.

Примечание: (здесь и далее) все таблицы составлены автором по данным Минэкономики и Национального бюро статистики (НБС)

Такие результаты отражают несколько искаженную картину, которая определяется используемой методикой, определяющей порог бедности как 50% от «минимального потребительского стандарта», достаточного для обеспечения 2 500 ккал/день на человека.

Национальный индикатор был введен в 2002 году при разработке Стратегии Экономического Роста и Снижения Уровня Бедности (СЭРСУБ) и равнялся 270 леям – половине тогдашнего прожиточного минимума в 540 леев. Очевидно, что он никак не соответствовал международным методикам. Соображения разработчиков были простыми – бедных слишком много. Так, по данным Всемирного Банка в 1999 году более 80% населения Молдовы проживало ниже черты бедности в 4,30 доллара и более 50% ниже 2,30 долларов в день по ППС 1996 года [10, 35]. В той же СЭРСУБ указан уровень бедности 73% в 1999 году и всего 40% в 2002 году [7, 14]. Куда делись 30%-40% бедных за 4 года? Непонятно...

Нетрудно заметить, что, данные представляемые Министерством Экономики не согласуются также и с другими официальными данными Национального Бюро Статистики (НБС). Так, если рассмотреть распределение доходов населения по квинтилям[1], то окажется что ниже уровня абсолютной бедности проживают не менее 40% населения (первые два квинтиля), а доходы третьего квинтиля лишь немного превышают уровень абсолютной бедности (более точные оценки можно было бы получить по децилям, однако данные НБС представлены только по квинтилям). Это никак не согласуется (расхождение в 2-3 паза!) с официальными данными Министерства экономики, согласно которым доля абсолютно бедных снизилась с 30% до 22%.

Таблица 2. Ежемесячные средние доходы в Молдове, в распоряжении на человека по квинтилям (в леях)

	I	**II**	**III**	**IV**	**V**

[1] *Квинтиль – это 20%-я группа данных (всё население разбивается на 5 квинтилей)*

2006	392,6	586,2	748,1	964,8	1 505,9
2007	491,4	727,8	899,9	1 143,5	1 830,7
2008	608,0	814,5	1 055,9	1 366,9	2 097,8
2009	544,9	832,4	1 055,4	1 375,2	2 021,2
2010	624,4	942,9	1 174,7	1 453,1	2 173,3

Источник: НБС, Исследование бюджетов домашних хозяйств

Если же сравнить доходы населения с прожиточным минимумом, то окажется, что около 80% не дотягивают до этого уровня.

Таблица 3. Прожиточный среднегодовой минимум в Республике Молдова (в леях)

год	*2001*	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007*	*2008*	*2009*	*2010*
лей	468,7	538,4	628,1	679,9	766,1	935,1	1099,4	1368,1	1187,8	1373,4

Источник: НБС, Исследование бюджетов домашних хозяйств

Таким образом, можно сделать следующий вывод: **по официальным данным, почти 60% населения проживает за чертой абсолютной бедности, а около 80% - ниже прожиточного минимума.**

И хотя существует распространенное мнение, что оценивать уровень жизни корректнее по расходам (которые выше доходов), приведенная ниже таблица доказывает, что расходы не намного превышают доходы и, во всяком случае, не превышают прожиточного минимума.

Таблица 4. Ежемесячные средние потребительские расходы на человека в Республике Молдова (в леях)

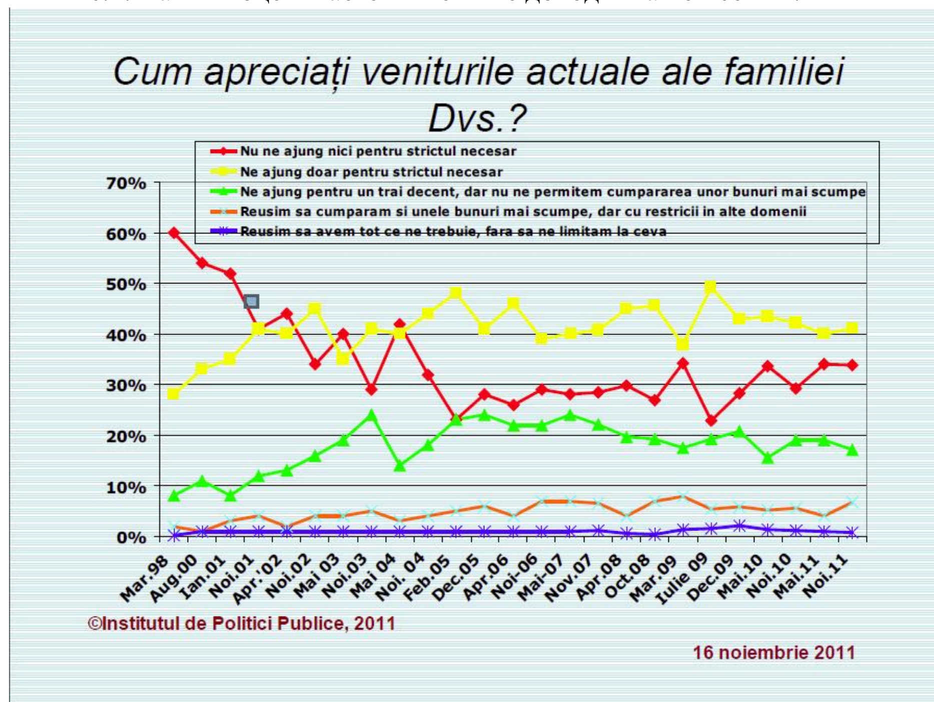
год	*леев*
2006	953,3
2007	1119,1
2008	1227,5
2009	1217,4
2010	1371,7

Источник: НБС, Исследование бюджетов домашних хозяйств

Субъективная бедность

Опросы общественного мнения, в целом подтверждают ситуацию социального расслоения населения. Восприятие бедности населением, однако, еще более подчеркнуто. Так, исследование «Барометр Общественного Мнения», проводимое регулярно Институтом Общественных Политик с 1998 года, представляют следующую картину социальной стратификации.

Рис.1. Как Вы оцениваете нынешние доходы Вашей семьи?

Источник: Барометр общественного мнения (БОМ), ноябрь 2011

На графике представлена динамика 5 условных групп населения в соответствии с субъективным восприятием доходов (ответ на вопрос «Как вы оцениваете нынешние доходы вашей семьи?»). Ниже приводятся эти группы по данным БОМ за май и ноябрь 2011 года:

1. Не хватает даже на самое необходимое (красная линия) – 34% (34%).
2. Хватает строго на самое необходимое (жёлтая линия) – 40% (41%).
3. Хватает на достойную жизнь, но не позволяем себе покупать более дорогие вещи (зелёная линия) – 19% (17%).
4. Удается покупать более дорогие вещи, но с ограничениями в других областях (оранжевая линия) – 4% (7%).
5. Удается иметь всё, что нам необходимо, без каких-либо ограничений (синяя линия) – 1% (1%).

Первые две группы относятся исследованием к категории «бедные», а 3-5 группы к категории «небедные». В рамках такой дихотомии, бедных порядка 75% населения, что значительно превышает официальные дан-

ные. Однако представленная дихотомия все же представляется несколько упрощенной. Потому что среди «небедных» есть группа «богатых», составляющая около 1% («золотой процент» [2]) и которая, как видно из графика, остаётся численно неизменной с 1998 года. Хотя исследование не выделяет отдельных категорий из 3-5 групп, если из категории «небедных» исключить 5 группу – «богатых», то это означало бы что «средний класс» составляет 24%.

Эти данные в принципе коррелируются с данными исследования, представленного АСД (Ассоциацией Социологов и Демографов) [4, 11].

Таблица 5. Самосоотнесение групп населения в социальной ерархии

Социальная стратификация: социальная группа	
Высшая социальная группа / страта *(очень богатые люди или группа олигархов)*	**0,5%**
Высокая социальная группа / страта *(богатые люди, которые имеют всё необходимое без ограничений потребления)*	**1,5%**
Средняя социальная группа/страта *(люди с достатком, которые не могут себе позволить приобретение предметов роскоши –первая страта средней группы)*	**7,2%**
Социальная группа/страта ближе к средней *(люди с небольшим достатком, которые вынуждены экономить – вторая страта средней группы)*	**27,0%**
Низкая социальная группа/страта *(плохо обеспеченные люди, которые находятся у порога бедности – низкая социальная группа)*	**47,6%**
Низшая социальная группа/страта *(бедные люди, которые постоянно лишены самого необходимого – низшая социальная группа)*	**16,2%**

Источник: «Социальная стратификация (политическая, экономиическая и социо-профессиональная) в Молдове: социологический анализ». Ассоциация Социологов и Демографов, 23 января 2012 года.

В данной классификации впервые выделяется отдельно группа олигархов – 0,5%. Вместе с богатыми это составляет 2% населения. Мы всё же будем рассматривать группу богатых, так как олигархи вряд ли представляют собой статистически релевантную социальную страту. Это скорее «штучный товар». Олигархи, даже по заниженным молдавским меркам, не могут исчисляться десятками тысяч. Максимум – просто десятками.

Далее, социологи относят 34% населения к среднему классу и 64% к бедным.

Такая классификация: богатые, бедные и средний класс – представляется более традиционной и операциональной в контексте нашего исследования.

Поэтому в дальнейшем мы будем использовать именно её. При этом, необходимо отметить, что обе рассмотренные классификации содержат одну существенную, на наш взгляд, методологическую ошибку. 4-я группа из классификации БОМ практически совпадает со Средней социальной группой (первой стратой) по классификации АСД и составляет около 7% населения. Именно эта группа и представляет собой средний класс.

В то же время, ни 3-я группа из классификации БОМ, равно как и вторая страта Средней социальной группы, по нашему мнению, не могут быть отнесены к среднему классу. Потому что люди, которые не позволяют себе покупать более дорогие вещи (БОМ) и вынужденные экономить (АСД) не могут являться средним классом, что мы покажем ниже. Это скорее верхняя страта группы бедных.

Есть ли в Молдове средний класс?

Согласно общепринятым представлениям, «средний класс» - это группа людей, имеющая устойчивые доходы, достаточные для удовлетворения широкого круга материальных и социальных потребностей. К среднему классу, как правило, относят людей, которые имеют высокий уровень образования и квалификации, и занимают в обществе промежуточное положение: между богатой небольшой частью и значительной бедной частью населения. В странах, считающихся развитыми, средний класс составляет наиболее многочисленную группу населения. Также, в таких странах функциями среднего класса считаются привнесение инноваций и воспроизводство квалифицированных кадров, а также поддержание стабильности в обществе. Обычно в качестве основных объективных критериев называют уровень образования и доходов, стандарты потребления, владение материальной или интеллектуальной собственностью, а также способность к высококвалифицированному труду. Кроме этих объективных критериев большую роль играет субъективное восприятие человеком своего положения как представителя «социальной середины».

Согласно данным Всемирного банка, ежемесячные доходы среднего класса должны составлять 3500-8000 долларов на члена семьи. Во многих западных странах к среднему классу относится от 55% до 70% населения. В то же время в России к нему относятся семьи с доходом 500-3000 долларов на члена семьи в месяц. Это значительно ниже западных стандартов. По данным инвестиционной компании Merrill Lynch, к среднему классу в 2008 году относились 21% россиян [4].

В то же время, даже российские эксперты ставят под сомнение официальные данные. По их данным, к этой прослойке можно отнести не 20-25%, как считает официальная статистика, а около 7% населения. Руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Е.Гонт-

махер отмечает: «При такой трактовке в средний класс попадают семьи, в которых на душу населения приходится 13 тыс. руб. ежемесячного дохода и 21 кв. метр общей площади, а также половина легкового автомобиля на всех». Представители среднего класса, по мнению Е.Гонтмахера, должны иметь качественное образование, проводить отпуск вне дома, иметь доступ к качественным платным услугам для себя и детей, обладать сбережениями и т.д. «Доходы выше среднего, высокий социальный статус, квалификация и причисление себя к среднему классу еще не является гарантией вхождения в этот слой», – указывает директор Института социальной политики Т.Малева. В соответствии с этими критериями, средний класс в России составляет около 20%, а в городском населении – все 30%. «Однако в реальности доля среднего класса вряд ли превышает 7%, так как у большей части тех, кто туда себя записал, не хватает ресурсов, чтобы устойчиво отличаться от тех, кто находится в группе ниже среднего», – отмечает Малева. Основная часть самопровозглашенных членов среднего класса, по словам Т.Малевой, больше похожа на бедных, и восемь лет экономического роста не стали гарантией формирования среднего класса. «Попасть в средний класс из нижних слоев общества сейчас практически невозможно, так как социальные лифты уже не работают» [8].

Средний класс характеризуется целым рядом маркеров доходов, потребления и собственности. Например, Левада-центр в своем исследовании, проведенном в 2008 г., использует следующие: доход свыше 1500 евро в Москве и 800 евро в других городах, квартира, автомобиль, загородный дом, отпуск за границей [5].

Поскольку в Молдове таких исследований не проводилось, за исключением приведенных выше опросов общественного мнения, то придется воспользоваться приведенными выше критериями на пространстве СНГ. Это представляется логичным, так как аналогичные критерии используются для оценки уровня бедности на этом пространстве.

Порог доходов

Учитывая, что в России минимальный порог доходов для отнесения к среднему классу составляет 500 долл., а данные по другим странам СНГ не систематизированы, его мы и примем в качестве критерия. Из представленной ниже таблицы видно, что данный порог превышают только сотрудники, работающие в финансовом секторе. Порог в 400 долл. преодолевают сотрудники, работающие в областях газовой, электро- и термо-энергетической и водоснабжении. Все остальные на уровне либо ниже средней зарплаты, приблизительно равной 300 долларов.

Таблица 6. Средняя номинальная заработная плата брутто в 2010 году (в леях)

Всего по экономике	2971,71
Сельское хозяйство, лесное и охотничье хозяйство	1638,57
Рыбоводство	1620,07
Добывающая промышленность	3389,53
Перерабатывающая промышленность	3079,76
Электро- и термоэнергетика, газ и вода	4856,80
Строительство	3248,00
Оптовая и розничная торговля	2792,71
Гостиницы и рестораны	2314,98
Транспорт и коммуникации	3913,86
Финансовая деятельность	6368,16
Недвижимость, аренда, услуги предприятиям	3755,55
Публичная администрация	3204,77
Образование	2361,01
Здравоохранение и соцобеспечение	2886,26
Другие услуги	2394,26

Источник: НБС

Ниже представлены данные по количеству работающих в этих двух отраслях.

Таблица 7. Средняя численность работников по отраслям, получивших зарплату в 2010 году

Электро- и термоэнергетика, газ и вода	16 556
Финансовая деятельность	12 521

Источник: НБС

Следовательно, порог в 500 долл. превышают 12,5 тысяч занятых в финансовой отрасли или около 0,4% от всего населения. И даже если мы используем пониженный порог в 400 долл. (из соображений, что Молдова значительно беднее России, хотя это и нарушит методологию с точки зрения возможности сопоставления данных), то и в этом случае мы получим всего 29 тысяч или около 0,9% населения, которое можно отнести по доходам к среднему классу.

Конечно, официальная статистика не учитывает неофициальных доходов. По данным профсоюзов, в прошлом (2011) году около 4,7 миллиардов леев было выдано в конвертах. Если сопоставить эту цифру с фондом зарплаты по экономике (528358 человек X 3231 леев X 12 = 20,5 миллиардов леев), то оценочно можно увеличить средние доходы на 23%. При этом доходы от зарплаты составляют всего 49% от общих доходов.

Следовательно, общие доходы теоретически выше официальных всего на 11%.

Субъективное восприятие

По субъективному восприятию в приведенных выше качественных исследованиях (БОМ и АСД), только около 7% населения (а не 24% или 34% как полагают их авторы) можно отнести к среднему классу.

Маркеры потребления

1). Отдых за границей.

Несмотря на тот факт, что количество молдавских граждан, которые могут себе позволить отдых за границей постоянно росло достаточно быстрыми темпами, всё же оно остается очень малой величиной. Если в 2000 году за рубежом отдыхали всего 18578 человек, в 2005 году – 50047 человек, то в 2010 году. уже 114815 человек. Если соотнести последнюю цифру с количеством стабильного населения в 2010 году, составляющего 3563695 человек, то получится 3,2%.

Таблица 8. Деятельность туристических агентств

	2000	***2005***	***2010***
Число выездов молдавских граждан за рубеж			
Отпуск, отдых и восстановление	18578	50047	114815

Источник: НБС

2). Автомобили

Только 19% домохозяйств имели автомобили в 2010 году. В пересчете на все население это составляет около 6,8% (коэффициент пересчета 2,78).

Таблица 9. Обеспечение домашних хозяйств предметами длительного пользования (автомобиль)

год	***2006***	***2007***	***2008***	***2009***	***2010***
Автомобили	17,0	16,1	17,2	19,6	18,9

Источник: НБС, Исследование бюджетов домашних хозяйств

Выводы

Несмотря на то, что официальные данные Министерства Экономики демонстрируют «успешное» сокращение бедности до приемлемых 20%, данные НБС по доходам показывают совершенно другие оценки – около 60% ниже черты абсолютной бедности и около 80% ниже прожиточного минимума (приблизительно равного $ 4,30 в день).

Относительно ясна ситуация с богатыми. Они составляют приблизительно 1-2% населения.

Что касается среднего класса, то оценка находится в интервале от 1% по объективным данным (доходы) до 7% по субъективным. Она подтверждается и полученными нами данными по маркерам 3-7%. В виду очень небольшой величины, его, по сути, пока нельзя назвать классом.

«Мы сейчас находимся в 19 веке, где всего 2-3% от всего населения бояре, а остальные рабочий класс. Надо что-то менять, - заявил вице-председатель Ассоциации Социологов и Демографов А.Думбрэвяну. За исключением «рабочего класса», а в остальном с автором трудно не согласиться.

Таким образом, Молдова – страна бедных и богатых. Без среднего класса. Пока, во всяком случае.

Библиография

1. Cheltuim mai mult decât câştigăm. Peste 70% din cheltuieli sunt pentru mâncare, locuinţă şi îmbrăcat. // Unimedia, 22 septembrie 2011. http://unimedia.md/?mod=news&id=39252
2. Ciobanu V. Procentul de aur. Voxpublika.md. 27 februarie 2012. http://vox.publika.md/politica/icprocentul-de-aur-180691.html
3. GDP — per capita (PPP), The World Factbook, Central Intelligence Agency(est.). Accessed on Jan 16, 2011.
4. Котова Ю. Россгострах пересчитал средний класс в России. // «Бизнес-журнал Онлайн», 2008, 28 Февраля. http://www.business-magazine.ru/investments/private/pub296770.
5. Российский средний класс. Исследование. 1 июля 2008. http://old.levada.ru/press/2008070101.html
6. Рукавишников В.О. Политическая Социология. - Москва, 2003.
7. Стратегия экономического роста и снижения уровня бедности (2004-2006 гг.). – Кишинев, 2004.
8. Щеглов А. Средний класс сформировали бюрократы. // «Независимая газета», 2008, 25 апреля. http://www.ng.ru/economics/2008-04-25/5_middleclass.html
9. Vox Populi. Stratificarea socială în Republica Moldova: analiză sociologică. - Chi□inău, ianuarie 2012
10. World Bank, Making Transition Work for Everyone, Poverty and Inequality in Europe and Central Asia (Washington, D.C.), 2000.
11. World Economic Outlook Database-October 2010, International Monetary Fund. Accessed on December 15, 2010.

Поступила в редакцию
15 января 2012 года

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ЧТО ОНА НЕСЕТ РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА?

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра политологии
Доктор хабилитат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии

Елена ВАКУЛОВСКАЯ
Республика Молдова, Кишинев, Молдавская Экономическая Академия, факультет общей экономики и права,
Доктор экономики, преподаватель

In this article is analyzed the socio-political impact of international labor migration on the Republic of Moldova. The authors reveal the major trends and volumes of contemporary international migration of Moldovan population, draws attention to the main effects of labor migration as the remittances of migrant workers, material well-being of migrant families, strengthening the national currency, the consolidation of the national banking system.

In the article is described the impact of migration on the labor market, employment, attitudes toward work as a social value in modern society, analyzes the changes in the gender and age employment, educational and territorial structures of the Moldovan society, family and marital sphere, gender's role in the family, etc. The authors analyze the situation of the most vulnerable and poorly protected social groups of the Moldovan society, such as children and the elderly (the old men).

The paper concludes that the impact of labor migration is contradictory, ambiguous, sharpens the contradiction between economic benefits and social costs of migration. Aware of the consequences of mass international labor migration, the Moldovan authorities seek to minimize the negative effects and promote a positive, pursuing a policy to regulate labor migration. The article characterized the main stages in the regulation of migration, revealed the contents and evolution of the main approaches in the field of migration management. This article was written on a wealth of statistical and sociological material, equipped with lots of tables and diagrams.

Введение

Со второй половины '90-х годов XX века в Республике Молдова начинает бурно развиваться международная трудовая миграция. Трудовая миграция во многом явилась ответом на тяжелую социально-экономическую

ситуацию в стране. В то же время это был индивидуальный реактивный ответ населения на эффективность проводимых социально-экономических преобразований в стране. Как отмечал Ж.Тапинос «когда человек решает эмигрировать, это его личное решение; когда он решает остаться, это является демонстрацией его веры в правительство и рынок» [31, 65].

Международная трудовая миграция это наиболее массовая форма миграции молдавского населения, является одной из наиболее острых проблем стоящих перед страной. В средствах массовой информации фигурируют цифры от 340 тысяч до 1 миллиона человек. По результатам переписи населения Молдовы (ноябрь 2004 года) в трудовой миграции участвует около 600 тысяч человек, практически каждый третий трудоспособный житель Республики Молдова [30]. Согласно данным Мирового банка. Сегодня в трудовой миграции Республики Молдова задействовано более 700 тысяч человек, что составляет половину трудоспособного населения страны [17, 60].

Республика Молдова находится на стыке европейской (ЕС) и постсоветской (СНГ) миграционных систем. В СНГ основным аттрактором является Россия (Москва и Московская область). В Европейском Союзе ядром притяжения, «страной трудовой мечты» является Италия. В последнее десятилетие роль европейской миграционной системы возрастает. Если ранее ведущей была тенденция трудовой миграции молдавского населения в государства СНГ, в первую очередь, в Россию, то ныне помимо традиционной трудовой миграции на восток появляются западный и юго-западный вектора трудовой миграции.

При этом наиболее массово присутствие молдавских трудовых мигрантов было выражено в России (58,2%), Италии (19%), Португалии (5%), Испании, Греции, Чехии, Франции, Германии, Ирландии, Кипре, Румынии, Турции, Израиле, Украине [15]. Основными полюсами притяжения молдавских трудовых мигрантов выступают Россия и Италия. Изменения в миграционной политики стран приема непосредственно сказываются на численности и доле мигрантов в странах назначения. Согласно опросу, доля России, которая с 2007 года проводит более либеральную политику в области миграции, выросла до 63%, в то время как доля Италии, начавшей ужесточать иммиграционную политику, снизилась до 14%. Отметим, что, при этом, в Италии сохранилась абсолютная численность трудовых мигрантов из Молдовы [12].

Наблюдается тенденция концентрации мигрантов в крупных городах-мегаполисах. В 10 городах в рамках этих региональных миграционных систем (Москва, Рим, Санкт-Петербург, Париж, Лиссабон, Падуя, Милан, Стамбул, Одесса, Тюмень) сосредоточено практически ¾ всех молдавских трудовых мигрантов [16, 26]. Происходит гендерное разделение стран

приема: появляются страны-аттракторы для мужчин-мигрантов (Россия, Украина, Франция, Чехия, Португалия), так и для женщин-мигрантов (Италия, Турция, Испания, Греция и др.)

Кризис 2008-2010 годов показал, что не происходит массового возвращения молдавских трудовых мигрантов на родину. Эксперт #1 отмечает, что «*еженедельная суммарная численность трудовых мигрантов, обратившихся по вопросам возвращения на родину во все дипломатических и консульских структур страны за рубежом, не превышает сотни человек*» [21, 14].

Опросы, проведенные в сельской местности исследовательским центром CASE-Moldova (июль-ноябрь 2008 г.) и фирмой CBS AXA (декабрь 2009 г.), показали, что трудовые мигранты не собираются возвращаться даже в условиях резкого сокращения размеров заработной платы, будут стараться продолжать посылать родным в Молдове деньги. Эксперт #2: *«Наш Центр CASE проводил социологическое исследование по проблемам миграции в сельской местности (июль-ноябрь 2008 года). Мы спрашивали респондентов, как мигрантов, так и членов семей мигрантов, при каком заработке люди остались бы дома, не поехали на заработки за рубеж и мигрант вернулся бы работать домой. Люди (члены семей мигранта) говорят о том, что если был доход в размере 500-600 долларов, то потенциальный мигрант остался бы работать дома. Сами мигранты утверждают, что они бы вернулись домой, если бы им обеспечили заработок в 700-800 долларов»* [20, 228-229].

Эксперт #3: *«Мигранты отмечают, что сегодня в условиях экономического кризиса труднее по сравнению с предыдущими двумя годами найти работу. Молдавские мигранты, которые работают в странах Европейского Союза, говорят, что они не вернутся домой, даже если заработная плата сократится на 20-30% (уменьшится с 1.500 до 1.000 евро или с 800 до 500 евро). Даже в этом случае это будет значительно больше, чем можно заработать в Молдове.*

Как мигранты, так и члены семей мигрантов (получатели денежных переводов) в случае сокращения доходов планируют сократить затраты на собственное потребление. В то же время мигранты объявляют, что они не сократят денежные переводы на текущие нужды своих семей, находящихся в Республике Молдова» [20, 226-227].

Мониторинговые исследования, проведенные социологической фирмой CBS AXA в 2008-2009 годах, свидетельствуют, что эта тенденция сохраняет свою силу. Люди продолжают мечтать и желать выезда на заработки за рубеж. Более того, в условиях кризиса эти стремления людей получают новый импульс [12].

Говоря о перспективах молдавской трудовой миграции, хотим обратить внимание на ответ респондентов трудоспособного возраста (20-55 лет) на вопрос: «Почему Вы не планируете выехать на заработки за рубеж в ближайшем будущем?». Чуть более 40% респондентов дали однозначный ответ: «нет причин к миграции» (36%), «достаточный доход» (7%). У остальных же подразумевается стремление выехать, но есть некоторые сдерживающие факторы, заставляющие их оставаться в Молдове: «не хочу оставлять семью» (26%), «миграция требует больших затрат» (13%), «трудно найти там работу» (7%), «нужно выполнять сельскохозяйственные работы» (6%), другое (5%).

Рис.1. Почему Вы не планируете выехать на заработки за рубеж в ближайшем будущем?

Источник: [15]

Основные эффекты воздействия международной трудовой миграции

Международная трудовая миграция молдавского населения оказывает многообразное социально-политическое воздействие на ситуацию в Республике Молдова, на ее население. Рассмотрим наиболее существенные эффекты.

Денежные переводы, материальное благосостояние мигрантов и их семей, перспективы социально-экономического развития страны.

Основным положительным эффектом являются денежные переводы трудовых мигрантов в страну происхождения [23]. Денежные в страну

происхождения осуществляются различными путями, как по официальным, так и по и неофициальным каналам. Объемы денежных переводов молдавских трудовых мигрантов достаточно велики, их объемы из года в год возрастают.

Таблица 1. Динамика денежных переводов в Республику Молдова, 1998-2011 гг. (млн. долларов США)

год	*всего*	*посредством систем быстрого перевода денег*	*% ВВП*
1999	89.62	52.21	9,3
2000	152.94	101.77	12,3
2001	211.99	140.08	15,1
2002	254.12	161.35	16,5
2003	317.76	176.05	23,5
2004	412.70	226.18	27,1
2005	683,24	497,84	31,7
2006	854,55	628,61	38,2
2007	1218,30	919,71	36,2
2008	1612,12	1386.17	30,8
2009	1182.02	982.23	30,8
2010	1244.14	1072.24	29,8
2011	1453.79	1276.61	30,3

Источник: [52]

При этом отметим, что денежные переводы молдавских трудовых мигрантов составляют весомую долю внутреннего валового продукта (ВВП) Республики Молдова. К сожалению, средства молдавских трудовых мигрантов направляются в основном на внутреннее потребление, приобретение недвижимости и не влияют сильно на рост экономики страны.

Денежные переводы из-за рубежа осуществляются, как правило, в твердой валюте (более 80% всех трансфертов осуществляются в долларах или евро). Увеличение поступлений иностранной валюты на внутренний рынок помогает защитить национальную валюту. Для бедных стран, в том числе, и для Молдовы денежные переводы становятся одним из крупнейших и стабильных источников финансовых поступлений, иностранной валюты. Посредством официальных и неофициальных денежных переводов молдавских граждан страна получает большую финансовую помощь, чем от иностранных инвестиций в ее экономику. Эксперт #4: *«по объемам денежных переводов в ВВП мы находимся на втором месте в мире после Таджикистана. В 2010 году мы имеем денежных переводов на 1 млрд. 200 млн. американских долларов, а прямых иностранных инвестиций, о которых мы столько говорим и за которые боремся, всего 30 млн. долларов.*

Это несравнимые понятия. Поэтому государство, в первую очередь, должно подумать о том, как использовать денежные переводы. Надо не только создавать привлекательный инвестиционный климат для иностранных инвесторов, но и решать вопросы обеспечения для мигрантов права и возможностей вложения своих денег в качестве инвестиций в развитие страны, своего населенного пункта».

Растущие объемы денежных переводов благотворно сказываются на развитии банковской системы страны, ее консолидации. Они играют важную роль в осуществлении переводов в Республику Молдова денег, заработанных трудовыми мигрантами. Как показывают исследования, основная масса клиентов коммерческих банков (трудовых мигрантов) пересылает деньги домой посредством систем быстрого перевода.

Исход трудовых ресурсов, неиспользованных в стране, на самом деле, избавляет Молдову, по мнению исследователей, от проблемы внутренней безработицы [46]. Денежные доходы позволяют поддерживать социальную стабильность в стране, снижают напряженность социального конфликта. В Республике Молдова с начала ’90-х годов XX века фактически не было проявлений социального конфликта вследствие материальных проблем молдавского населения [49; 18]. Хотя падение экономического потенциала, жизненного уровня населения было очень значительным.

Трудовая миграция, денежные средства, поступающие из-за рубежа, позитивно влияют на социальную структуру Молдовы, увеличивая численность среднего класса и, соответственно, уменьшая категорию бедных и очень бедных [25]. В молдавских местных сообществах происходит повышение социального статуса трудового мигранта, что связано с его квалификационным и профессиональным ростом, повышением его престижа, влияния на процесс принятия решений в местном сообществе, «кредитование соседей», повышение роли женщин в семье и др. [29].

Материальное положение домохозяйств, члены которых вовлечены в трудовую миграцию, находятся в более благоприятной ситуации. У них больше возможностей избежать риски периода общественных трансформаций. М.Орозко, проведя исследование в области денежных сбережений населения Молдовы, пришел к выводу, что сбережения более 500 долларов имеются в 8% домохозяйств, в которых нет трудовых мигрантов, и в 29% домохозяйств, в которых такие мигранты имеются [27, 4].

Таблица 2. Материальное положение домохозяйств в свете трудовой миграции, (в процентах)

		1	*2*	*3*	*4*	*5*
Питание	*до миграции*	1,6	57,1	34,3	5,6	1,4
	после миграции	7,4	71,6	18,5	1,0	1,5

Жилье	*до миграции*	1,6	52,1	38,2	6,3	1,9
	после миграции	4,7	70,4	21,5	1,6	1,8
Одежда	*до миграции*	1,1	46,9	45,0	5,3	1,7
	после миграции	4,5	68,1	24,3	1,4	1,7
Здоровье	*до миграции*	1,6	50,7	38,3	7,6	1,8
	после миграции	2,8	57,6	33,2	4,7	1,7
Образование	*до миграции*	1,9	47,4	35,5	4,6	10,6
	после миграции	3,3	60,1	20,8	1,8	14,0
Развлечения	*до миграции*	1,0	31,8	46,7	12,9	7,5
	после миграции	2,3	47,3	35,6	7,1	7,7

Примечание: 1 – очень хорошее, 2 – хорошее, 3 – тяжелое, 4 – очень тяжелое, 5 – нет ответа.

Источник: [47, 120]

Исследования показали, что в 2/3 всех домохозяйств, в которых имеются трудовые мигранты, материальное благосостояние формируется в основном денежными переводами мигрантов. Вклад трудового мигранта, его денежные переводы составляют большую часть бюджета домохозяйств (65% и более). При этом в трети домохозяйств вклад трудового мигранта составляет более 85 процентов в материальное благосостояние его семьи, домохозяйства.

Таблица 3. Вклад трудового мигранта в материальное благосостояние семьи

мигрантская доля в материальном благосостоянии семьи	*% домохозяйств*
До 15%	6,4
От 15 до 35%	7,7
От 35 до 65%	17,5
От 65 до 85%	33,6
свыше 85%	34,8

Источник: [10]

Сегодня трудно сказать, какова доля мигрантского капитала в молдавском бизнесе Республики Молдова, однако можно с уверенностью утверждать, что среди почти 50 тысяч предприятий микро, малого и среднего бизнеса [53] большая часть опирается на деньги, заработанные за границей.

«Одной из причин нашего выезда было обеспечение будущего нашим дочкам. Мы им построили дом. Дом получился на загляденье. Мы, когда дом начали для детей строить, постарались учесть итальянский опыт, как у них строят. И архитектуру, и планировку в доме, и инфраструктуру, туалет, ванные комнаты, спальни. Стройматериалы сами отбирали в

Италии и привозили сюда, чтобы все было качественно. Муж в период отпусков лично наблюдал за строителями, чтобы работали на совесть. Не поскупились с оплатой. Мастеров, наших же молдаван, также постарались взять с опытом работы заграницей, в Италии или Испании. Наши, чисто молдавские строители нередко строят тяп-ляп. А потом не успеваешь ремонты делать.

Дом построили двухэтажный, с двумя отдельными входами. То есть, дочки живут в одном дворе, на одном участке. И вместе, и в то же время каждый в отдельности, в своем доме…

Но жилье это только полдела. Надо им еще и с собственным бизнесом помочь. Государство работы не дает. А если дает, то платит столько, что лучше с ним дела не иметь. Работа «на дядю» опасна, нет гарантий. Сегодня ты работаешь, а завтра, глядишь, он тебя уволит. Защиты-то никакой нет. А свое дело дает свой кусок хлеба. Не ленись, работай на совесть и будешь иметь и клиентов, и заработок, и прибыль.

Дочки у нас обе по швейному делу, вот мы и решили на семейном совете открыть ателье в нашем городке. В центре был когда-то, еще в советское время, цех какой-то. Уж и не помню. Потом все это прогорело, стало нерентабельным, никому стало ненужным. Государство успешно забыло об этом цехе. Стены порушились. Все бурьяном заросло. Пустырь остался, одним словом.

Мы с мужем приобрели этот участок земли, расчистили, построили здание ателье. Сегодня это красивое здание, в центре города, место видное, удобное для людей. Опять же здание в современном европейском стиле. Открыть свой бизнес в нем, - от клиентов отбоя не будет. Но это люди поняли, когда уже мы построили офис для наших девочек.

Люди поняли выгодность. Бойкое оказалось место. Правда, когда там был пустырь, желающих приобрести участок не очень было видно. К нам обращались с просьбой продать этот участок, предоставить аренду для чужого бизнеса. Давали очень большие деньги. Но мы отказались. Зачем в одном офисе несколько контор? Так уже и не будет видно, что это ателье наших дочерей» (Супружеская пара: мигрант #1 и мигрант #2, трудовые мигранты в Италии, 12 лет).

«Я-то в трудовой миграции уже более 11 лет. … Вернулся … Понимаете, я по специальности зоотехник. Профессию свою очень люблю. Люблю возиться с животными. Хотя бы сейчас вернусь к своему призванию. Как приехал в сентябре в Молдову открыл свое хозяйство. 150 штук гусей, другая живность (овцы, коровы, кролики). Хочу увеличить до 300 голов птицы, завезти хорошие породы животных. Дело пойдет. Опыт у меня есть, желание и знания также» (мигрант #3, трудовой мигрант в Испании, вернулся в 2010 году).

Естественно, что не всем в населенном пункте, эта внешняя легкость открытия бизнеса нравится. Наши эмпирические наблюдения свидетельствуют, что уже наблюдаются проявления (правда, пока еще единичные) зависти со стороны не-мигрантов к благосостоянию мигрантов, противостояния между бедными не-мигрантами и богатыми мигрантами. То есть, нельзя не отметить, что международная трудовая миграция, денежные переводы содействуют не только росту материального благосостояния трудовых мигрантов и членов их семей, но и увеличивают социальное расслоение между мигрантами, их семьями, с одной стороны, и с не-мигрантами и их семьями, с другой стороны,.

Благодаря денежным переводам бедность в стране стала снижаться. Если в 1999 году ниже черты бедности проживало 73% населения, то сегодня этот показатель значительно снизился: ниже черты бедности проживает около 33% (2007 г.) молдавского населения [48].

Как свидетельствует опыт других стран, Республика Молдова в этом плане не открывает Америку, двигается в русле общемировых тенденций. Проедание денежных переводов является типичным явлением в бедных странах, к которой относится и Молдова. Обеспечение достойных условий для существования, сохранения на «плаву» домохозяйства является нормальным ответом, реакцией на ненормальные условия жизни людей. Благодаря трудовой миграции, денежным средствам, заработанным вне страны происхождения, люди, их домохозяйства способны решать не только проблемы выживания.

Анализ структуры использования домохозяйством денежных средств, получаемых из-за рубежа, свидетельствует, что большая часть денег, поступающая от трудовых мигрантов в бедные домохозяйства, проедается. Некоторая часть идет на удовлетворение «потребностей развития»: получение образования, услуги здравоохранения, туризм, приобретение современных товаров, повышающих информированность, знания и потенциальные возможности людей (компьютер, информационно-коммуникационные услуги), открытие или развитие собственного бизнеса [9]. Бизнес заключается не только в том, чтобы открыть свое кафе, магазин или определенное производство. Одалживание денег на миграцию (под определенный процент) также является бизнесом, инвестициями. При этом отметим, что достаточно востребованным и не связанным с формализацией отношений с государством, государственным чиновником.

Таблица 4. Использование домохозяйствами денежных переводов мигрантов

	%
Питание, одежда	43,1

Коммунальные услуги	18,2
Товары для дома (без радиотоваров)	17,2
Ремонт дома / квартиры	15,3
Образование (плата)	12,8
Лечение	12,5
Оплата долгов	11,7
Оплата долгов на поездку	10,4
Для сельхозяйственных работ	10,5
На «черный день» (чулок)	8,5
Банковские счета	1,6

Источник: [39]

В контексте вопроса о структуре расходов домохозяйств представляет интерес предполагаемое использование людьми заработанных денег в ближайшей перспективе, в течение текущего года.

Таблица 5. Планируемое использование заработанных за рубежом денег в «последующие 12 месяцев»

	«АМФ-2004»	*«МОМ-2004»*	
	%	*1-я позиция %*	*2-я позиция %*
Возвращение долгов	8,3	11,8	5,1
Текущие расходы (продукты, одежда, оплата коммунальных услуг, др.)	21,7	45,4	21,7
Специальные расходы (образование, здоровье, приобретение современных дорогостоящих товаров, одалживание денег, др.)	20,0 (деньги в долг – 4,2)	10,6	24,6
Домашние инвестиции (приобретение автомобиля, недвижимости, ремонт квартиры / дома, свадьба, похороны, банковские депозитивы)	22,0	15,5	22,8
Инвестиции в производство (покупка земли, грузовых автомобилей и сельскохозяйственной техники, живого инвентаря, скота и птицы	6,5	1,5	4,8
Другое		0,7	0,2
сбережения (банковские депозитивы)	20,7	-	-
Не ответили		9,8	2,4

Источник: [39; 10]

Отметим, что значительная доля заработанных трудовыми мигрантами средств идет на образование детей и лечение. В короткой перспективе эти затраты могут быть рассмотрены как потребление. Но в более длительной перспективе они выступают важными инвестициями в формирование и развитие человеческого капитала [14, 7]. При таком подходе доля инвестиций будет значительно выше 6,5% [10], которые идут непосредственно идут на открытие / становление собственного бизнеса членов домохозяйств трудовых мигрантов.

В то же время отметим, что при таких значительных суммах денежных переводов, полученных от молдавских трудовых мигрантов за рубежом, на социально-экономическое развитие страны, прямые инвестиции в развитие экономики Республики Молдова тратится очень немного.

Согласно социологическим исследованиям [39], только 16,8% респондентов намерены аккумулировать поступающие от мигрантов средства и начать собственный бизнес. Для тех, кто видит перспективу инвестиций в бизнес, наиболее привлекательными являются следующие сферы (в порядке приоритетности): сельское хозяйство, предпринимательство, транспорт, бар (киоск), покупка оборудования, сфера развлечений, покупка недвижимости.

Некоторая сумма денежных средств, заработанных трудовыми мигрантами, идет на развитие местного сообщества, в котором родились, живут и откуда выехали на заработки за рубеж трудовые мигранты. Как показывают социологические исследования, каждый девятый трудовой мигрант оказывает определенную помощь, материальную поддержку церкви, спортивным клубам, осуществлению коммунитарных проектов [36]. Однако, экспертный опрос представителей местной публичной администрации Республики Молдова показал, что данные процессы имеют место не везде, во многих населенных пунктах, общинах роль трудовых мигрантов в функционировании и развитии местных сообществ еще незначительна [40; 7; 13].

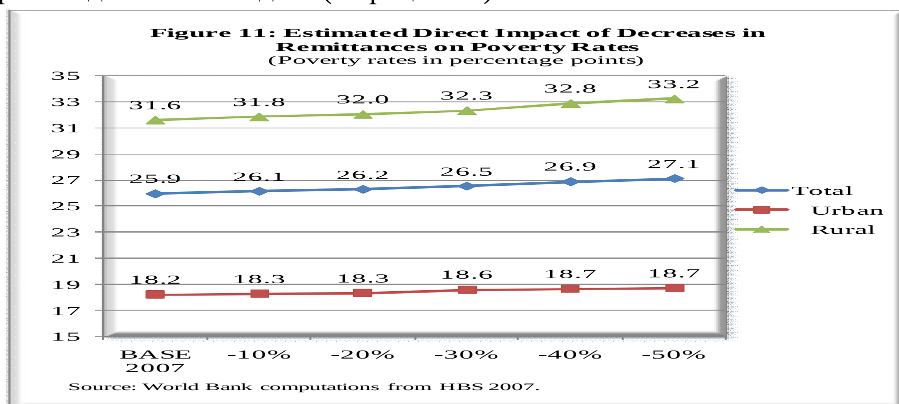
Постепенно социально-экономическое развитие страны стало ориентироваться на модель, основанную на растущем получении и использовании денежных потоков из-за рубежа. Такая модель развития, учитывая изменяющиеся демографические тенденции (падение рождаемости и старение населения Молдовы) имеет слишком высокую стоимость. Она включает рост импорта (финансируемого за счёт переводов мигрантов) до крайне неустойчивого уровня; укрепление национальной валюты, которое ведёт к неконкурентоспособности экспорта; моральные риски как для семей мигрантов так и для правительства; возникновение феномена «социальных сирот», оставленных родителями-мигрантами; перестройку гендерных ролей на уровне семей, населённых пунктов и страны в целом; разрушение соци-

альных сетей, игравших важную роль в предотвращении бедности в предыдущие годы. Все это ведет к росту противоречивости оценок экономических и социально-политических последствий трудовой миграции (трудовой эмиграции) из Молдовы, а также в восприятии устойчивости такой модели социально-экономического развития страны [46].

Кризис 2008-2010 годов, обострив проблему денежных переводов, поставил вопрос об эффективности и жизненности данной модели развития Республики Молдова. Опрос (CBS AXA - 2009) показал, что 2/3 респондентов отмечает сокращение объемов денежных переводов. При этом каждый пятый респондент (20,7%) утверждает, что в условиях кризиса вообще перестал получать денежные переводы [48].

Оценки специалистов Мирового Банка свидетельствуют, что снижение объемов денежных переводов оказывает непосредственное влияние на рост бедности в стране. Простое моделирование показывает, что снижение денежных переводов на 50% ведет к росту бедности на 1,2% в год. При этом в сельской местности это снижение составит 1,6%.

Рис.2. Оценки прямого воздействия снижения денежных переводов на рост бедности в Молдове (в процентах)

Источник: [48]

При этом снижение денежных переводов влияет неравномерно на рост потребления различных социальных групп. Для беднейших слоев снижение составляет 7%, в то время как для богатых снижение составляет только 2,7% [48].

По мнению представителя Мирового Банка в Молдове М.Марлетт «*мировой финансово-экономический кризис продемонстрировал, что Республика Молдова должна задуматься о* ***другой*** *модели экономического развития*» [21, 13].

Несомненно, что нынешний кризис явился своего рода звоночком / ключиком, вскрывшим хрупкость существующей модели социально-экономического развития Республики Молдова. Однако следует отметить, что переход к иной модели развития, тем более к иной модели устойчивого социально-экономического маловероятен. Самостоятельно Республика Молдова вряд ли способна осуществить этот переход.

Занятость населения и развитие рынка труда.

За 20 лет переходного периода потенциал занятости населения в Молдове снизился, хотя и незначительно. А избыточное предложение рабочей силы значительно возросло вследствие массовых увольнений, связанных с процессами приватизации и затянувшегося экономического кризиса ‘90-х годов XX века. Отметим, что больших перспектив для роста потенциала национальной экономики, чтобы занять избыточное предложение труда не ожидается. Тем не менее, официальный уровень безработицы колеблется в районе 2% - крайне низкий для экономики в условиях кризиса. В этих условиях, большая часть молдавской безработной рабочей силы (которая не регистрируется в центрах занятости), находит свой источник существования либо в теневой экономике, либо уезжая за рубеж в поисках рабочего места.

Практика показала, что трудовыми мигрантами являются даже и те, кто имеют рабочее место. Исход молдавской рабочей силы за пределы страны в поисках заработка продолжает оставаться актуальной проблемой, нередко единственной альтернативой для существования людей. Для большинства населения Республики Молдова занятость за границей является единственной возможностью вырваться из «объятий» бедности внутри страны. К сожалению, существенное увеличение роста ВВП, наблюдавшееся в течение 5-6 лет до мирового кризиса (среднегодовой объем роста составлял около 5%) не только не привело к повышению спроса на рабочую силу, но наоборот, число занятых в экономике даже уменьшилось (среднегодовые темпы снижения занятости составили 2,4%) [43].

Затяжной экономический кризис в Молдове привел к резкому падению реальной заработной платы работников, на которую, мягко говоря, трудно прожить. Большинство бедных в Молдове это «работающие бедные»: по данным всемирного банка ¾ работающих являются бедными, то есть во многих случаях и работа не спасает от бедности [11, 58-59]. На современном этапе Молдова находится на последнем месте по уровню заработной платы среди европейских стран. Низкая зарплата и отсутствие перспективы роста, плюс большая разница в уровнях заработной платы в стране и за границей, являются основными причинами растущей международной миграции рабочей силы в стране. Не безработица, отсутствие рабочего ме-

ста является основной причиной таких масштабов международной трудовой миграции из Молдовы, а отсутствие возможности найти рабочее место, способное обеспечить работникам достойный уровень жизни [46; 42].

В целом, определяющим фактором международной миграции рабочей силы из Республики Молдова можно считать именно неблагоприятные процессы, которые происходят на рынке труда. Анализ рынка труда в Молдове за последние годы выявляет постоянное сокращение основных показателей занятости. Обследование анкеты рабочей силы, проводимое Национальным Бюро Статистики, показывает как снижение численности экономически активного населения, численности занятого населения, так и численности наемных работников. С 2001 по 2008 год, экономически активное население сократилось с 1616800 до 1302800 человек [53].

Следует отметить, что наряду с уменьшением показателей занятости имеет место и сокращение безработицы. Количество безработных, рассчитываемое по методологии МОТ, снизилось за период 2001-2008 годы с 117700 до 51700 человек, а число безработных, зарегистрированных в службах занятости, снизилась с 27600 до 23200 человек [46].

В условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008-2010 годов произошло ухудшение ситуации на рынке труда в Республике Молдова [42]. Согласно опросам, в условиях кризиса у 25% респондентов либо он сам, либо кто-то из членов их семьи потеряли работу. В этих условиях растет миграционный потенциал: практически каждый третий респондент намерен искать работу за рубежом или не знает, что делать. Среди членов семьи респондентов эта цифра еще выше, составляет около 50% [12].

Таблица 6. Возможные действия в случае утраты работы (в процентах).

Действия	*респондент*	*член семьи*
нашел работу	12,4	11,5
поиск работы в своем населенном пункте	29,8	21,1
поиск работы в другом населенном пункте Молдовы	20,2	13,3
поиск работы за границей	12,4	21,9
обращение за пособием по безработице	4.6	4,7
что-либо еще	4,3	2,2
не знаю, нет ответа	16,5	25,4

Источник: [12].

Одним из вариантов выхода из непростой ситуации, связанной с потерей работы, является открытие собственного дела. Сравнительный анализ результатов опросов, проведенных CBS AXA в 2008 и 2009 годах показы-

вает, что хотя привлекательность бизнес-проектов растет, однако в целом не покрывает пессимизма тех, кто лишился работы и находится в поисках работы, средств к выживанию [12; 15].

Таблица 7. Намерение реализовать бизнес-проект (в процентах).

Действия	CBS AXA - 2008	CBS AXA - 2009
Имею свое дело	4,0	4,1
Имел бизнес в прошлом, но не планирую начать новый	1,3	2,9
Имел бизнес в прошлом, планирую начать новый	0,6	0,8
Не имел бизнеса в прошлом, но планирую иметь	7,6	10,8
Количество потенциальных бизнесменов	*12,4*	*15,5*

Источник: [12].

Об этом свидетельствует и сравнительный анализ стремления иметь или открыть собственный бизнес у бывших трудовых мигрантов.

Таблица 8. Намерение иметь или начать собственный бизнес у бывших трудовых мигрантов (в процентах).

Действия	CBS AXA - 2008	CBS AXA - 2009
Имею свое дело	6,8	2,4
Имел бизнес в прошлом, но не планирую начать новый	2,6	5,2
Имел бизнес в прошлом, планирую начать новый	1,7	1,9
Не имел бизнеса в прошлом, но планирую иметь	14,5	17,5
Количество потенциальных бизнесменов	*23,0*	*21,8*

Источник: [12].

Закономерен вопрос, какие факторы, причины привели к таким оценкам молдавское население, как реальных, так и потенциальных бизнесменов.

Таблица 9. Проблемы, с которыми столкнулись бизнесмены в последние 6 месяцев (в процентах).

Проблемы	*%*
Снижение прибыли	50,0%
Снижение объемов продаж	44,0%
Рост цены на сырье	36,1%
Сокращение занятости работников	31,9%
Снижение объемов производства	31,5%
Коммерческие партнеры запаздывают с оплатой	29,5%

Сокращение числа работников	28,0%
Невозможность полной оплаты труда работников	27,6%
Задолженность государству по налогам	23,0%

Источник: [12].

Оценивая жизненные возможности в условиях кризиса, каждый второй респондент отмечает, что условия жизни стали хуже и значительно хуже. В отношении же возможности экономить респонденты отмечают, что в последние 6 месяцев удается экономить в той или иной степени только 30% респондентов. Почти 43% опрошенных людей отметили, что появились деньги, однако не удается экономить. В то же время практически каждый четвертый (23,4%) респондент признался, что влез в долги [12].

Отметим, что трудовая миграция оказывает влияние на изменение труда не только как важнейшего социального института, но и как социально-политической ценности общества и отдельного человека.

Таблица 10. Сопряженность социального статуса с работой за границей: горизонтальный срез (в процентах)

Если вы не работаете, каков Ваш статус?	***Работали ли Вы за границей?***			
	Да	***нет***	***Нет ответа***	***всего***
Работает	31.6%	66.6%	1.9%	100.0%
Учащийся	.0%	100.0%	.0%	100.0%
Студент	12.7%	87.3%	.0%	100.0%
Пенсионер (по возрасту или болезни)	6.6%	92.0%	1.5%	100.0%
домохозяйка, отпуск по уходу за ребенком	30.8%	68.3%	1.0%	100.0%
Временно безработный; ищет работу	50.7%	47.4%	1.9%	100.0%
Безработный; не ищет работу	51.5%	48.5%	.0%	100.0%
Нет ответа	25.0%	58.3%	16.7%	100.0%
Итого	29.5%	69.0%	1.6%	100.0%
Всего респондентов	339	793	18	1150

Источник: [1]

Таблица 11. Сопряженность социального статуса с работой за границей: вертикальный срез (в процентах)

Если Вы не работаете, каков Ваш статус?	***Работали ли вы за границей?***		
	Да	***нет***	***Нет ответа***
Работает	35.1%	31.7%	38.9%
Учащийся	.0%	1.0%	.0%

Студент	2.4%	6.9%	.0%
Пенсионер (по возрасту или болезни)	5.3%	31.8%	22.2%
Домохозяйка, отпуск по уходу за ребенком	9.4%	9.0%	5.6%
Временно безработный; ищет работу	31.3%	12.5%	22.2%
Безработный; не ищет работу	15.6%	6.3%	.0%
Нет ответа	.9%	.9%	11.1%
Итого	100.0%	100.0%	100.0%
Всего – 1150 респондентов	339	793	18

Источник: [1]

Таблица 12. Сопряженность возраста, социального статуса и опыта работы за границей (в процентах)

1	2	*Если работали, то каков Ваш статус? %*							
		3	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**всего**
да	18-20	50.0	.0	.0	.0	12.5	25.0	12.5		100.0
нет	18-20	5.5	12.7	52.7	1.8	7.3	12.7	7.3		100.0
да	21-30	21.2	.0	7.7	.0	18.3	30.8	21.2	1.0	100.0
нет	21-30	34.2	.6	15.5	.6	18.0	21.7	6.2	3.1	100.0
да	31-40	48.0			.0	9.0	33.0	10.0	.0	100.0
нет	31-40	49.1			3.4	19.0	20.7	6.9	.9	100.0
да	41-50	40.6			1.6	3.1	34.4	20.3		100.0
нет	41-50	53.8			10.4	9.4	18.9	7.5		100.0
да	51-60	36.0		.0	16.0	2.0	30.0	12.0	4.0	100.0
нет	51-60	42.2		.6	33.1	3.6	7.8	12.0	.6	100.0
да	Свыше 61	7.1			64.3	.0	21.4	7.1		100.0
нет	Свыше 61	4.2			95.2	.5	.0	.0		100.0

Примечание: 1 - Работали ли Вы за границей?; 2 – возраст (лет); 3 – работает; 4 – школьник; 5 – студент; 6 - пенсионер (по возрасту или болезни); 7 - домохозяйка, отпуск по уходу за ребенком; 8 - временно без работы, ищу работу; 9 - Без работы, не ищу работу; 10 – нет ответа

Источник: [1]

Молдавские граждане, имеющие опыт трудовой миграции, отличаются по отношению к труду, трудовой деятельности, занятости на национальном рынке труда от молдавских граждан, которые такового опыта не имеют. Это выражается в том, что это более активные и энергичные люди, которые ищут и находят свое место на рынке труда. Об этом свидетельствуют данные из таблиц 1-3 (позиции «работающие», «временно безработные, ищущие работу»), где показаны сопряженности с возрастом людей, социальным статусом в Молдове и опытом работы за границей.

Так среди работающих, доля людей, имеющих опыт работы за границей выше, чем среди тех, кто такого опыта не имеет. В то же время среди тех, кто «временно не работает и ищет работу», доля людей с мигрантским

прошлым в 2.5 раза выше, чем среди немигрантов. В то же время, обратим внимание и на параметр «Безработный; не ищет работу». Среди них трудовых мигрантов также почти в 2,5 раза больше, чем немигрантов. Несомненно, что среди этой группы могут быть и те, кто приехал домой из-за границы отдохнуть, подлечиться….

Однако, есть и другое, о котором также не стоит забывать. Люди, имеющие опыт трудовой миграции, становятся более «капризными» на национальном рынке. Их не устраивает любой труд. Они, в отличие от своих сограждан, которые не были в трудовой миграции за рубежом, сравнивают с ситуацией в других странах, в странах, где они были на заработках. Они ищут труд, который будет престижен, денежно оценен более достойно. *«…Лариса с мужем Андреем и сыном вернулись в Молдову. Живут в Кишиневе, в собственной квартире. Дочка осталась в Португалии, работает оперной певицей.*

Сын учится в школе. Муж пока не работает. Но, тем не менее, в делах-заботах. Встречается с родственниками в родном селе. Делает собственное вино. В общем, жизнью он доволен.

У Ларисы процесс реинтеграции не столь прост и однозначен. Два месяца как ищет работу. Зарплата в 2000 лей (менее 200 долларов), мягко говоря, не очень устраивает по сравнению с 1000 евро, которые она получала в Португалии, работая на двух работах. Тоскует по Португалии, работе, заработкам, друзьям, подругам, по существовавшему кругу общения, по той жизни» (Супружеская пара: мигрант #4 и мигрант #5, трудовые мигранты в Португалии, 12 лет).

Для них труд через свое стоимостное выражение является ценностью, чего нет у их сограждан, которые свой трудовой опыт, свою трудовую деятельность оценивают только молдавскими реалиями. Там, за границей они получили опыт другой работы, другого качества и оплаты труда. И этот опыт, эту ценность труда они не хотят потерять, разменять, понизить до уровня ситуации на молдавском рынке труда.

«Я смотрю на то, как работают наши молдаване здесь: перекуры, имитация работы. Поэтому они и получают так мало. Да, я прошу за свою работу дорого. По молдавским меркам. По европейским меркам это нормально. Это не рвачество. Это нормальная оплата труда. Я работаю качественно, быстро. То, что они сделают за месяц, я сделаю за 3-4 дня. Надо мной не нужен надсмотрщик в лице бригадира, мастера… Меня не надо подгонять. Я ценю свое время и свой труд. И за свой труд, я хочу и должен нормально получать. Если здесь я не смогу найти такой работы, то я снова поеду на заработки за границу. Я проработал 10 лет на стройке в Испании, Португалии... Я знаю, как надо работать, знаю их (западные) требования. Меня там за мою работу ценили.

Конечно, молдавскому патрону со мной труднее, чем с местными. С одной стороны, он мне должен хорошо и дорого (по молдавским меркам) заплатить. А с другой стороны, он не может меня кормить завтраками: подожди, сегодня не завезли плитку, кирпич, раствор… Он должен мне предоставить соответствующие условия для работы, дать фронт работы… Сидеть и ждать, пока привезут материалы я не буду. А местные могут сидеть, ждать, ничего не делать. Но тогда и зарплаты у них нет» (мигрант #6).

В то же время сравним отношение к делу другого респондента, также имеющего опыт работы за рубежом. В Италии он проработал 1,5 года, но сохранил молдавскую ментальность и отношение к труду, которое сближает его с теми молдавскими работниками, которые не были заграницей и живут и работают, исходя только из молдавских реалий. И это их устраивает.

«Я пробыл в Италии полтора года, полгода как вернулся домой. Больше ни в Италию, ни в какую другую страну на заработки не поеду… Я работал на фабрике простым рабочим. Работал восемь часов. Зарплата была 1350 евро. А в отдельные месяцы, например, в августе получал и две и более тысяч. В августе у них люди едут в отпуск, рабочих меньше. Поэтому и была возможность заработать больше. Правда, работа очень тяжелая. Все тело болит, ноет от напряжения, нагрузки. И мне очень трудно было, хотя я физически крепкий и тренированный человек, всю жизнь занимался спортом и преподавал в университете на кафедре физического воспитания.

Так вот работа и была той первой причиной, почему я вернулся. Понимаете, лучше жить в Молдове, дома. Да может, и нет у нас такой зарплаты, но и работать можно свободнее, посачковать, пофилонить. Не тягловая же мы лошадь, чтобы всю жизнь, соки положить на эту работу. Да у них есть различного рода механизмы, которые облегчают труд человеку (кстати, я много таких механизмов привез), но все равно и вкалывать там надо серьезно за тысячу евро» (мигрант #7).

Демографическая структура (пол, возраст, этничность, образование и квалификация, территориальное расселение) населения.

На начальном этапе более активными в трудовой миграции были представители национальных меньшинств. Сегодня же в нее включены представители всех этнических групп, в том числе и титульной нации [41]. При этом отметим, что за исключением Приднестровья и Гагаузии, ориентированных в международной трудовой миграции в основном на Россию и Россию / Турцию, соответственно, в остальных регионах и зонах Молдовы, этническая / лингвистическая составляющая не детерминирует мигра-

ционное поведение молдавского населения. Более важную роль при выборе страны назначения, международной трудовой миграции, играют социальные сети, наличие успешных родственников, односельчан, знакомых, находящихся на заработках в данной стране. Это сказывается на страновой и гендерной ориентации международной трудовой миграции целых населенных пунктов.

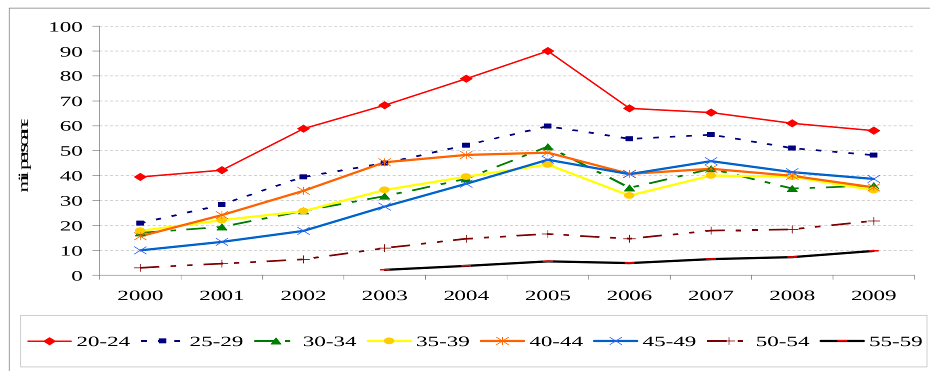
Таблица 13. Демографические показатели молдавских трудовых мигрантов (лиц старше 15 лет), выехавших на заработки в 2010 году (тыс. человек)

	Всего	***15-24 лет***	***25-34 лет***	***35-44 лет***	***45-54 лет***	***55-64 лет***
Всего (тыс. человек)	**311,0**	**69,7**	**102,2**	**68,6**	**58,3**	**12,2**
Город	**90,6**	12,3	31,7	19,7	20,9	5,9
Село	**220,5**	57,3	70,5	48,9	37,3	6,4
Мужчины	**198,0**	51,6	70,3	40,0	29,7	6,3
Женщины	**113,0**	18,1	31,9	28,6	28,5	5,9
Высшее	**33,3**	4,7	15,9	4,2	6,3	2,2
Среднее специальное	**40,7**	4,1	8,3	12,8	12,5	3,0
Среднее профессиональное	**79,5**	13,4	20,9	23,9	18,0	3,2
Лицейское, общебразовательное	**79,4**	16,7	24,8	19,2	16,1	2,7
Гимназическое	**76,2**	29,7	31,6	8,5	5,3	0,0
Начальное или без образования	**1,9**	0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: [53]

В международных трудовых миграциях принимают участие различные половозрастные и профессионально-образовательные группы страны. Наиболее активна молодежь и люди средних возрастов (более 70% в возрасте до 40 лет и почти 40% в возрасте до 30 лет) [47, 116]. Средний возраст трудового мигранта составляет 35-36 лет.

Рис.3. Распределение молдавских трудовых мигрантов по возрастным группам (тысяч человек)

Источник: [33]

Анализ распределения населения уехавшего за границу в поисках работы по возрасту, полу и уровню образования показывает, что миграционные потоки состоят по большей части из людей в возрасте от 25 до 34 лет – 33,9%, с преобладанием мужчин – 63,6%, а также лиц со средним, средне профессиональным и гимназическим образованием – 75,6%, выполняя, как правило, неквалифицированную работу, которая не требует больших инвестиций в развитие человеческого капитала. Это объясняется тем, что эти категории людей легче внедряются на свободные сегменты зарубежных рынков труда, которые, как правило, предполагают неквалифицированный труд.

Хотя большинство трудовых мигрантов является мужчинами, доля женщин достаточно велика, составляет до четверти всех молдавских трудовых мигрантов [28; 45]. Трудовые мигранты-мужчины заняты в основном в строительстве, на транспорте, в индустрии, сельском хозяйстве. Подавляющее большинство молдаван работают в строительстве – 51%. Женщины-мигранты работают в сфере обслуживания, торговле, по уходу за престарелыми, больными, детьми, в качестве домашней прислуги, в сфере секс-услуг. Основная масса трудовых мигрантов не работает по специальности. Однако, в отличие от западноевропейских стран, где подавляющая часть трудовых мигрантов работает не по специальности, в России возможности трудоустройства по специальности все же больше (строительство, сельское хозяйство, транспорт, промышленность, сфера обслуживания, торговля).

В трудовой миграции широко представлена как высококвалифицированная, так и неквалифицированная рабочая сила, представители бюджет-

ной сферы (учителя, инженеры, врачи), индустрии, транспорта, строительства, сельского хозяйства [19].

Трудовая миграция в Россию и в страны Европейского Союза отличаются по продолжительности. Молдавские гастарбайтеры планируют работать в России в среднем 5,5 месяцев, фактически средняя продолжительность пребывания в России составляет чуть более 7 месяцев. Мигранты из Молдовы представляют поток временной трудовой, даже преимущественно сезонной, миграции в Россию [19]. В странах «старого зарубежья», государствах Европейского Союза средняя продолжительность пребывания составляет в среднем более года (14-16 месяцев).

Анкета рабочей силы показала, что большинство людей мигрировавших из Молдовы имеют среднее профессиональное и среднее образование (соответственно 25,5% и 25,6% всех иммигрантов в 2010 году). Эти люди, не реализовавшись (вследствие отсутствия привлекательного и хорошо оплачиваемого рабочего места) в стране, выезжают за рубеж на временное или постоянное место жительство. Кроме того, большая часть молодых людей страны, обучающихся в России, Румынии и других западноевропейских странах остаются проживать и работать в этих странах. Таким образом, Молдова постепенно превращается в поставщика квалифицированной рабочей силы в другие страны, в ущерб себе [19].

Учитывая, что квалифицированная рабочая сила не может быть полностью задействована в стране, а экономика республики не в состоянии найти ей достойное применение и оплату, эта "потеря человеческого капитала" может быть оправдана. То есть, эмиграция квалифицированной рабочей силы может рассматриваться также и как сохранение ее потенциала.

В то же время деградация человеческого потенциала создает дисбаланс, отрицательно воздействующий на формирование устойчивого социально-экономического развития страны, будущее Республики Молдова [46].

Молдавская рабочая сила становится более избирательной. При поисках работы внутри страны она сравнивает заработки «тут», в Молдове, и «там», за рубежом. И чаще всего отдает предпочтение ситуации «там». Низкие заработки в стране и более высокие за рубежом по-прежнему являются стимулом отъезда высококвалифицированных трудовых кадров, которые предрасположены к долгосрочной или постоянной работе. В Молдове это явление носит разрушительный характер для трудовых ресурсов, приводя к общей дисквалификации кадров, что совсем не способствует продолжительному экономическому развитию, выносит проблему подготовки кадров на первый план, что, в свою очередь, ложится на бюджет страны.

Массовая трудовая миграция приводит к тому, что в стране имеется хронический дефицит на специалистов. Нередки случаи, когда вследствие недостатка квалифицированных кадров срываются производственные проекты, иностранные инвесторы теряют всякий интерес к молдавской экономике. Эффекта мультипликации не наблюдается – нет прямых иностранных инвестиций в производственные отрасли, денежные переводы молдавских трудовых мигрантов из-за рубежа не находят себе применения в экономике страны [23].

Выше мы отмечали, что около 40% трудовых мигрантов являются молодыми людьми в возрасте до 30 лет. Уезжая за рубеж на работу, многие из них приобретают статус легального пребывания и трудовой деятельности в стране приема, остаются за границей на постоянное место жительство, забирают с собой детей. Этот процесс начинает набирать оборот фактически в первую половину 2000-х годов. По неофициальным данным, только за 2003-2004 годы около 100 тысяч детей получили паспорта. При этом в 2004 году паспортов было получено в 2,5 раза больше, чем в 2003 году. Несомненно, что среди детей, ставших владельцами паспортов, значительную долю составляют те, кто выезжает на учебу или в туристическую поездку за рубеж. Однако, нельзя не видеть, что велика среди них и доля тех, кто выезжает на постоянное место жительство в страну трудовой миграции родителей. Данное обстоятельство обостряет демографические проблемы Молдовы [23].

Социологические исследования показывают, что в процессы современной трудовой миграции затрагивают и пронизывают все молдавское общество, все населенные пункты страны. При этом подавляющее большинство трудовых мигрантов являются жителями сельских населенных пунктов или малых городов страны. В связи с этим миграция людей находящихся в поиске работы из сельской местности, более интенсивная, чем людей из городской местности, составила в 2010 около 70,9% из всех уехавших [53].

Трудовая миграция содействует изменению социально-демографической ситуации в населенных пунктах страны, особенно в сельской местности. Не секрет, что становятся массовым явлением населенные пункты, в которых, как во время войны, нет мужчин трудоспособного возраста. Однако, в ряде сел, особенно на юге страны, возникает не менее опасная ситуация, когда в населенном пункте практически не остается женщин трудоспособного возраста. Женщины находятся на заработках за рубежом: - на сельских свадьбах мужчины танцуют с мужчинами [19].

Трудовая миграция изменяет патриархальную модель лидерства в семье. Она (миграция) способствует укреплению семьи с материальной точ-

ки зрения, но разрушает семью морально. Люди, члены семьи становятся друг другу чужими [8; 35; 5]. Отсюда, нередки разводы.

Находясь за рубежом в поисках заработка, стремясь как можно больше заработать и прислать своим родным в Молдову, трудовые мигранты экономят на своем здоровье, питании, бытовых условиях, технике безопасности. Поэтому нередки случаи гибели трудовых мигрантов за рубежом, производственного травматизма, роста и запущенности заболеваний. В целом, снижается «порог здоровья» молдавских, как в общем-то и всех других трудовых мигрантов [50].

Негативным последствием трудовой миграции является и трафик живых существ с целью сексуальной эксплуатации девушек, молодых женщин и детей, изъятия и продажи человеческих органов. К сожалению, по этому показателю Республика Молдова наряду с Албанией и Румынией является одной из наиболее небезопасных европейских стран [51]. Отметим, что сексуальная трудовая миграция, в добровольной и недобровольной формах, ведет к снижению нравственного порога у населения, происходит моральная реабилитация труда проститутки, признание его в глазах общественного мнения одним из «нормальных» видов человеческой деятельности.

Подчеркнем, что международная трудовая миграция в целом обостряет противоречие между экономическими выгодами и социальными потерями в миграции (разрушение семей, ухудшение здоровья людей, исход молодежи и квалифицированной рабочей силы, ухудшение человеческого потенциала страны). В Молдове массовым явлением становятся социально-уязвимые и слабо защищенные социальные слои, в первую очередь, дети и пожилые люди (старики), оставшиеся без присмотра со стороны своих родителей / детей, родственников, государства.

Социально-уязвимые слои населения.
Дети.

Согласно данным Министерства труда, социальной защиты и семьи в Молдове 37,8% домохозяйств являются домохозяйствами с детьми. В сельской местности таковых 57,2%. Из них 53,3% это домохозяйства с одним ребенком; 35,6% - домохозяйства с двумя детьми; 11,1% - домохозяйства с 3 и более детьми. Средняя семья насчитывает 4,1 человек: в городе – 3,8 человек, в сельской местности – 4,4 человека. При этом в 5% семей имеется только один родитель [54].

В 2010 году 24,2% детей (188,6 тысяч) жили в абсолютной бедности и 1,9% (14,8 тысяч) – в экстремальной бедности. В то время как эти показатели по всему населению составляют, соответственно, 21,9% и 1,4%.

Таблица 14. Тренды абсолютной бедности среди детей (в процентах)

	2006	2007	2008	2009	2010
Все население	30,2	25,8	26,4	26,3	22,9
Все дети	32,8	27,3	27,2	28,3	24,2
Городские дети	25,6	18,1	13,9	12,8	9,8
Сельские дети	37,0	33,0	34,9	37,7	33,0

Источник: [54]

Уровень детской бедности зависит от числа детей в домохозяйствах: среди домохозяйств, в которых имеется один ребенок, 18,8% являются бедными. Среди домохозяйств, в которых имеется двое детей, 21,5% считаются бедными. Среди домохозяйств, в которых имеется трое детей, 36,8% являются бедными. Среди семей, в которых проживают совместно три поколения (бабушки/дедушки, родители, дети), бедными определены 28,8%. Среди семей, в которых имеются оба родителя и дети, 20,8% являются бедными. В то же время среди неполных семей (один родитель и дети) 19,7% - бедные [34, 13].

Отсюда, наличие детей в домохозяйстве выступает одним из важных факторов, стимулирующих трудовую миграцию молдавского населения. Миграция выше в тех домохозяйствах, где есть дети. Каждое пятое домохозяйство, в котором есть трудовой мигрант, имеет детей. В то время как в целом по стране этот показатель несколько ниже – каждое седьмое домохозяйство. Около 17% всех детей живут в домохозяйствах, где есть мигрант. При этом эти домохозяйства характеризуются следующим образом: мать-мигрант (60% домохозяйств); отец-мигрант (30% домохозяйств); оба родители трудовые мигранты (10% домохозяйств) [34, 11-12].

Международная трудовая миграция способствует росту материального благосостояния семей, ведет к снижению рисков бедности. Так, среди семей, где оба родителя находятся дома, 27% являются бедными. Среди семей, где мигрантом является отец, 14,7% являются бедными. среди семей, где мигрантом является мать, 9,4% являются бедными. В семьях, где оба родителя являются трудовыми мигрантами, только 3,6% семей являются бедными [34, 13].

Поэтому, не удивительно, растет количество детей, которые воспитываются в семьях, где один, а то и оба родителя являются трудовыми мигрантами. И дети остаются на попечении бабушек-дедушек [4]. Но нередко соседей, «улицы». По данным ЮНИСЕФ и Центра информирования и документирования о правах ребенка (ЦИДПР) в 2005 году в Республике Молдова имелось около 200 тысяч несовершеннолетних, которые вследствие миграции остаются одни или воспитываются одним родителем.

Таблица 15. Количество детей, которые вследствие миграции остаются одни или воспитываются одним родителем

	2000 г.	*2005 г.*
Без обоих родителей	2%	7%
Без одного родителя	18%	31%
Всего	20%	38%
Детей		200.000

Источник: [26]

Полагаем, что сегодня количество детей, оставшихся без попечения родителей вследствие выезда их на заработки за рубеж, существенно не уменьшилось. Приведем данные по детям трудовых мигрантов, школьникам, воспитывающихся без одного или обоих родителей.

Таблица 16. Дети школьного возраста (7-18 лет), родители которых выехали на работу за границу.

	2005	*2006*	*2007*	*2008*	*2010 (1-й кв.)*
количество детей (тысяч)	110,0	94,1	99,5	110,5	84,2
% к общему числу учащихся	20,1	18,2	20,3	24,0	…

Источник: [2]

При этом в региональном разрезе картина выглядит, согласно данным министерства образования Республики Молдова, следующим образом: Если в Центральной зоне страны более 40% школьников являются детьми трудовых мигрантов и воспитываются в неполных семьях (41,5%). В Северной зоне страны эта доля равна 35,8%, Южной зоне страны - 22,7% [2, 171].

Согласно данным неправительственных организаций (Альянс активных неправительственных организаций в области социальной защиты ребенка и семьи, 2008 г.) численность школьников, оставшихся без родителей, выехавших на заработки за рубеж, значительно (практически вдвое выше). В 2006 году – в эту группу детей школьников входил каждый четвертый учащийся (177.000 детей), в 2007 году - 200.000 детей [6, 11].

Отметим, что дети из семей трудовых мигрантов становятся новой группой риска [4], так как они растут без родительского тепла и воспитания, в наибольшей степени подвержены влиянию улицы, ущемлены в социально-психологическом, нравственном и воспитательном плане [29]. Влияние миграции на здоровье детей разнообразно: отсталое психическое развитие, эмоционально-психологическая ущемленность [3], невнимание к собственной гигиене, повышенные риски, травматизма и заболеваемости, отложенный медицинский диагноз и лечение, запущенность стоматологи-

ческого здоровья, рост психических заболеваний, повышенная ранимость и др.

Нередко дети мигрантов становятся жертвой криминальной среды. Так согласно данным правоохранительных органов дети, оставшиеся без присмотра родителей вследствие миграции, совершают 55-60% всех правонарушений. Среди малолетних преступников 18% являются детьми из семей мигрантов [2].

Государство стремится оказать помощь детям из бедных семей, в том числе и детям трудовых мигрантов. Так, постановлением правительства Республики Молдова (июнь 2010 г.) был утвержден Национальный план действий по социальной защите детей, оставшихся без родительского ухода, на 2010-2011 гг. Однако, как отмечают эксперты, эти действия носят спорадический характер, чаще всего все сводится к сбору информации о таких детях [2, 172].

Пожилые люди (старики).

Молдова является стареющим обществом. Если в 2000 году средний возраст населения составлял 33,4 года, то в 2010 году средний возраст стал выше и составлял 36,3 года. За этот же период доля детей (возраст 0-15 лет) в общей структуре населения сократился с 24,8% до 18,2%. В то же время доля пожилых людей (возраст свыше 60 лет) выросла с 14,5 до 15,5%. В то же время сократилась давление зависимых на 100 работающих с 65,8 (2000 г.) до 50,1 (2010 г.). Это происходит, по мнению экспертов из-за сокращения численности детей в общей структуре населения Республики Молдова [34, 12].

Согласно прогнозу ЮНИСЕФ (2009 г.) на период 2009-2020 гг. старение молдавского населения происходит достаточно быстро.

Таблица 17. Прогноз изменений возрастной структуре населения Республики Молдова на период 2009-2020 гг.

	2009	*2012*	*2020*	*изменения 2009-2020*
Всего население страны (тысяч человек)	3,571	3,549	3,456	- 121
Дети (возраст 0-17 лет)	773	716	665	- 131
Взрослые (возраст 18-59 лет)	2,327	2,315	2,161	- 156
Пенсионеры (60 лет и старше)	471	519	630	167
% населения	100	100	100	
Дети (возраст 0-17 лет)	22	20	19	- 3
Взрослые (возраст 18-59 лет)	65	65	63	- 2
Пенсионеры (60 лет и старше)	13	15	18	5
Население, нуждающееся в социальных услугах	418	428	443	23

Дети (возраст 0-17 лет)	46	43	40	- 19
Взрослые (возраст 18-59 лет)	233	232	217	- 17
Пенсионеры (60 лет и старше)	139	153	186	47

Источник: [55]

В 2011 году людей старше 60 лет в Республике Молдова было 512 тысяч человек, из них 62% проживали в сельской местности, 60% были женщинами. 25% из них в возрасте 62-64 года, 14% - старше 80 лет. Согласно анкете рабочей силы среди экономически активного населения 5,3% составляют люди старше 60 лет Это составляет 13% от общего числа людей возрастом от 60 лет [53].

Старики являются наряду с детьми одной из наиболее уязвимых и слабо защищенных социальных групп. У них по сравнению с остальными группами населения Республики Молдова наиболее высокие риски бедности. Так, в 2010 году в абсолютной бедности находилось 25,6% всех стариков страны. Бедность на селе, в сельской местности практически в 2 раза выше, чем в городе. Эти показатели составляют 31,7% и 16,5%, соответственно [34, 20].

Согласно данным Национального бюро статистики (2011), 18% от общего числа молдавских домохозяйств состоят только из стариков, возраст которых превышает 65 лет, и имеют уровень бедности, равный 30%. 36% домохозяйств, сформированы пенсионерами (возраст 57-62 года). Их уровень бедности измеряется 28%. Около 75 бедных домохозяйств, имеющих стариков находятся в сельской местности [53].

Таблица 14. Тренды абсолютной бедности среди стариков (в процентах)

	2006	*2007*	*2008*	*2009*	*2010*
Все население	30,2	25,8	26,4	26,3	22,9
Домохозяйства пенсионеров	41,8	33,5	37,3	35,6	28,1
Домохозяйства стариков (возраст свыше 65 лет)	42,9	37,3	38,2	39,6	30,2

Источник: [34]

Интенсификация международной трудовой миграции привела к резкому сокращению числа наемных работников на рынке труда Республики Молдова, что, как следствие, привело и к сокращению финансовых потоков, обеспечивающих нормальное функционирование системы социального страхования – основной составляющей социальной защиты пожилых людей. Данная ситуация способствовала сокращению возможностей роста качества жизни стариков, которая выражалась бы, либо в постепенном увеличении пенсии, либо в развитии специфических социальных услуг,

необходимых для удовлетворения конкретных возрастных потребностей данной категории людей.

Интенсификация международной трудовой миграции привела и к другому явлению, связанному с положением пожилых людей. Речь идет об увеличении числа пожилых беспомощных людей, оставшихся без попечения членов семьи. Эта ситуация привела к резкому увеличению числа запросов от пожилых людей к системе социального обеспечения, которая не сумела ответить должным образом на эти запросы людей. Это привело к снижению качества социальных услуг, предоставляемых пожилым людям.

При поддержке Чешского агентства по развитию" и Международной организации по миграции, было проведено качественное социологическое исследование, которое было призвано выявить перечень специфических социальных услуг, необходимых для пожилых людей, оставшихся без попечения членов семей, выехавших на заработки за рубеж [44].

Исследование показало, что пожилые люди нуждаются не только в специфических социальных услуг, но и в дополнительной правовой поддержке, обеспечивающей их соответствующей социальной защитой. Ведь их проблемы заключаются не столько в недостаточности дохода. Среди основных проблем следует назвать не только недостаток денег, но и проблема дефицита общения, депрессия, страх и т.д. Помимо всего прочего, им необходима высококвалифицированная психологическая помощь.

Проблема предоставления специфических социальных услуг для этой категории людей выражается, прежде всего, в недостаточности центров социальной защиты, а также и в дефиците необходимых человеческих, финансовых и организационных ресурсов. Отметим также и низкое качество медицинских услуг.

В настоящее время социальные услуги для пожилых людей предоставляются соответствующими государственными учреждениями (сеть социальных работников) и, в более скромном объеме, представителями гражданского общества. Представляется, в качестве одного из решений могло бы быть создание частных организаций, оказывающих за определенную плату соответствующие социальные услуги старикам. Такая практика в развитых странах уже существует.

Главным препятствием на пути реализации этого предложения является отсутствие соответствующей правовой базы. Отметим наличие негативного отношения людей к данному виду деятельности, что тормозит процесс распространения и внедрения такого рода структур. Практика свидетельствует, что граждане Молдовы готовы предоставлять такие социальные услуги за рубежом (уход за престарелыми людьми в Италии, Израиле, Испании, Германии …), но не готовы к этому дома, в Молдове.

Отсутствие в Молдове хорошо развитой сети частных организаций, предоставляющих социальные услуги пожилым людям, создает дополнительные трудности в развитии сети социальных услуг. Подчеркнем и недостаточную активность гражданского общества и общественных организаций в этом вопросе. Это связано, как с отсутствием культуры добровольческой деятельности в обществе республики, так и с отсутствием соответствующей юридической базы развития и распространения добровольческой деятельности.

Имеются случаи, когда беспомощным пожилым людям социальные услуги предоставляются различными религиозными и национальными общинами (например, сообщества баптистов, католиков, евреев, армян и т.д.), то есть, по религиозному либо национальному признаку.

Учитывая тот факт, что положение пожилых людей, чьи дети находятся за границей, стало, по сути, одной из главных социальных проблем, необходимо осуществить определенные дополнительные правовые и институциональные меры. Одной из таких мер (в рамках миграционной политики) может быть обязывание людей, которые уезжают на работу за границу, зарегистрировать своих беспомощных пожилых родителей в центрах социальной защиты, в органах местного публичного управления и т.д.

Представляется, что разработка новых налоговых или административных механизмов по повышению ответственности детей, уехавших на заработки за рубеж, за судьбу своих беспомощных пожилых родителей было бы разумным и обоснованным решением.

Необходимы воздействие на общественное мнение, информирование людей, воспитание чувства ответственности как у людей, выезжающих на заработки за границу, так и молодого поколения в духе уважения и помощи пожилым и беспомощным людям, независимо от того, чьими родителями они являются.

Кроме того, необходимы развитие и диверсификация специфических социальных услуг для данной категории людей.

Молдавская политика в области трудовой миграции

Озабоченные масштабами международной трудовой миграции молдавского населения, обостряющимися проблемами на национальном рынке труда, истощением демографического, профессионального и интеллектуального потенциала страны, власти Республики Молдова стремятся минимизировать последствия этих процессов, разрабатывая и осуществляя соответствующую политику в области трудовой миграции. Отметим, что национальная политика в этой области претерпела серьезные изменения. В ней можно выделить четыре основных этапа [22].

На первом этапе (1990-1994 гг.) объектом регулирования является трудовая миграция на советском / постсоветском пространстве, регулирование на основе принципа «миграция – безопасность». Целью миграционной политики была защита этнической и лингвистической идентичности Молдовы. Регулирование миграции было направлено против неурегулированных потоков трудовых иммигрантов из бывших советских республик, но не касалось молдавского населения, выезжающего из республики. После обретения независимости власти Молдовы стремились защитить права молдавских граждан, которые трудились или трудятся за пределами Молдовы в странах СНГ.

Второй этап (1995-2000 гг.) характеризуется интеграцией республики в глобальные, в первую очередь, европейские трудовые миграционные процессы. Особенность данного процесса в том, что трудовая миграция молдавского населения и интеграция государственных структур в единое миграционное пространство выступают как два самостоятельных, практически не взаимодействующих процесса.

В то же время государственные миграционные структуры, призванные регулировать трудовую миграцию, руководствуются не столько остротой проблемы трудовой миграции молдавского населения, сколько приоритетами европейской ориентации, заимствованием и перениманием опыта западноевропейских стран в сфере регламентирования и регулирования трудовой миграции. Делается попытки защитить молдавских легальных трудовых мигрантов в зарубежье (ЕС). То есть в основе миграционной политики опять же остается принцип «миграция и безопасность», но объект модифицируется: это молдавские легальные трудовые мигранты.

Третий этап (2001-2006 гг.) характеризуется активизацией деятельности и продвижение имиджа миграционных структур Молдовы среди населения и на международной арене. В проводимой миграционной политике молдавское государство продолжает руководствоваться принципом «миграция – безопасность», но стремится преодолеть недостатки предыдущих подходов в регламентации и реальной практики регулирования миграции [24]. Оно ставит своей целью защитить не только тех, кто легально находится и занимается трудовой деятельностью за рубежом, но и молдавских трудовых мигрантов-нелегалов, помочь им стать легальными трудовыми мигрантами. То есть происходит новая модификация объекта политики. Эксперт #4**:** «*…столкнулись с вопросами массовой трудовой эмиграции. В 2002-2003 гг. у нас была масса советников, которые предлагали принять за основу филиппинский вариант экспорта рабочей силы. Другие же предлагали поступить так, как делают Россия и Европейский Союз – завозить рабочую силу, то есть сделать акцент на иммиграции. …Чего не было в Молдове? Не было четкой концепции «что делать»: экспорти-*

ровать / импортировать рабочую силу или какими-то другими моделями заниматься. В 2005 году, когда был принят прогноз и проведен в первый раз расчет развития населения Республики Молдова до 2050 года, мы увидели, что у нас очень быстро идут процессы депопуляции. Так что говорить об экспорте рабочей силы, филиппинском варианте, - это, по меньшей мере, несерьезно. Поэтому ряд документов, подзаконных актов все-таки были ориентированы на то, чтобы мы обеспечивали циркуляцию рабочей силы или возвратную миграцию».

В этот период была осуществлена гармонизация национального законодательства, приведение его в соответствие с международными стандартами.

Четвертый этап (с мая 2006 года). Содержание этапа – переосмысление концептуальных подходов: от принципа «миграция – безопасность» к принципу «миграция – развитие», переход от единой миграционной политики к многообразию политик в области миграции, обеспечение многообразных механизмов защиты молдавских трудовых мигрантов в контексте «восточного соседства» с ЕС [19]. В качестве основного направления деятельности выступает использование миграции для социально-экономического развития Республики Молдова. В этом контексте политика в области миграции рассматривается как составная часть социальной политики. Возрождение экономики страны является одним из важных направлений сокращения международной трудовой миграции молдавских граждан (программа «Возрождение экономики – возрождение страны»).

В качестве основного источника прямых инвестиций в экономику страны должны выступить денежные переводы молдавских трудовых мигрантов, которые должны быть стимулированы для инвестиции в местные проекты, развитие местных населенных пунктов и общин (программа «Молдавское село», "Больше чем борьба с бедностью: Разработка правовой и институциональной структуры и основ регулирования для использования денежных переводов в целях развития предпринимательства в Молдове"). В этих целях видится важным и необходимым информирование населения, трудовых мигрантов о преимуществах банковских переводов трудовых мигрантов и о преимуществах банковских счетов (2007-2008 гг.).

Другим политикой в области миграции является достижение безвизового режима с Европейским Союзом (с 2010 г.) как основа для возвращения трудовых мигрантов в Молдову [32]. Тесное сотрудничество с Европейским Союзом в области миграции и безопасности, мобильности и возвратной миграции. Решение вопросов регулирования трудовой иммиграции, с учетом потребностей внутреннего рынка и с учетом социальной интеграции иммигрантов.

Продолжается работа по развитию двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами назначения, подписание с ними соглашений в области трудовой миграции, защиты прав мигрантов [33]. Эксперт #5: *«Обеспечение миграции на легальных основаниях является императивом миграционной политики. В этом контексте, заключение договоров в области трудовой миграции является важным условием обеспечения прав мигрантов и улучшения их социального статуса. В то же время договора предвидят механизмы управления миграционными потоками, что делает этот процесс более управляемым и предсказуемым. Не менее важным является и информирование мигрантов о возможностях легальной эмиграции, что фактически способствует сокращению числа нелегальных мигрантов, как и устранение трафика живых существ»*.

Важная роль отводится работе с молдавской диаспорой (Национальный план действий по управлению диаспорой). В рамках сотрудничества с молдавской диаспорой выделяется научная диаспора. Эксперт #6: *«Эти подходы соответствуют политикам Европейского Союза в области миграции высококвалифицированной рабочей силы. Какие стратегии были выдвинуты на европейском уровне? Во-первых, сделать научную карьеру более привлекательной для молодежи. Чтобы не существовал вакуум между выпускниками, которые заканчивали обучение, и их трудоустройством в той области, в которой они обучались. Во-вторых, феминизация высококвалифицированных мигрантов, необходимость активного привлечения женщин к этим процессам. В-третьих, расширение мобильности в области обучения и исследования. То есть, чтобы исследователь мог проводить исследование не только в своей стране, члене ЕС, но и мог передвигаться и в другие страны, учитывая, что ЕС состоит из разных стран, с различными техническими возможностями, различными инфраструктурами. Улучшение перспектив для исследования в ЕС и открытие их для представителей третьих стран. То есть, в принципе, это те цели и задачи, которые были оговорены в Программе «Восточного партнерства»*.

В заключении отметим, что трудовая миграция явилась тем спасительным кругом, который позволил и позволяет выжить Республике Молдова, обеспечить не только существование, но и развитие населению страны, значительному числу его граждан, трудовых мигрантов и членов их семей. Однако, по мере развития и консолидации процессов международной трудовой миграции населения все более четко стали выявляться не только позитивные, но и негативные последствия во всех сферах жизнедеятельности молдавского общества. Социально-экономический кризис 2008-2010 годов показал хрупкость модели социально-экономического развития страны, опирающейся на денежные переводы молдавских граждан.

Международная трудовая миграция в целом обостряет противоречие между экономическими выгодами и социальными потерями в миграции (разрушение семей, ухудшение здоровья людей, исход молодежи и квалифицированной рабочей силы, ухудшение человеческого потенциала страны). В Молдове массовым явлением становятся социально-уязвимые и слабо защищенные социальные слои, в первую очередь, дети и пожилые люди (старики), оставшиеся без присмотра со стороны своих родителей / детей, родственников, государства.

Молдавское государство предпринимает определенные усилия по минимизации негативных последствий международной трудовой миграции населения и укреплению положительных эффектов. Путем проб и ошибок, опоры на международный опыт и сотрудничество, оно стремится найти оптимальные пути и механизмы регулирования трудовой миграции, направить ее в целях устойчивого развития страны. За непродолжительный период существования независимого демократического молдавского государства был проделан достаточно непростой путь осознания сложности и противоречивости поиска и нахождения реальных политик в области трудовой миграции населения.

Не останавливаясь на упущенных возможностях и недостатках, отметим, что основной и главный урок молдавские власти сделали. Этот урок заключается в том, что вопрос о международной миграции рабочей силы должен быть в центре внимания текущей политики занятости, социальных политик в области защиты детей, молодежи, стариков. Сегодня менеджмент трудовой миграции является актуальной социально-политической задачей для Республики Молдова.

Библиография

1. Barometrul Opiniei Publice. Mai 2011. – Chisinau: IPP, 2011 (http://www.ipp.md)
2. Buciuceanu-Vrabie M. Copiii ramasi singuri acasa in urma migratiei parintilor: riscuri si provocari. // Revista de filozofie, sociologie si stiinte politice, 2011, nr.1
3. Cernei-Bacioiu M. Impactul fenomenului migrational asupra copiilor. // Dezvoltarea umana: realizari, tendinte, perspective. - Chisinau: „Print-Caro”, 2010, pp.249-256
4. Cheianu-Andrei D., Grama R., Milicenco S., Prițcan V., Rusnac V., Vaculovschi D. Necesitățile specifice ale copiilor şi vârstnicilor lăsați fără îngrijirea membrilor de familie plecați la muncă peste hotare. – Chişinău, 2011
5. Enachi V. Familia versus migratia: efecte si consecinte. // Moraru V. (Coord.) Republica Moldova: provocările migrației. – Chişinău, Stiinta, 2010, pp.90-94.

6. Evaluarea reformei sistemului de ingrijire a copilului si asistenta tehnica pentru consultarea subregionala – Moldova. – Chisinau, 2009
7. Filipov I. Factorii specifici in determinarea migratiei la nivelul comunitatilor locale. // Conferinta stiintifica internationala «Procesele socio-demografice in societatea contemporana: de la meditatii la actiuni». Materialele conferintei. Chisinau, 15-16 octombrie 2009. – Chisinau: ASM, 2009, pp.171-174
8. Gagauz O. Unele aspecte ale comportamentului familial al femeilor migrante de muncă. // Analele ştiinţifice ale USM, Seria ştiinţe socioumanistice, Vol.3. - Chişinău, USM, 2006
9. Gestionarea finantelor de catre gospodariile casnice din Moldova. – Chisinau: OIM, 2008
10. Ghencea B., Gudumac I. Migraţia de muncă şi remitenţele în Republica Moldova (2004). – Chişinău: Organizaţia Internaţională a Muncii, 2005
11. Гудым А., Шеларь Г. Две точки зрения на проблему экономического роста и снижения бедности. // Puterea şi opoziţia în contextul managementului politic. – Iaşi, Pan-Europe, 2005
12. Impactul socio-economic al crizei economice asupra migratiei si remitentelor in Republica Moldova. – Chiisnau: IOM, 2009
13. Hristev E., Mincu G., Sandu M., Walewski M. The Effects of Migration and Remittances in Rural Moldova. CASE Network Studies and Analyses, No.389/2009, 2009 [http://ssrn.com/abstract=1436415
14. Kring T. Moldovan Migrants in Italy: Remittences and the Role of the ILO's Social Partners. November 2007. – Chisinau: IOM, 2007
15. Lucke M., Mahmoud T.O., Steinmayr A. Labor migration and remittances in Moldova: is it boom over? – Chisinau, IOM, 2009
16. Lucke M., Mahmoud T.O., Pinger L. Patterns and trends of migration and remittances in Moldova". – Chiisnau: IOM, 2007, june
17. Moldova after the global crisis: promoting competitiveness and shred growth. April 4, 2011. World Bank. – Chisinau, 2011
18. Морару В., Мошняга В., Руснак Г. Маятник миграции. – Кишинев: Sirius, 2012
19. Moraru V. (coord.) Brain drain: cazul Republicii Moldova. – Chisinau: Sirius, 2011
20. Mosneaga V., Moraru V., Rusnac Gh., Turcan V. Fatetele unui process: migratia fortei de munca din Republica Moldova in Italia. – Chisinau: Editerra prim, 2011
21. Мошняга В. Экономический кризис и миграция: case study Республика Молдова. // Premizele dezvoltarii economiei nationale in contextual crizei economice. Materialele conferintei stiintifico-practice internationale. - Balti, Presa universitara balteana, 2010

22. Мошняга В. Регулирование трудовой миграции в Республике Молдова: основные этапы и их специфика. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.1 (XXXVI), 2007 – Chişinău: USM, 2007, pp.33-48
23. Мошняга В., Руснак Г., Цуркан В., Завтур А. Эффекты трудовой миграции молдавского населения в европейском контексте. // Cooperare regională şi integrare europeană în sud-estul Europei: studii de caz. – Chişinău, CE USM, 2006, pp.76-99
24. Мошняга В., Цуркан В., Руснак Г. Специфика трудовой миграции и особенности ее регулирования в европейских государствах СНГ (из опыта Республики Молдова). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea 2 (XXVI). – Chişinău, USM, 2004, pp.102-121
25. Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. – Кишинэу, CAPTES, 2000
26. ООН обеспокоена увеличением количества детей в Республике Молдова, оставленных иммигрировавшими родителями. // Информационное агентство «Info Prim Neo», 2006, 8 декабря
27. Orozco M. Looking forward and Including Migration in Development: Remittence Leveraging Opportunities for Moldova. September 2007. – Chisinau, IOM, 2007
28. Овсяникова М. Труд женщин-мигрантов как один из факторов дискриминации. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – Chişinău: USM, 2006, nr.3 (XXXIV), pp.50-65
29. Postolachi V., Poalelungi O., Moşneaga V., Gonța V. Republica Moldova – Problemele migrației. – Chişinău: Institutul muncii al sindicatelor din Republica Moldova; Institutul muncii GSEE, 2007
30. Recensămîntul populației. = перепись населения. = population census. 2004. |în 4 volume|. Volumul 2. Том 2. Volume 2. Migrația populației = миграция населения = population migration. – Chişinău, Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, 2006
31. Rodriges Rios R. (coord.) Migration Perspectives, Eastern Europe and Central Asia, Report of IOM, 2006. (http://iom.ramdisk.net/iom/images/uploads/Website%20version%20Migration%20Perspectives%20eng%20protected_1169046292.pdf)
32. Peru-Balan A., Bahneanu V. Gestionarea fenomenului migrației în contextul liberalizării regimului de vize între Republica Moldova şi UE. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.2 (LIII), 2011. - Chişinău: CEP USM, 2011, pp.94-108
33. Poalelungi O. Aspecte ale securitatii sociale a lucratorilor migranti din Republica Moldova: intre prezent si viitor. // Revista de filozofie, sociologie si stiinte politice, 2010, nr.3, pp.122-129.

34. Sandu V. „Moldova: the situation of children and elderly left behind by migrants”. // Policy Review Paper. Maastricht University, December 2011
35. Savelieva G., Marcova I. Efectele migratiei cetatenilor Republicii Moldova la munca peste hotare asupra proceselor de reproducere a populatiei. // Conferinta stiintifica internationala «Procesele socio-demografice in societatea contemporana: de la meditatii la actiuni». Materialele conferintei. Chisinau, 15-16 octombrie 2009. – Chisinau, ASM, 2009, pp.156-161
36. Sigvardsdotter E. Migrația şi dezvoltarea Republicii Moldova – apariția rețelelor sociale ale migranților (în baza cercetărilor sociologice). // Populația Republicii Moldova în contextul migrațiilor internaționale. Vol.II. – Iaşi: Pan-Europe, 2006, pp.153-164
37. Studiul privind impactul migratiei si al remitentelor asupra situatiei copiilor si persoanelor in etate din gospodariilor mu multe generatii. Report Help-Age International. – Chisinau, 2010
38. Tendinte si politici migrationiste in regiunea Marii Negre: cazurile Republicii Moldova, Romaniei si Ucrainei. – Chisinau: IDIS “Viitorul”, 2008
39. Transferuri de bani de la cetățenii Republicii Moldova, aflați peste hotare la muncă. – Chişinău: CBS AXA. A TNS CSOP Branch in Moldova, 2004
40. Țurcan V. Administrația publică locală din Republica Moldova referitor la procesele migraționale ale populației țării (în baza cercetărilor sociologice calitative). // Populația Republicii Moldova în contextul migrațiilor internaționale. Vol.II. – Iaşi, Pan-Europe, 2006, pp.248-269
41. Цуркан В., Руснак Г. Мотивы трудовой миграции: этнический аспект. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы.. – Кишинэу, CAPTES, 2000, с.158-170
42. Vaculovschi D. Impactul crizei economice mondiale asupra politicii de ocupare a forței de muncă din Republica Moldova. // Economica. - Chişinău: ASEM, 2011, nr.2, pp.51-60
43. Vaculovschi D. Prognoza pieței muncii - instrument necesar în promovarea politicilor de ocupare a forței de muncă. // Economie şi Sociologie. – Chişinău: Institutul de Economie Finanțe şi Statistică, 2011, nr.2, pp.203-209
44. Vaculovschi D. Impactul migrației internaționale de muncă asupra situației persoanelor vârstnice din Republica Moldova (rezultatele unui studiu calitativ). // Economica. - Chişinău: ASEM, 2011, nr.3, pp.114-121
45. Vaculovschi D., Hârbu E., Precup G., Bulat V. Studiul situațional al forței de muncă în mediul rural, inclusiv prin prisma de gen. Studiu elaborat în cadrul proiectului comun „Consolidarea Sistemului Statistic Național” cu suportul UNIFEM şi PNUD Moldova. – Chişinău, 2010
46. Vaculovschi D. Piața muncii şi fenomenul migrației: evoluții, perspective, recomandări. // Priorități de guvernare 2009. - Chişinău, ADEPT, 2009, pp.215-234

47. Weeks J., Cornia G., etc. Republica Moldova: politici de creştere economică, creare a locurilor de muncă şi reducere a sărăciei. – Chişinău: UNDP, 2005
48. World Bank. Chisinau, Republic of Moldova. Draft for review, Prywes, Cnobloch, & Baclajanschi, 2009, May 19
49. Завтур К., Турко Т. Трудовая миграция и конфликт. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. – Кишинэу: CAPTES, 2000, c.83-96
50. Zimmermann C., Hossain M., Yun K., Roche B., Morison L., Watts C. Stolen smiles: a summar report on the physical and psychological health consequences of women and adolescents trafficked in Europe. – London, London School of Hygiene & Tropical Medicine, 2006
51. Zubco A. Traficul de ființe umane în contextul factorilor de proliferare. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). nr.4 (XLIII), 2008. – Chişinău: CEP USM, 2008, pp.151-167
52. Национальный Банк Молдовы (www.bnm.md)
53. Национальное Бюро Статистики Республики Молдова (www.bns.md)
54. Министерство труда, социальной защиты и семьи Республики Молдова (www.mmpsf.md)
55. www.unicef.org

Поступила в редакцию
24 января 2012 года

ROLUL FACTORULUI MEDIATIC ÎN CAMPANIA ELECTORALĂ A PREMIERULUI VLADIMIR PUTIN ÎN PREZIDEN□IALELE DIN 4 MARTIE 2012 ÎN RUSIA

Aurelia PERU-BALAN
Republica Moldova, Chişinău, Academia de Ştiinţă a Moldovei, Institutul Integrare Europeană şi Ştiinţe Politice
Doctor în ştiinţe politice, conferenţiar, cercetător ştiinţific coordonator

In this article author intends to identify positioning strategies of Vladimir Putin in presidential elections March 4, 2012. What is new for this election is that for the first time were installed Web cameras at 90.000 polling stations, were installed transparent ballot boxes and, not least, for the first time Russian voters have chosen a president for a term of six years. Putin did not had the traditional campaign slogan, he gave up to the electoral debates, and his electoral program was presented to voters in the 7 electoral articles appeared in various Russian publications. The final score was predictable and Putin won the election with 63.6% while exit poll shows - 59.3%.

Keywords: Putin, image, election campaign, protest demonstrations, support meetings, social policy, national problems, military reform, international security.

Stafful Putin: strategia de campanie

Alegerile preziden□iale din Rusia din 2012 s-au desfă□urat pe fondalul unui puternic val de nemul□imire a societă□ii civile fa□ă de modalitatea de desfă□urare a alegerilor parlamentare din decembrie 2011, considerându-le ”furate” de partidul puterii ”Rusia Unită”. Un alt motiv de protest al simpatizan□ilor opozi□iei a fost rocada tandemului Putin-Medvedev, care le permite acestora să se succeadă la putere. Profesorul american N.Roubini, afirmă că ”această rocadă Medvedev-Putin, fără ca dân□ii să se consulte cu nimeni, este unul dintre motivele nemul□umirii oamenilor, plus alegerile din decembrie. Împreună, cele două momente au schimbat situa□ia politică. Nu numai muncitorii din întreprinderile industriale, dar □i clasa de mijloc a cerut adevărul, reforme economice, dar □i politice: corectitudine în justitie, mai multa democratie, mai multe posibilitati economice pentru sectorul privat. In Rusia, puterea nu mai este atât de nelimitată cum a fost cu câțiva ani in urma. Mi□carea democratică a devenit destul de puternică pentru că lucrurile să rămână neschimbate” [1].

În acest context, candidatul la principala func□ie în stat, premierul V.Putin, el fiind □i candidatul Partidului ”Rusia Unită”, a recurs la câteva tehnici de co-

municare electorală, care puteau să-i permită extinderea bazei sale electorale □i să contribuie la consolidarea credibilită□ii fa□ă de ”omul de fier” al Rusiei.

Primo, în mai 2011, Putin, fiind convins de faptul că partidul „ Rusia Unită” (*Edinnaia Rossia* /RU/) are nevoie de ”fe□e noi”, lansează crearea Frontului Popular din Rusia (FPR). Această ac□iune a fost tratată ca o coalizare a partidului cu mai multe organiza□ii nonguvernamentale [2]. Astfel, conform strategiei elaborate, principalul agitator pentru Putin trebuie să devină nu partidul, ci Frontul. În urma scrutinului din decembrie, Partidul ”Rusia Unită” a ob□inut mai pu□in de 50% în 8 din cele 12 regiuni ale □ării. Întrucât Putin avea o bază electorală mai extinsă decît cea a partidului, campania a fost promovată activ de FPR, alte organiza□ii social-politice. Au fost create structuri primare în baza întreprinderilor gigante, organiza□iilor bugetare □i au fost atra□i lideri de opinie regionali. Sarcina crucială a lui Putin, consideră politologul rus G.Pavlovskii, pre□edintele Fondației Politicii Efectiente /Фонда эффективной политики/ a fost de a nu permite extinderea dubiilor fa□ă de legitimitatea alegerii sale atît în Rusia, cît □i în comunitatea interna□ională [3].

Secundo, de□i sunt neglijate dezbaterile televizate, totu□i, factorul mediatic – în acest caz presa scrisă, devine primordial în strategia de campanie. Cele 7 articole semnate de V.Putin, în care acesta î□i expune platforma electorală, reprezintă, la această oră, o strategie originală de pozi□ionare pe pia□a electorală rusă, dar □i interna□ională.

Incontestabil, mass-media oferă un spa□iu extins pentru realizarea unui concept de publicitate politică. Stafful Puitin a renu□at la publicitatea clasică în favoarea a□a-numitei *”publicită□i electorale”*. Exper□ii în domeniu au identificat câteva particularită□i ale perceperii informa□iei, transmise prin diferite canale de comunicare: omul memorizează aproximativ 10% din textul lecturat, 20% din ceea ce a auzit, 30% din ceea ce a văzut, 50% din ceea cea a auzit □i a văzut, 70% din ceea ce singur a povestit □i 90% din experien□a personală [4, 39]. Apelând la presa scrisă, Putin a reu□it să creeze efectul a□a-numitei *agenda–setting* cu mediatizare extinsă a articolelor electorale, în special, în mediul audiovizual □i deturnarea aten□iei de la oponen□i către sine. Prin urmare, alegătorii au putut sa citească, să audă □i să vadă (gra□ie televiziunilor) textele electorale ale candidatului Putin. În expresie sociologică, gradul de memorare a retoricii electotale putiniste a fost de cel pu□in 50%.

Fenomenul *agenda-setting* reprezintă una din teoriile fundamentale ale comunicării politic în societatea informa□ională. Pentru a da o defini□ie func□ională pentru media-setting, voi reaminti efectele mass-media după A.Lowery □i M.DeFleur:

1. media atrag aten□ia publicului cu privire la un subiect, la temă (sensibilizare);

2. media pun la dispozi□ie un volum de informa□ii despre acesta;

3. informa□ia oferită de mass-media duce la formarea □i schimbarea atitudinilor;

4. atitudinile formate în acest fel influen□ează comportamentul [5, 159].

Teoria *agenda-setting* propune o focalizare pe primele două etape ale influen□ei mass media: atrage aten□ia □i oferă informa□ie.

În 1977, D.L.Shaw, M.McCombs, ajung la concluzia că, agenda-setting configurează o teorie globală, a carei idee de baza este aceea ca "presa, în chip voit sau nu, structurează temele de interes □i dezbatere publică. Modelul «agendei» arată felul în care presa □i în mod special □tirile au puterea de a focaliza aten□ia publicului asupra unei liste limitate de teme, ignorând, în schimb, altele. Drept rezultat, unele teme sunt insistent dezbătute în spa□iul public, iar altele sunt ignorate [6]. Sau, într-o formulare aproape aforistică: "Poate că presa nu are succes în a le spune oamenilor ce să gândească, dar ea reu□e□te splendid în a le spune oamenilor despre ce să gândeasca". În realitate este vorba despre un mecanism de persuadare a opiniei publice, fără de care nu ne putem imagina o campanie electorală.

J.P.Wunter si C.H.Eyal (1980) au cercetat perioada de timp ("*time span*") necesară trecerii unei teme din agenda presei în agenda publică. Ei au ajuns la constatarea că cea mai strânsa corela□ie între cele două "agende" a fost de 4-6 saptamâni, numind acest interval "perioada de efect optim", care poate fi diferit de la o dezbatere la alta [7]. Chestiunea "perioadei de efect optim" este deosebit de importantă pentru impunerea unei "agende" în con□tiin□a publică, dar □i pentru speciali□tii în rela□ii publice, care trebuie să □tie cât timp le trebuie pentru a promova o tema expusă în presă în pozi□ia de subiect de prioritate a opiniei publice. De acest lucru au □inut cont □i consilierii lui Putin. Pe durata campaniei, publica□iile premierului au reu□it să devină prioritate a opinie publice na□ionale □i interna□ionale.

La 23 ianuarie 2012, duminică seara, pre□edintele francez N.Sarkozy a intervenit instantaneu în direct, chiar dacă încă nu- □i anun□ase candidatura la preziden□iale, pe cel pu□in 8 canale franceze - TF1, Franța 2, BFM TV, ICFM, Itélé, LCP/Public Sénat, Franța 24, TV5. Blogerii francezi au constatat imediat. Motivul este "agenda-setting”, adică focalizarea opiniei publice, deturnate de la principalii rivali politici.

Acela□i lucru l-a făcut, la Moscova, Putin. Prin alegerea acestui format de comunicare electorală – formula publicistică – Putin s-a identificat cu purtătorul de putere □i, practic s-a pozi□ionat ”deasupra jocului politic”. Factorul puterii a fost decisiv în această strategie [8, 98].

În competi□ia preziden□ială au participat 5 candida□i – comunistul Gh.Ziuganov, liberal-democratul V.Jorinovskii, candidatul independent M.Prohorov, liderul partidului ”Spravedlivaia Rossia” S.Mironov □i V.Putin, care a fost marele favorit la scrutinul din martie 2012. Premierul rus a candidat

pentru al treilea mandat la preşedinție. Anterior a mai deținut această funcție în perioada 2000-2008.

Întrucât, opozi□ia politică a declarat alegerile din decembrie ca fiind incorecte □i falsificate, premierul V.Putin a insistat ca la alegerile preziden□iale să fie utilizate camere web. Pentru prima dată, ca noutate electorală absolută pe plan interna□ional, 180.000 de camere web au fost instalate în 90.000 de sec□ii de votare. Ceea ce a permis supravegherea scrutinului în fiecare birou de vot. Site-ul official http://webvbory2012.ru O altă noutate a scrutinului preziden□ial din 4 martie 2012 este □i faptul că pentru prima dată în istoria Federa□iei Ruse, de la declararea suvernată□ii, pre□edintele republicii va avea un mandat de 6 ani.

Spre deosebire de campania de comunicare electorală a lui Putin din 2000, structurată pe fondalul conflictului cecen □i crearea imaginii de lider capabil să redea senza□ia de supraputere a Rusiei de altă dată, actuala s-a axat pe probleme concrete □i nu pe crearea imaginii. După două mandate preziden□iale □i unul de premier consecutive – 12 ani de aflare în vârful piramidei puterii - Putin nu mai avea nevoie de exerci□ii speciale de creare a imaginii publice prin seducerea electoratului. În această campanie premierul nu a pilotat mig-uri, nu a plonjat în adâncurile oceanului pentru a descoperi comori, nu a făcut judo etc. Consilierii de campanie au identificat o altă modalitate de pozi□ionare a candidatului – crearea *agenda-setting* prin publicarea celor 7 articole lansate în presa ascrisă la debutul, practic, fiecărei săptămâni de campanie, care mai apoi au constituit subiect de discu□ii pentru toate institu□iile mediatice, în special, cele audiovizuale. Astfel, candidatul Putin a dat de în□eles electoratului că îl tratează ca pe un interlocutor de□tept, bine pregătit, invitându-l la dezbateri publice asupra celor mai actuale probleme ale Rusiei, ale poporului rus. Această strategie aminte□te de unele principii de gestionare a campaniilor electorale, expuse de americanul D.Morris în lucrarea ”*Noul principe. Machiavelii al secolului XXI”* [9, 169].

Evolu□ia în sondaje □i pregătirea opiniei publice

În noiembrie 2011, Putin se bucura de susținerea a 60 la sută dintre poten-□ialii votan□i. În decembrie popularitatea acestuia a scăzut cu 15 la sută. Conform sondajului realizat de Centrul Na□ional de Cercetare a Opiniei Publice din Federa□ia Rusă /ВЦИОМ/, Putin era sus□inut de 45% din responden□i. Tot în decembrie, premierul rus, s-a confruntat cu cele mai mari proteste antiguvernamentale din ultimii 12 ani. La finele lui ianuarie 2012, conform unui sondaj de opinie realizat de /ВЦИОМ/**,** pentru V.Putin ar vota peste 50% din responden□i. În decurs de trei săptămâni ratengul lui Putin a crescut cu 5%. (18 ianuarie).

Programul electoral - în 7 articole

Articolele au oferit alegătorilor informa□ii complexe despre programul electoral al candidatului V.Putin. Ele au fost scrise □i plasate în media după principiul targhetării segmentelor electorale, astfel toate grupurile sociale □i-au găsit promisiuni electorale în articolele semnate de Putin □i care reflectă politicile de guvernare pentru toate sferele vie□ii - socială, economică, ideologico-politică, militară, rela□ii interna□ionale. Articolele au fost plasate în diferite publica□ii, ceea ce a constituit de asemenea, o strategie de comunicare electorală □i o extindere a bazei de consumatori de informa□ie electorală. Bunăoară, publica□ia *”Moskovskie novosti”*, în care Putin publică ultimul articol din gama celor electorale, apare în limbile rusă □i engleză în 54 □ări. (vezi tab.1)

Din perspectiva impactului persuasiv, candidatul Vladimir Putin a utilizat în campania din 2012 a□a-numita strategie a *succesiunii mesajelor,* după Denton □i Woodvard [10, 316]. Aceasta se referă la ordinea în care trebuie lansate diferitele mesaje de campanie – mesaje despre probleme de interes, despre sine, despre adversari, despre convingerile personale etc. Strategia succesiunii mesajelor presupune ignorarea adversarului. Ceea ce de fapt s-a produs între Putin □i ceilal□i 4 concuren□i. Putin si-a desfă□urat campania, neglijânu-□i parcă, oponen□ii săi politici. Mai mult, referindu-se la simbolurile mi□cării de protest anti-Putin – panglicile albe, acesta a declarat că la văzul acestora, ini□ial, a crezut că este o campanie de promovarea a sexului protejat, adică le-a asociat cu prezervativele.

Tab. 1. Lista articolelor electorale semnate de V.Putin

1.Rusia se concentrează- provocările la care trebuie să răspundem” / *«Россия сосредотачивается - вызовы, на которые мы должны ответить»*	*Izvestia* 16 ianuarie
2.”Rusia: problema na□ională” / *«Россия: национальный вопрос»*	*Nezavisimaia Gazeta* 23 ianuarie
3.”Despre sarcinile noastre economice” / «*О наших экономических задачах*»	*Vedomosti* 30 ianuarie
4. Democra□ia □i calitatea statului / *«Демократия и качество государства*»	*Kommersant*
5. Construirea echită□ii. Politica socială pentru Rusia." / *«Строительство справедливости. Социальная политика для России»*	*Komsomoliskaia pravda*
6. Să fim puternici: garan□ia securită□ii na□ionale pentru Rusia. / «*Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России*»	*Rosiiskaia Gazeta* 20 februarie

7. ”Rusia □i lumea care se schimbă”. / *«Россия и меняющийся мир»*	*Moskovskie novosti* 27 februarie

În primul articol apărut în ziarul ”Izvestia” - ”*Rusia se concentrează – provocările la care trebuie să răspundem*”- Putin face o trecere în revistă a actualei stări de lucruri în Rusia □i promite că îsi va dezvolta programul electoral într-o serie de articole în presa centrală. “Sarcina noastră în următorii ani este să îndepărtăm tot ce ne împiedică să avansăm pe calea dezvoltării naționale”, a scris Putin în *Izvestia*. Rusia trebuie să scape de sărăcie până la sfârşitul deceniului.
În manifestul său, V.Putin a invitat poporul la dialog cu puterea, acordând o atenție deosebită implicării clasei de mijloc în politică.

Patriotismul – a devenit un alt subiect electoral aboradat de Putin. În articolul ”*Problema na□ională*” candidatul la func□ia de pre□edinte combate na□ionalismul □i pledează pentru cultivarea patriotismului. Candidatul vorbe□te despre necesitatea elaborării unei strategii de politică na□ională, bazată *pe patriotism civic*. Fiecare om care traieste în Rusia, - scrie Putin, - nu trebuie sa uite de credin□a □i de apartenen□a sa etnică. Dar el trebuie sa fie mai întai de toate cetă□ean al Rusiei □i să fie mândru de aceasta. În continuare semnatarul devine dur □i chiar violent în expunerea pozi□iei sale. "Rusia a aparut □i s-a dezvoltat de veacuri ca un stat multina□ional. (...) Sute de etnii traiesc pe pamântul lor alături de ru□i. ...Este suficient să amintim că etnici ucraineni traiesc pe un spa□iu de la Carpa□i la Kamciatka. La fel □i etnici tatari, evrei..." La baza acestei civiliza□ii unice este poporul rus. Diferi□i provocatori □i inamici ai no□tri vor încerca să smulga din Rusia anume această rădacină, sub pretextul unor false discutii despre dreptul ru□ilor la autodeterminare, despre ”puritatea rasei', despre necesitatea de ”a incheia treaba începuta in 1991 □i de a distruge definitiv imperiul ce împovărează poporul rus. Putin spune ca, ”mărea□a misiune a rusilor" este de a unifica □i consolida un "*stat-civilizatie*", în care nu există minorită□i na□ionale, ci "rusi armeni, rusi azeri, rusi nem□i, rusi tătari” [11].

Un subiect tradi□ional de campanie – economia □i investi□iile – dezvăluit în al treilea articol electoral. Însă pentru a atrage investițiile particulare, trebuie să ameliorăm climatul de afaceri. Toate acestea trebuie să ducă la îmbunătățirea nivelului de trai al fiecărui cetățean rus**”**. Putin scrie că deocamdată climatul de investi□ii este „nesatisfăcător” în principal din cauza „corup□iei sistemice”.

Corup□ia – un alt subiect electoral, elucidat în *”Democra□ia □i calitatea statului* – al patrulea articol electoral. Putin scrie despre necesitatea creării unei liste a func□iilor "pasibile de corup□ie" din executiv □i corpora□iile de stat: "Ace□ti oficiali ar trebui să primească salarii uria□e, însă să fie de acord cu transparen□a absolută, inclusiv în ceea ce prive□te cheltuielile familiilor lor". Revenind la problema masurilor pro-democratie, Putin a propus acordarea

cetă□enilor □i internau□ilor unui rol mai important în politică, inclusiv sansa de a influen□a agenda legislativului. Premierul propune instituirea regulii analizării obligatorii a ini□iativelor publice care vor aduna 100.000 sau mai multe semnături pe Internet" [12].

Putin dedică cel de-al V-lea articol electoral al său - *"Construirea echită□ii. Politica socială pentru Rusia"* - situa□iei sociale, recunoscând că difiren□a între venituri este provocator de mare: “Între 10% şi 11% dintre cetăţenii noştri trăiesc sub pragul sărăciei, din cele mai diverse motive. Trebuie să rezolvăm această problemă până la sfârşitul deceniului. ”Putin promite majorarea salariilor, pensiilor, burselor a□a încât acestea să constituie 1,5% din PIB. Asta ar însemna aproximativ 30 miliarde USD. Autorul mai spune că “în Rusia trebuie refăcută *”aristocra□ia muncitorească*”, care să cuprindă, până în 2020, o treime din angaja□ii califica□i – aproximativ 10 milioane de persoane [13].

Putin: imaginea interna□ională

În primele 5 articole candidatul □i-a expus mesajul social: asanarea economiei, majorarea salariilor, pensiilor, indemniza□iilor, echitatea socială □i desigur lupta împotriva corup□iei. Ultimele 2 articole din gama publicisticii sale electorale i-au consolidat imaginea de lider forte, omul care va continua lupta pentru accederea Rusiei la statutul de supraputere. Mesajul agresiv împotriva politicilor americane de ”exportare a democra□iei”, împotriva ac□iunilor NATO a amintit de retorica rezboiului rece, lansată de Kremlin.

A□adar, al 6-lea articol electoral este dedicat securităii na□ionale □i reformei armatei, întitulat *”Să fim puternici: garan□ia securită□ii na□ionale pentru Rusia”*. Ca □i în 2000, Putin promite din nou o ”Rusie puternică”, de data aceasta însă, prin intermediul unor investi□ii de miliarde în complexul militar-industrial al □ării. Premierul promite cea mai mare de după războiul rece întărire a for□elor militare: “În următorul deceniu, for□ele armate vor primi peste 400 de rachete balistice intercontinentale moderne, amplasate la sol □i pe mare, opt submarine cu rachete balistice, aproximativ 20 de submarine de atac, circa 100 de aeronave militare” etc. Premierul a mai apreciat că investi□iile substan□iale în sectorul apararii din Rusia, în special în programe de armament, vor fi benefice pentru economia □ării. [14]

La 27 februarie, ultima săptămână de campanie, în ziarul ”*Moskovskie novosti*” apare ultimul articol - al VII-lea - din seria textelor electorale semnate de Putin □i este dedicat securită□ii globale. În acest articol Putin critică comportamentul Statelor Unite pe scena interna□ională: ”Americanii sunt ”obseda□i” de ideea unei ”invulnerabilită□i absolute”, care împiedică între altele negocierile cu Rusia pe tema armelor strategice. Securitatea globală poate fi asigurată doar împreună cu Rusia, şi nu slăbind poziţiile geopolitice ale acestei ţări, - scrie Putin. Iar comportamentului SUA şi NATO nu se înscriu în logica dezvoltării

contemporane, ci se bazează pe stereotipuri ale gândirii în bloc. În opinia sa, NATO încearcă să-şi asume funcții improprii pentru o"alianță defensivă". Ne amintim cum în zadar au făcut apel la respectarea normelor legale (...) state care au devenit victime ale operațiunilor "umanitare" şi ale exportului "democrației bombelor şi rachetelor". Acestea nu au fost auzite şi nici nu s-a dorit să fie auzite".

"Putin, Rusia şi Occidentul".

În schimb, mesajul occidentului despre Putin a fost unul tolerant şi obiectiv. În acest context, canalul de televiziune NTV a mimat şi el o campanie prezidenţială în mass-media audiovizuale echidistantă şi pluralistă. În week-end, cu o săptămână înainte de scrutin, acesta a prezentat un film documentar, filmat la comanda BBC *„Putin, Rusia şi Occidentul*" (*„Putin, Russia and the West").* Filmul este împărțit în patru părți. Prima serie – *„Venirea la putere*", relatează despre apariția lui V.Putin pe arena politică. Paralel, se relatează despre înăsprirea politicii interne. Fostul premier al Rusiei, M.Kasianov, a vorbit despre relațiile lui Putin cu oamenii de afaceri ruşi influenți şi arestarea miliardarului M.Hodorkovski. A doua serie a filmului intitulată *„Amenințare din partea democrației*" se referă la rolul Rusiei în politica regională, la influența Moscovei asupra alegerilor din Ucraina. Cea mai dramatică este partea a treia *„Războiul*", consacrată conflictului dintre Rusia şi Georgia din august 2008. În sfârşit, a patra serie *„Început de la zero*" este consacrată relațiilor dintre D.Medvedev şi B.Obama, tandemului Putin - Medvedev şi ultimelor evenimente din Rusia. Spre deosebire de alte filme similare, create în Rusia, acest film conține destul de multă critică la adresa premierul rus V.Putin. Documentarul pentru televiziune „Putin, Rusia şi Occidentul" relatează istoria aflării lui V.Putin la putere, din numele jucătorilor cheie din politica mondială din ultimii 12 ani. Este vorba de fostul Secretar de Stat American C.Rice, fostul preşedinte ucrainean L.Kucima, şeful administrației prezidențiale S.Ivanov, ministrul de Externe S.Lavrov. De asemenea, echipa de filmare a reuşit să-i intervieveze pe preşedintele rus D.Medvedev şi pe liderul georgian M.Saakaşvili.

Spectacolul PR-istic.

Orice campanie de comunicare în mass-media trebuie să fie complementată şi consolidată prin contacte directe cu alegătorii, - consideră cercetătorul rus S.Lisovskii. "De văzut văd mulţi, dar nu tuturor le este dat să atingă cu mâna",- scria Makiavelli în tratatul său "Principele". Şi iată anume oferirea

acestei posibilită□i – ”de atingere cu mâna” – determină ultimul impuls în luara deciziei de către alegător [15, 37].

În această ordine de idei, ziua de 23 februarie a constituit un bun prilej pentru stafful electoral al lui V.Putin, pentru organizarea *marei întâlniri* a electoratului cu premierul. Aproximativ 130 mii de simpatizan□i ai candidatului Putin au venit pe stadionul „Lujniki” din Moscova pentru sus□inerea candidatului la func□ia de pre□edinte, care nu a ratat ocazia de a recurge la tehnici oratorice de manipulare a maselor. *“Iubiți Rusia?”*- i-a întrebat Putin pe susținători, care i-au răspuns cu determinare: *“Da!” Nu vom permite nimănui să se amestece în afacerile noastre interne şi să ne impună voința lor, pentru că şi noi avem propria noastră voință. Suntem o națiune de nvingători*”, - a continuat V.Putin. “Vom câştiga, dar victoria în alegeri nu este suficientă. Trebuie să depăşim o mulțime de probleme, precum injustiția, sărăcia şi inegalitatea”. *“Visez la vremea în care orice cetățean din țara noastră, mari oameni de afaceri sau simpli cetățeni, va trăi într-un mod onest şi drept. Asta ne va face mai puternici”*, - a spus V.Putin [16]. A□adar, a fost identificat du□manul, stabilite problemele □i apoteoza discursului – desemnat tabloul din viitor.

Mobilizare □i proteste.

Protestele pro □i anti –Putin – o caracteristică a campaniei preziden□iale. Rocada Putin-Medvedev-Putin □i utilizarea sursei administartive, implicit, a trezit nemul□umirea unui segment important de alegători, ceea ce a dus la organizarea numeroaselor ac□iuni de protest cu caracter electoral. Pe parcursul campaniei preziden□iale Moscova a devenit ora□ul mitingurilor. Mitingurile sus□inătorilor lui Putin alternau, practic, cu cele ale opozi□iei politice. Bulevardul Saharov a devenit simbolul unită□ii opozi□iei. La unul din astfel de mitinguri, desfă□urat în 5 februarie, cu genericul "Pentru alegeri cinstite" au participat circa 120 de mii de oameni. Participan□ii au scandat lozincile: "Putin, Pleacă!" □i "Rusia fără Putin!" În aceeia□i zi, de cealaltă parte, s-au întrunit organizatorii mitingului în sus□inerea lui V.Putin cu genericul "Pentru viitorul Rusiei", - circa 140 de mii, convin□i de faptul că “alternativa lui Putin nu există”.

Mitingurile au fost o componenă simptomatică a acestui scrutin. Sâmbătă, 18 februarie, cu două săptămâni înainte de scrutin, sute de ma□ini au circulat prin Moscova cu placarde pro-Putin. *Străzile albe*” –a deveit o tehnică de mobilizare anti-Putin. La 19 februarie a fost organizat un autocros împotriva lui Putin – au participat aproximativ 2000 de vehicule. Animatorul coloanei de autovehicule, decorate cu baloane şi funde albe, a fost B.Nem□ov, liderul Partidului Poporului Liber [17].

Concomitent, opozi□ia a organizat a□a-numitele ”*lan□uri vii*”, în timpul cărora participan□ii fluturau baloane albe, iar la piept purtau panglci albe, care

au devenit simbolul mişcării ample de protest față de regimul de 12 ani al lui Putin. Politologul american G.Sharp, autorul teoriei revolu□iilor pa□nice □i a lucrării *”De la dictatură la democra□ie”(2005)* declară într-un interviu acordat pentru postul de televiziune RTR /*Novosti nedeli,*/ că el este autorul acestei tehnologii, dar aceasta nu a avut efectul scontat în Rusia. ”Lan□ul viu”, la sugestia lui Sharp, a fost aplicată pentru prima dată în ”89 în statele Baltice [18]. La ac□iune au participat peste 700.000 de persoane, iar ”lan□ul viu” se întindea pe o lungime de circa 600 kilometri. /10 martie 2012 RTR/ De asemenea, profesorul american este de părerea că opozi□ia ”s-a grăbit să organizeze mar□uri de protest, în care blamau fraudarea scrutinului”, afirmând că acestea se organizează după scrutin. Acesta este de părerea că cel mai reu□it tehnoligiile sale referitoare la revolu□iile fără violen□e sau color au fost implimentate în Serbia.[2]

Campanie electorală pe Internet

Stafful Putin a acordat un rol primordial Internetului □i organizării agita□iei electorale în re□ea. Site-ul de campanie electorală al premierului rus: www.putin2012.ru. Vizavi de acest site a fost legat □i un scandal mediatic. Asta pentru că numeroasele mesaje ale cetățenilor, care au cerut demisia lui V.Putin, postate pe site-ul de campanie electorală al premierului rus, au fost şterse de către administratorul paginii web la scurt timp după ce au fost postate pe site-ul www.putin2012.ru. De□i responsabilul de comunicarea electorală a premierului Putin, D.Peskov, a declarat că, de fapt, site-ul a fost atacat de hackeri. [19]

Un videoclip electoral de 4 minute a –”*Rusia fără Putin*”- fost lansat pe Youtube. Acesta prognozează cum ar arăta Rusia fără actualul premier V.Putin. Secven□ele video descriu un peisaj apocaliptic dacă prim-ministrul rus ar ie□i din peisajul politic al Federa□iei Ruse. "Acte de huliganism, războaie, controlul SUA asupra Federara□iei Ruse, Duma de Stat demisă, 200 de partide formate în □ară, na□ionali□ti, guvern provizoriu, acte de terorism, un nou val al crizei economice, închiderea uzinei AUTO VAZ, fiecare al doilea locuitor al Rusiei devine □omer, destrămarea Rusiei, ciocniri etnice, război civil, iunie 2013 - NATO intră în Rusia pentru a introduce ordinea, catastrofă umanitară, anarhie în toată Rusia" - acestea sunt doar câteva dintre scenele descrise în imaginile video. "Rusia fără Putin - you are welcome!", este mesaju cu care se încheie filmul [20] .

---

[2] *Politologul american Gene Sharp este cunoscut în plan international pentru teoria de rezistență nonviolentă ce a inspirat unele dintre personalitățile aflate în spatele "primăverii arabe", preşedintele tunisian, adus la putere în urma revoluției din 2011, şi televiziunea Al Jazeera.*

Moment de culmina□ie în campanie.

27 februarie 2012. TV Pervii Kanal, anun□ă că Serviciile secrete ruse şi cele ucrainene au reținut un grup de "criminali care erau aflați în urmărire internațională" şi care pregăteau un atac terorist asupra premierului rus. Grupul de "bandiți" a fost reținut la Odessa, Ucraina. Aceştia urmau să realizeze planul de asasinare a premierului rus V.Putin, la Moscova, chiar după alegerile prezidențiale din 4 martie. Atentatul a fost dejucat la finele lunii ianuarie. Această informa□ie a constituit apogeul campaniei de comunicare electorală a premierului Putin. Opozi□ia □i presa favorabilă acesteea a comentat acest caz ca fiind un truc electoral, un gen de propaganda electorală.

"□arul" se întoarce la Kremlin pentru al treilea mandat

V.Putin a câştigat alegerile cu 63,6% din voturile exprimate. În 2000 Putin a ob□inut 52,9%. În 2004 Putin a ob□inut 71,3%. În 2008 Medvedev a ob□inut - 70,3%. Putin s-a autosubclasat comparativ cu scrutinul diin 2000, dar a pierdut 7% din alegători comparativ cu cel din 2004. La alegeri au participat 63% alegători, în jur de 70 milioane din peste 109 milioane cu drept de vot.

Tab. 2. Rezultatele ob□inute de V.Putin în alegerile preziden□iale:

2000	2004	2012
52,9%	71,3%	63,6%

Seara, în ziua scrutinului, premierul V.Putin a ieşit în fa□a celor 100.000 de sus□inători □i pentru prima dată în 12 ani de guvernare, le-a vorbit susținătorilor reuniți în apropiere de Kremlin, cu lacrimi în ochi. Un gest ce contrastează puternic cu imaginea sa de "om de fier" al Rusiei. Mesajul a scos în vileag spiritul militant, aproape agresiv al lui Putin: *"V-am întrebat mai demult: vom învinge? Şi am învins! Glorie Rusiei!"*[3] [21]

[3] *Discursul pre□edintelui ales V.Putin în fa□a sus□inătorilor săi:"Dragi prieteni! Vă mul□umesc tuturor celor care se află atăzi în Moscova, pe to□i care ne-au sus□inut în toate col□urile necuprinsei noastre patrii. Mul□umesc tuturor celor care au spus da marei Rusii. Odată v-am întrebat: vom învinge? Noi am învins într-o luptă deschisă □i cinstită. Dar acestea nu au fost doar alegeri preziden□iale, acesta a fost un test serios pentru tot poporul: test la maturitatea politică, la independen□ă, suvernaitate. Noi am demonstart că nimeni nu ne poate impune ceva, că oamenii no□tri pot deosebi dorin□a de prosperare, inovare de provocările politice, care au un singur scop - să prăbu□ească statalitatea rusă. Noi astăzi am învins! Gra□ie sus□inerii cople□itoare a majorită□ii alegătorilor, am ob□inut o victorie cinstită. O să muncim cinstit □i asiduu. Eu am promis că o să învingem, □i noi am învins. Am învins! Slavă Rusiei!"*

În cadrul celor două mitinguri de sus□inere cu partciparea lui Putin- cel din 23 februarie □i cel din 4 martie- se prodece o mistificare a puterii prin contra-punerea dintre ”for□ele bune □i cele rele” [22, 99]. Iată, bunăoară ce spune Putin în seara zilei de scutin: ”*Acestea nu au fost doar alegeri preziden□iale, acesta a fost un test serios pentru tot poporul: test la maturitatea politică, la independen□ă, suvernaitate. Noi am demonstart că nimeni nu ne poate impune ceva, că oamenii no□tri pot deosebi dorin□a de prosperare, inovare de provocările politice, care au un singur scop - să prăbu□ească statalitatea rusă.*”Astfel, opozi□ia politică, manipulată – în opinia premierului de ideologii revolu□iilor cromatice, - se identifică cu imaginea Du□manului din interior.

Tab.3. Rezultatele oficiale ale alegerilor din Rusia:

Putin Vladimir	63,6%
Ziuganov Ghenadii	17,18 %
Prohorov Mihail	6,79%
Jirinovskii Vladimir	6,67%
Mironov Sergei	3,73%

Sursa: Rossia RTR Vesti, 2012, 8 martie

Rezultatele foarte strânse între datele oficiale □i cele oferite de exit-poll sunt în defavoarea celor care au acuzat autorită□ile de fraudarea alegerilor.

Tab.4. Ratingul lui Putin în sondajul a trei agen□ii:

VTIOM	FOM	Levada-□entr
58,6%	58,7%	66%

Tab.5. Rezultatele exit-poll-ului. Putin ob□ine:

VTIOM	FOM
58,3%	59,3%

Sursa:RTR Vesti nedeli, 10 martie 2012.

Cea mai costisitoare campanie a fost cea a candidatului Vladimir Putin.

Tab.6. Bugete electorale [23]

Putin Vladimir	368,9 mln.ruble
Ziuganov Ghenadii	251,3787 mln.ruble
Prohorov Mihail	319,6229 mln.ruble
Jirinovskii Vladimir	210,123 mln.ruble
Mironov Sergei	118,7 mln.ruble

Concluzii. Actuala strategie de campanie elaborată de stafful Putin se deosebe□te radical de cele două campanii anterioare, în cadrul cărora s-a pus accent pe imagine, iar acum - pe probleme. De data aceasta Putn nu a avut nici tradi□ionalul slogan de campanie, spoturi electorale, publicitate electroală propriu-zisă, cu excep□ia pancardelor □i lozincilor purtate □i scandate la mitingurile de sus□inere. Prin aceasta se manifestă caracterul original al campaniei de ceare a imaginii candiatului Putin. Campanie care se deosebe□te radical de campania purtată aproximativ în acela□i timp de pre□edintele francez N.Sarkozy. Întreg programul electoral a fost expus alegătorilor în cadrul celor 7 articole publicate în diferite ziare centrale pe durata desfă□urării campaniei electorale. Strartegie ce i-a permis staffului Putin să creeze a□a-numita agenda-setting □i să □ină în maximă alertă presa rusă □i internatională. Putin, astfel, a ie□it învingător în lupta pentru controlul asupra spa□iului informa□ional.

Categoria de spa□iu este fundamentală în orice competi□ie. În lupta electorală este vorba despre spa□iul/câmpul social sau, altfel spus, câmpul electoral. În practica electorală contemporană accesul la câmpul electoral se produce prin câmpul informa□ional, deaceea posedarea câmpului informa□ional constituie nu doar un instrument în drumul spre putere. Aceasta reprezintă acea realitate simbolică, arena principală, pe care se desfă□oară lupta. În timpul campaniei electorale lupta pentru spa□iul social este substituită prin lupta pentru spa□iul informa□ional. Adjudecându-□i spa□iul informa□ional, Putin a intrat victorios în lupta pentru putere.

Premierul nu a degrevat din func□ie pe durata campaniei electorale, ceea ce i-a permis să utilizeze la maximum resursa administrativă, care asigură un surplus de aproximativ 10%-15%, după cum arată cecetările de marketing electoral. Premierul □i-a luat o singură zi de concediu pentru a se întâlni cu membrii Ligii observatorilor, create cu prilejul scrutinului preziden□ial.

Bibliografie

1. Popescu O. Nouriel Roubini despre protestele din Rusia (http://www.hotnews.ro/stiri-international-11412108-nouriel-roubini-despre-protestele-din-rusia-vedem-cat-dispus-este-putin-auda-asculte.htm), accesat 12 februarie 2012.

2. Народный фронт разработал «новый образ Путина». // Московский Комсомолец, №25845, 18 января 2012 г.

3. Винокурова Е. Второе открытие «фронта», http://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2012/01/10_a_3958545.shtml, accesat 20 decembrie 2011.

4. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. - Москва, ИВЦ «Маркетинг», 2000.

5. Dobrescu P. Mass media □i societatea. - Bucure□ti: Editura SNSPA, 2001.

6. Shaw D.L., McCombs M. The Emergence of American Political Issues: The Agenda-Setting Function of the Press. St. Paul: West, 1977).

7. Efectele mass-media, http://www.scritube.com/jurnalism/Efecte-ale-mass-media-Introduc42979.php

8. Кошелюк М.Е. Технологии политических выборов. - Питер, Изд. Дом «Питер», 2004.

9. Dick M. Noul principe. Machiavelli în secolul al XXI-lea. - Bucure□ti, Editura ”Ziua”, 2003.

10. Larson C. Persuasiunea. Receptare □i responsabilitate. - Ia□i, Polirom, 2003.

11. RUSIA-ELECTORALA-Putin-vrea-o-strategie-pentru-cultivarea-patriotismului-in-Rusia, http://www.emaramures.ro/stiri/60931, accesat la 23 ianuarie.

12. Putin pledeaza pentru democratie online si masuri anti coruptie, http://www.ziare.com/vladimir-putin/premier-rusia/ 1149180, accesat 10 februarie.

13. Putin promite creşterea cheltuielilor pentru a se menține la putere, http://epochtimes-romania.com/news/2012/02/putin-promite-cresterea-cheltuielilor-pentru-a-se-mentine-la-putere---141912, accesat la 12 februarie 2012**.**

14. Purice C. Vladimir Putin: Armata va primi 400 de rachete balistice intercontinental, http://www.enational.ro/online-live/vladimir-putin-armata-va-primi-400-de-rachete-balistice-intercontinentale-130167.html/#ixzz1mzzU179g , acesat la 20 februarie.

15. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. - Москва, ИВЦ «Маркетинг», 2000.

16.Putin-la-un-miting-de-130-000-de-sustinatori-nu-vom-permite-nimanui-sa-se-amestece-in-treburile-interne-ale-rusiei, http://bataiosu.wordpress.com, accesat 2012/02/23/

17. Protest cu sute de maşini împotriva lui Vladimir Putin, http://www.romanialibera.ro/actualitate/europa/protest-cu-sute-de-masini-impotriva-lui-vladimir-putin-254213.html, accesat 20 februarie 2012.

18. Шарп Дж. От диктатуры до демократии. - Москва, ”Новое Издательство”, 2005.

19. Scandal în Rusia. Mesajele anti-Putin cenzurate, http://www.publika.md/scandal-in-rusia--mesajele-anti-putin--cenzurate_655401.html, accesat la 12 februarie 2012.

20. Rusia fără Putin - you are welcome!" http://unimedia.md/?mod=news&id=44039, accesat la 3 februarie 2012.

21. Соколова А. Путин плакал на Красной площади?, http://www.aif.ru/society/article/50055

22. Кошелюк М.Е. Технологии политических выборов. - Питер, Изд. Дом «Питер», 2004.

23. В.Путин оказался самым "затратным" кандидатом в президенты, http://top.rbc.ru/politics/02/03/2012/640146.shtml?print, ac

Prezentat la redactie
la 10 martie 2012

CONCEPTUALIZAREA TERMENULUI ŞI FENOMENULUI DIASPOREI

Mariana ROLER
Republica Moldova, Chisinau, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relatii Internationale, Stiinte Politice si Administrative, Catedra Științe Politice
Doctoranda

Le terme 'diaspora' est en vogue depuis une vingtaine d'années, certes plus dans la littérature anglophone que francophone. Mais le sens de ce mot n'a cessé d'osciller dans l'histoire, aussi si une diaspora est une réalité sociologique, faut-il repérer les paramètres et les processus qui la définissent.

En Moldavie on parle souvent de l'existence d'une diaspora moldave, mais le phénomène reste encore très inconnu.

Cet article traite des versions qui en sont divulguées à la faveur des questionnements sur le statut des minorités culturelles et de la mondialisation des échanges depuis les années 1980. Il veut montrer combien l'idée de diaspora ne saurait être confondue avec les idées de migration prolétaire et de réseau transnational et rappeler ses fondements primordiaux, l'exposition d'une population au risque de violence, d'expulsion et une institutionnalisation communautaire polycéphale, au-delà de frontières nationales, conjurant la menace de dispersion, sinon d'annihilation, en créant des liens.

On va essaye d'établir les critères propres pour ce phénomène et de présenter les plus importantes classifications ainsi que reflechir sur l'importance de diaspora pour le pays d'origine.

Națiunile Europei sunt rezultatul procesului lansat de "Marea migrație a popoarelor", în urma căruia s-au format principalele familii şi grupuri lingvistice. Pe parcursul istoriei continentul european a înregistrat multiple valuri de cuceriri, formare a statalităților, strămutări şi migrații. Se creează impresia că fenomenul migrațiilor este unul perpetuu şi nu poate fi stabilită finalitatea sa. În perioada contemporană dinamica procesului migraționist este în creştere geometrică. Astfel, în anul 1960 per glob erau înregistrați 75,5 milioane de rezidenți străini, în 2000 – 176,6 milioane, în 2010 – 213,9 milioane. Conform estimărilor ONU, în prezent fiecare al 35-lea individ este imigrant, iar în țările dezvoltate – al 10-lea [1].

Intensificarea fluxurilor migraționale şi creşterea numărului imigranților în țările dezvoltate are ca efect regruparea lor în comunități, fie aderând la cele existente, fie constituind unele proprii. Prin urmare are loc procesul de consolidare sau de formare a unor diaspore.

Conform calculelor lui G.Sheffer, numărul membrilor diasporelor «istorice» ar fi următorul: chineză – 35 milioane indivizi; indiană – 9; evreiască şi romă – câte 8 milioane; armeană – 5,5; greacă – 4; germană – 2,5. Referitor la numărul membrilor diasporelor „contemporane", sunt prezentate următoarele date: afro-americană – 25 milioane; kurdă – 14; irlandeză – 10; italiană – 8; ungurească şi poloneză – câte 4,5 milioane; japoneză – 3; libaneză – 2,5 [2, 170].

Începând cu mijlocul anilor '90 ai secolului XX compatrioţii noştri se deplasează masiv peste hotare în căutarea locurilor de muncă. Atât mass-media, cât şi literatura de specialitate începe a opera cu un nou concept – ***diaspora***. Mai mult chiar, se declară la nivel oficial despre politica de susţinere a diasporei, consolidare a relaţiilor, etc. Totuşi, termenul, la fel ca şi fenomenul rămâne a fi unul enigmatic. Acest fapt ne-a determinat să intervenim printr-un studiu teoretico-empiric în vederea elucidării problemei.

Termenul ***diaspora*** este de origine greacă ***„diaspeirô"*** şi poate fi interpretat ca împrăştiere, răspândire, dispersiune. Deşi este în mod unanim acceptată etimologia termenului, sursele bibliografice diferă în abordarea originii fenomenului. Majoritatea autorilor condiţionează apariţia primei diaspore de exodul evreilor din Palestina în sec. VI a.h. (căderea primului Templu şi sclavia babiloneană). Totodată poziţiile diferă în ceea ce priveşte conţinutul diasporei, adică este vorba de întregul popor, sau doar de elită. Cea de-a doua etapă ar fi marcată de cucerirea romană şi respectiv, o nouă dispersare a poporului.

Deoarece între primul şi cel de-al doilea exod există o perioadă de peste şase secole, apare fireasca întrebare, de ce totuşi noţiunea a fost impusă de grecii antici. În opinia noastră, ar exista următoarea explicaţie. Colonizând Pontul Euxin grecii s-au dispersat, însă noile polisuri erau dominate de elementul grecesc în toate aspectele. Ele nu s-au integrat în lumea barbară, dar dimpotrivă constituiau nişte centre civilizaţionale autonome, promovând cultura greacă. În perioada elenistă, elementul grec a devenit predominant în întreaga mediterană şi Asia Anterioară. S-au modificat substanţial axele comerciale, evitând Palestina. Acest lucru i-a determinat pe comercianţii evrei să emigreze în noile centre: Alexandria, Antiohia, Babilon, Damasc, etc. Spre exemplu, în Alexandria, două dintre cele şase cartiere erau populate de evrei. Noile comunităţi, étérogene în raport cu elementul predominant (cel puţin în aspect administrativo-militar) îşi creează propria sub-cultură (tradiţie), inclusiv şi în raport cu cei din Palestina. Nu este exclus faptul că politica de supunere (poate chiar de marginalizare sau discriminare) a consolidat caracterul închis al grupurilor, dezvoltând sentimentul de diferenţiere şi izolare.

Poporul armean, inclus în componenţa Imperiului Otoman începând cu sec. XI, la fel s-a dezvoltat într-o manieră specifică, constituind baza comercianţilor, administratorilor, latifundiarilor. Aceeaşi situaţie este proprie şi grecilor în perioada medievală şi modernă.

Prin urmare, putem identifica câteva etape de formare a diasporelor „istorice” şi conturare a conotaţiilor.

Epoca antică, a debutat cu anii 800-600 a.h, marcând expansiunea comercială a grecilor şi având o conotaţie pozitivă. Conotaţia negativă este datată cu secolul III a.h, fiind atestată în traducerea greacă a Bibliei, unde evreilor li se proroceşte dezrădăcinarea şi suferinţele ca urmare a pedepsei divine. Ca exemplu serveşte exodul şi distrugerea Templului din Ierusalim din 586 a.h. Totodată, în perioada greacă nu este atestată o persecutare a evreilor, ei având posibilitatea să se stabilească şi să trăiască liber în orice regiune. Începând cu anul 70 p.h, situaţia poporului evreu devine mai complicată, trecând prin mari suferinţe. Ea continue pe întreg parcursul perioadei medievale, marcată de anti-iudaism [3][4].

Secolul XIX este cel al naţionalismelor şi de formare a statelor naţionale. Acest fenomen este marcat de omogenizare lingvistică şi culturală. Omogenizarea la rândul său implică asimilarea şi integrarea elementelor eterogene atât „benevolă sau democratică”, prin intermediul mecanismelor de socializare, cât şi forţată – marginalizarea, excluderea, expulzarea, genocidul.

Pregnanţa naţionalismului îi atribuie o valoare negativă dispersiunii unei populaţii, deoarece această dispersie contravine doctrinei de coincidere a unei etnii cu un teritoriu şi un sistem politic, plasând în prim plan loialitatea faţă de stat şi nu faţă de o comunitate. Expresia „duşmanul intern” a fost inventată în sec.XIX, desemnând diasporele, minorităţile (inclusiv religioase) şi oponenţii politici. Membrii minorităţilor sunt depreciaţi şi discriminaţi în mai multe ţări europene (ţiganii), expulzaţi (evreii din Rusia şi Europa de Est), strămutaţi prin acorduri internaţionale (grecii), masacraţi prin acţiuni de genocid (armenii) [4].

În cadrul Imperiului Otoman exista instituţia *millet-ului*, care le oferea comunităţilor evreieşti, greceşti sau armeneşti un anumit grad de autonomie. Lansând procesul de formare a statului naţional conform modelului occidental, Kemal Mustafa (Atatürk) a iniţiat procedura de lichidare a milettelor. Totuşi, istoricii nu sunt unanimi în ceea ce priveşte genocidul armean, atribuindu-l junilor turci.

Din alt considerent, finele secolului XIX şi începutul sec.XX este perioada migraţiilor de proporţii, fiind direcţionate în special în SUA. Emigrările irlandezilor, italienilor, portughezilor, polonezilor, scandinavilor, nu sunt interpretate ca diaspore (în accepţiunea americană), dar ca emigraţii a unor indivizi oprimaţi şi deposedaţi (americanii se confruntau cu probleme istorice: afroamericanii, amerdienii, chinezii).

[4] *Mai mulţi specialişti se opun identificării fenomenului diasporei cu dispersiunea evreiilor. Mai mult chiar, unii reprezentanţi ai sionismului neagă existenţa diasporei evreeşti în urma formării statului Israel, motivând prin faptul că nu mai este necesară această dispersiune. La fel, nu există claritate ce fel de relaţii sunt prioritare: dintre comunităţile evreeşti sau dintre o comunitate şi Israel.*

În anii ’70-80 ai secolului XX, se conturează câteva sensuri mai largi ai diasporei în calitate de fenomen, având o abordare sociologică şi antropo-culturologică.

- Prima variantă ar fi **dispersiunea şi legătura cu ţara de origine**. Cuvântului diaspora i se atribuie sensul de populaţie care locuieşte în afara centrului originar (homeland) [5, 16]. Conform adepţilor acestei abordări, minorităţile formate în rezultatul procesului de emigrare şi care menţin legături durabile cu ţara de origine reprezintă diaspore.
- A doua variantă – **reinventarea şi cultura hibridă**, dezvoltată în cadrul *African Studies* în anii 1960-1970. Se pune accentul pe victimizarea africanilor deportaţi în America, reconfigurarea lor şi inventarea unor identităţi şi culturi hibride, inclusiv datorită includerii în „ghettouri”. În cadrul acestor ghettouri se cristalizează diaspora în calitate de reprezentare, discurs, revendicare şi nu în ultimul rând de formă de organizare culturală şi comunitară la care aderă toate categoriile sociale. În urma emancipării, negrii americani manifestă un interes sporit pentru Africa şi rădăcinile lor istorice.
- Cea de-a treia variantă este **mobilitatea şi reţelele transnaţionale**, având o semnificaţie pozitivă şi fiind axată pe ideile cosmopolitismului. Migranţii sunt prezentaţi ca trecători emblematici ai frontierelor naţionale. Această accepţiune nu pune accentul pe exil, construcţia reţelelor şi legătura cu locul de origine. Democratizarea societăţilor naţionale şi internaţionale de la finele anilor ’80, aduc în prim plan alte valori şi principii, precum drepturile omului şi cetăţenia. Globalizarea pieţelor şi comunicaţiilor au condus la crearea unor noi spaţii, în care frontierele statale şi-au pierdut valoarea, constituind comunităţi transnaţionale [6, 50][5].

O altă categorie de abordări ale diasporei sunt cele etnologice, pe care le vom reflecta.

Din perspectiva etnologică, unii cercetători definesc diaspora ca pe o parte a etniei (sau grupului religios) care locuieşte în afara ţării de origine. Al doilea grup susţine că acestei părţi ai etniei i se atribuie în ţara gazdă statutul de minoritate etnică [7]. D.Armstrong consideră că criteriul de bază în identificare este caracterul dispersat al stabilirii, din care cauză comunitatea nu dispune de o bază teritorială şi, în toate regiunile constituie o minoritate [8, 24]. A patra poziţie, exprimată de M.Esman accentuează legătura (atât spirituală cât şi materială) cu ţara de origine. R.Cohen, reprezentând cel de-al cincilea grup, împărtăşind opi-

---

[5] *Există de fapt două modele de asimilare: american şi european. Varianta prezentată exprimă poziţia şcolii americane, pornind de la alte realităţi social-politice şi culturale şi axându-se pe relaţia cetăţean-stat. Europa mult timp a conservat problema minortăţilor, pentru ca mai târziu să dezvolte ideea multiculturalismului, considerată de unii experţi ca fiind una falimantată. Este invocat succesul extremei drepte în mai multe state europene şi eşecul politicilor de integrare a arabilor şi musulmanilor*

nia că diasporele trebuie să fie dispersate cel puțin în două regiuni externe; sunt legate printr-o identitate etnică comună; păstrează memoria colectivă despre patrie [9, 201]. Al şaselea grup, consideră că în calitate de reper serveşte capacitatea grupului de a rezista procesului de asimilare, păstrându-şi specificul. Şi în final, a şaptea poziție exprimată de G.Scheffer prevede că o anumită comunitate de imigranți poate fi calificată diasporă dacă are capacitatea de a-şi păstra identitatea etnică şi religioasă, manifestă solidaritate comunitară şi menține relațiile cu țara de origine [10, 197].

Astfel, generalizând cele expuse, stabilim că diaspora poate fi considerată grupul care s-a format în rezultatul divizării unei comunități şi deplasării în afara teritoriului istoric. De aici deducem următoarele determinante:

- Se constituie ca urmare a migrațiilor, fiind un proces benevol (unii specialişti includ în categoria diasporei şi grupurile permutate din cauza foametei, războiului, calamităților, deportărilor sau expulzărilor).
- Îşi are propria patrie istorică (la unele popoare precum evreii, armenii, irlandezii numărul membrilor diasporei este mai mare decât cel al statului național).
- Menține legături permanente şi durabile cu patria istorică, deseori lobându-i interesele în țara de reşedință.
- Locuieşte „dispersat”, adică nu populează compact anumite regiuni.

Prin urmare, diaspora nu trebuie confundată sau redusă la migrația forței de muncă, care poartă un caracter sporadic şi temporar şi unde nu există o organizare structurală (spre exemplu, migrația de muncă a moldovenilor în Federația Rusă şi emigrarea moldovenilor în Canada). În opinia savantului rus Tişkov, este necesar de delimitat comunitățile de imigranți, expatriați, refugiați, gastarbaiteri de cele etnice şi religioase, constituite istoric (lipovenii din România, aromânii din Serbia, chinezii din Malaezia). El consideră că ruşii din Moldova, Ucraina sau Kazahstan nu constituie diasporă [11]. La fel, ***diaspora*** diferă de ***minoritatea națională***, care populează compact anumite teritorii, fiind rezultatul unor schimbări de frontiere şi care beneficiază de drepturi colective (culturale, administrative, politice), asigurate atât de statul de reşedință, cât şi de comunitatea internațională. V.Tişkov susține că armenii din Turcia ar fi mai curând minoritate națională[6].

Una dintre problemele conceptuale este corelația diasporei cu minoritatea sau grupul etnic în abordarea sa sociologică şi care la rândul său se formează în

---

[6] Poziția lui Tişkov este una foarte confortabilă pentru clasa politică a Rusiei şi vom explica de ce. În dreptul internațional şi legislațiile naționale există mai multe prevederi care obligă statul să adopte politici de susținere a minorităților naționale. Adică statul este obligat nu doar să le asigure drepturile, dar şi să le ofere tot felul de suport: grădinițe, şcoli, reviste, etc. Mai mult chiar, minoritățile naționale au dreptul şi la diverse forme de autonomie. În cazul diasporelor, statele pur şi simplu promovează nişte politici tolerante, ne având obligațiuni față de ele.

rezultatul migrațiilor. Deosebirea ar consta în caracterul organizat şi structurat al diasporei, care o marchează ca pe un organism consolidat, afirmat şi funcțional. Prin urmare, diaspora poate fi calificată ca o rețea indivizibilă de comunități instituționalizate, care mențin contactul prin intermediul unor structuri comunicaționale (biserică, şcoală, asociații, mass-media, etc.).

Este de menționat că procesul de constituire a diasporelor este unul durabil şi dincolo de dimensiunea afectivă, necesită un efort exprimat printr-o activitate conştientă a elitei.

Identificăm patru etape de formare şi dezvoltare:

- ***Comunitate amorfă*** – majoritatea migranților se stabilesc într-o țară, regiune sau localitate

în funcție de locurile de muncă, prezența rudelor sau prietenilor, condițiile de trai. Contactele se stabilesc în virtutea circumstanțelor, dar încep a se contura nişte rețele cu colorit etnic.

- ***Constituirea comunității***. Creşterea numărului migranților este asociată de structurarea comunității şi formarea unor instituții. Grupurile dispersate încep a se reuni în unul sau câteva centre sau regiuni, pe care încearcă să le „amenajeze". Procesul de concentrare devine masiv, având ca efect crearea unor enclave. În interiorul arealelor iau naştere diverse forme de relații şi structuri.
- ***Diaspora „matură"*** – dezvoltarea infrastructurii o marchează ca pe un sistem. Sunt create organe de autoconducere, care gestionează sau coordonează activitatea diverselor instituții recunoscute şi apreciate atât în plan intern cât şi extern. Indivizii se identifică ca membri plenipotențiari ai acestei entități, susținându-se reciproc (suport în angajare, ajutorarea celor marginalizați, donații, etc.). Sunt constituite anumite fonduri atât de caritate, cât şi de dezvoltare, inclusiv de susținere a patriei istorice. În acest sens menționăm formarea unor însemne emblematice, precum edificarea bisericilor, teatrelor, monumentelor, etc. Sunt oficializate şi promovate sărbătorile naționale şi religioase ale comunității. Elita diasporei intră în dialog cu clasa politică a societății gazdă, promovând interesele comunității şi asigurându-se de susținerea unei sau unor formațiuni politice. Treptat se conturează o mentalitate diferită de cea a membrilor fondatori. Cu cât este mai mare diaspora, cu atât este mai stabilă.
- ***Degradarea diasporei***. Şcolile „etnice" pierd ponderea, cedând în fața sistemului educațional național, care oferă perspective mai promițătoare de instruire şi angajare. Studiile universitare oferă noi oportunități de angajare, diversificând arealul de locuire. Creşte numărul căsătoriilor cu reprezentanții societății gazdă. Imigrantul tot mai mult se asimilează şi se naturalizează. El nu mai resimte necesitatea apelării la suportul psihologic sau material al comunității de origine. Cea de-a treia, iar uneori şi a doua generație de imigranți este practic totalmente integrată în „noua" națiune, grație instituției cetățeniei şi diverselor forme de socializare. Astfel, se pierde legătura cu patria sau țara de origine, iar

aparteneța etnică sau confesională poate fi stabilită doar în baza numelui din actele de identitate şi a religiei.

În opinia noastră, această etapizare este relevantă, dar nu poate fi atribuită tuturor diasporelor, în special faza de degradare. J.Armstrong introduce în 1976 termenul diasporă „proletară” [12]. Aceeaşi abordare este preluată şi de Th.Sowell. Conform autorilor, marea majoritate a emigranților polonezi, irlandezi, italieni, portughezi sau spanioli erau săraci, completând rândurile clasei proletare. Poziția socială a membrilor a şi determinat caracterul diasporei şi modul de formare a rețelelor religioase, culturale, sociopolitice.

Evreii, chinezii, grecii sau germanii proveneau din diferite categorii sociale, formând în interior rețele economice şi familiale consolidate[7]. Aceasta le-a permis să-şi păstreze comportamentele şi tradițiile culturale, indiferent de țara de emigrare, iar poziția socială se manifesta în interiorul grupului. Prin urmare, diasporele „tradiționale şi stratificate social” sunt mai autonome şi rezistente decât cele „proletare” care au fost absorbite de comunitatea națională[8]. Astfel, am prezentat una din primele clasificări ale diasporelor şi în continuare ne vom referi la celelalte (în opinia noastră mai relevante).

G.Sheffer le divizează în *istorice* şi *contemporane,* pe care le-am menționat anterior. Într-o altă clasificare mai complexă, autorul identifică următoarele tipuri:

- diaspore cu rădăcini istorice adânci (armenii, evreii, chinezii);
- diaspore aflate în „hibernare” (americanii din Europa şi Asia, scandinavii din SUA);
- diaspore tinere (grecii, turcii, polonezii);
- diaspore în dezvoltare (sunt acelea aflate în proces de formare, precum ruşii din CSI, coreenii, românii din Europa, etc.);
- diaspore „fără azil” sunt acelea care nu-şi au propriul stat (kurzii, țiganii, etc.) [2, 143].

R.Brubaker introduce în circuitul ştiințific conceptul de „diaspore ale cataclismelor”. Apariția lor este condiționată de dezintegrarea statelor mari şi modificarea frontierelor. Procesul nu a depins de voința indivizilor, dar este mai curând rezultatul unor transformări geopolitice [13,19]. Ne permitem să ne exprimăm dezacordul cu această teză, deoarece în acest caz este vorba de minorități naționale clasice.

Sociologul britanic R.Cohen propune patru tipuri de diaspore:

---

[7] *Spre exemplu, chinezii încheiau acorduri de muncă cu autoritățile americane privind construcția căilor ferate, sau exercitarea altor lucrării, iar onorariul era plătit comunității, care îl repartiza. Astfel, în cadrul grupului exista elita şi proletarii.*

[8] *Evident că nu toți specialiştii împărtăşesc această poziție, mai mult chiar, din anii ’70 până în present situația a evoluat.*

- diaspore victime (evreii, armenii, africanii);
- diaspore de muncă (indienii);
- diaspore comerciale (chinezii, grecii);
- diaspore imperiale – britanicii, francezii, spaniolii, portughezii (de la noi i-am adăuga şi pe ruşi) [9, 219].

Prin urmare, poziţiile cercetătorilor diferă substanţial atât în definirea acestui fenomen atât de complex şi diferenţiat, cât şi în clasificarea sa. Există unanimitate doar în estimarea rolului diasporelor în viaţa politică naţională, regională şi internaţională.

La nivel naţional, aceste comunităţi influenţează procesele politice şi cele economice din ţara de origine. Spre exemplu, diaspora chineză integrată deja într-o reţea economico-comercială, a participat activ la instaurarea Republicii Chineze din 1911. Emigranţii greci au finanţat masiv mişcarea de independenţă din anii '30 ai sec. XIX. Evreii din Europa au susţinut procesul de revenire în Palestina şi formare a statului Israel. Deseori organizaţiile diasporelor participă în calitate de forţe de opoziţie faţă de regimul de guvernare din patria istorică. Membrii diasporelor participă activ şi masiv la alegerile parlamentare sau prezidenţiale din patrie (spre exemplu, victoria AIE la alegerile legislative din 2009 s-a datorat într-o anumită măsură şi votului dat de moldovenii de peste hotare).

La fel, diasporele influenţează şi politica ţării gazdă faţă de ţara natală. În 1974 grecii din diasporă au exercitat presiuni asupra autorităţilor americane vis-a-vis de problema cipriotă, iar în 1992 în privinţa Macedoniei. În urma destrămării URSS, armenii, ucrainenii, balticii sau polonezii au contribuit la recunoaşterea independenţei ţărilor de baştină şi integrarea lor în organismele internaţionale. În 1991, în urma războiului din ex-Iugoslavia, diaspora croată a oferit 30 milioane de dolari pentru înarmarea armatei croate. În 1992 au exercitat presiuni asupra Vaticanului, Germaniei şi Uniunii Europene privind recunoaşterea independenţei. În prezent, din cele 120 de locuri din legislativul Croaţiei, 12 le revin reprezentanţilor diasporei [14].

Cel mai nou şi relevant exemplu, este recunoaşterea genocidului poporului armean de către legislativul francez în 2012, chiar dacă în rezultatul acestui act, relaţiile turco-franceze au devenit extrem de tensionate.

Membrii diasporelor oferă susţinere economico-comercială, culturală şi de caritate ţărilor de origine. În prezent circa 80% din investiţiile Chinei continentale vin din partea diasporei. În perioada anilor 1979-1993 volumul investiţiilor chinezilor emigraţi se estimează la 220 miliarde dolari. Nu mai puţin importantă este şi contribuţia indienilor din Marea Britanie. În anii '90, armenii din Franţa au turnat din aur alfabetul armenesc.

Fluxurile financiare Nord-Sud sunt estimate între 150 şi 200 miliarde dolari pe an. În 2002, fluxurile constituiau 22,8% din produsul naţional brut al Iordaniei, 13,8% al Libanului, 9,7% al Marocului. În 2003, latino-americanii au

transferat 38 miliarde dolari (dintre care 31 proveneau din SUA), Mexicului revenindu-i 13,2 milarde, Braziliei 5,2; Republicii Dominicane 2,3.[15, 21]

Conform calculelor Băncii Naționale a Moldovei, transferurile moldovenilor de peste hotare constituie circa 30% din PIB-ul țării. Suma record a remitențelor a fost stabilită în anul 2008, când cetățenii Republicii Moldova au transferat 1,66 miliarde dolari [16].

Evident că diaspora moldovenească este abia în proces de formare şi citându-l pe Armstrong, este una proletară. Din această cauză poate oferi doar suport economic, nu şi politic.

Bibliografie:

1. http://www.un.org/ru/development/migration/background.shtml
2. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. // Диаспоры. – Москва, 2003, №1.
3. Диаспора. // Исторический словарь //http://mirslovarei.com/content_his/DIASPORA–1402.html
4. Dufoix S. Généalogie d'un lieu commun "Diaspora" et sciences sociales, http://barthes.ens.fr/clio/revues/AHI/articles/preprints/duf.html
5. Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment. // Diaspora, #5, 1996.
6. Basch L. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration, Anthropological Quaterly, vol.68, #1, janvier, 1995,
7. Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия, http://www.perspektivy.info/srez/val/diaspory_v_sovremennom_mire_evolucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm
8. Милитарев А.Ю. О содержании термина "диаспора" (к разработке дефиниции). // Диаспоры. – Москва, 1999, №1.
9. Cohen R. Global diasporas: An introduction. // Global diasporas. / Ed. by R.Cohen. Second edition. – New York, 2008.
10. Sheffer G. Diaspora politics: At home abroad. - Cambridge, 2003.
11. Тишков В. Диаспора и понятие «родина». http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n42_diaspor.html
12. Armstrong J.A. Mobilized and Proletarian Diasporas. // American Political Science Review, vol.70, 1976, #2
13. Brubaker R. Accidental diasporas and external "homelands" in Central and Eastern Europe: Past and Present. – Wiena, 2000.
14. Helly D. Diaspora: un enjeu politique, un symbole, un concept ? // Espace populations sociétés , mis en ligne le 01 avril 2008, http://eps.revues.org/index960.html

15. Schnapper D., Hily M.-A., Costa-Lascoux J. De l'État-nation au monde transnational. Du sens et de l'utilité du concept de diaspora. // Revue européenne de migrations internationales, Année 2001, Volume 17, Numéro 2.
16. http://www.businesspress.md/?action=News&idm=135&id=1035&id_lang=1&id_cat=5

Prezentat la redactie
la 2 februarie 2012

Recenzent – ***Rodica RUSU***, doctor in stinte politice, conferentiar

DIMENSIUNI GENERALE □I PARTICULARE ALE TRANSFORMĂRILOR DEMOCRATICE DIN REPUBLICA MOLDOVA

Victor SACA
Republica Moldova, Chi□inău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Rela□ii Internationale, □tiin□e Politice □i Administrative, Catedra □tiin□e Politice
Doctor habilitat în □tiin□e politice, professor

Valeriu EFREMOV
Republica Moldova, Chi□inău, Academia militară a forțelor armate „Alexandru cel Bun”, Catedra □tiin□e Socioumanistice şi Limbi Străine
Doctor în filozofie, profesor, postdoctorand la Universitatea de Stat din Moldova

This article examined trends and key issues of democratic transformation in the post communist space, in general, and in the Republic of Moldova, in particular. These changes are of complete and contradictory nature, covering all spheres of social life and first of all the political one.

The democratic transformations in the Central and Eastern Europe area are appreciated by the author as a legality for current political theory and practice. Such regularity is the result of specific trends, which are the subject of this research. One of the key trend of democratic change in the Republic of Moldova is the evolution of the relationship between the general, particular and unique in this transformation.

The evolution from general to particular and unique parameters of democratic transformation are in Moldova so contradictory that some general components of transition (the basic and initiating transformation, its purpose, the process and the result of transformation) clearly deviated from the planned line. In this aspect the Republic of Moldova is characterized by a progressive particularize with both nuance of evolution and stagnant, crisis and even evaluative.

As other democratic transformation trends we relate: the relative long and arduous process of transformation; the asymmetric character of the goals of political, economic and territorial transformation, the increasing role of the subjective factor in the democratization process, the increasing role of the civil society in achieving democratic transformation. These and other trends are addressed by the author in terms of specificity for the Republic of Moldova

Unul din evenimentele cele mai importante □i influente ale contemporaneită□ii, care a avut drept rezultat restrângera fundamentală a puterii autoritar-

totalitare în plan global, modificarea radicală a imaginii politice a lumii, îl constituie prăbuşirea la hotarul anilor ’80-90 a secolului XX a regimurilor comuniste din Uniunea Sovietică şi din țările Europei Centrale şi de Est. Acest eveniment a marcat începutul unor transformări complexe ale vieții sociale în spa□iul postsocialist, în general, şi postsovietic, în particular, transformări asociate mai întâi cu extinderea sistemului democrației politice, a formelor democratice de guvernare. Nu întâmplător, acemenea transformări sunt apreciate de către politologi □i tranzitologi drept o tendință dominantă în evoluția socială a lumii de la sfârşitul secolului XX – începutul secolului XXI. Mai mult, transformările gen democratic din arealul central şi est european, cu tot nefirescul □i abaterile lor de sens, pot fi considerate drept o legitate a practicii politice actuale. În acest context e neîndoielnic argumentul, că orice legitați a vieții sociale capătă substanță proprie doar reeşind din anumite tendințe, fapt dovedit teoretice□te încă de clasicii marxismului [1, 229] şi confirmat de practica socială a multor state contemporane.

Referindu-ne la transformările democratice din Republica Moldova, acestea se impun drept un proces relativ nou, care se desfăşoară în condiții anevoioase de insuficien□ă a premiselor sale necesare. Transpunerea în viață a acestui proces corespunde întru totul viziunii lui Hegel, care sublinia că începutul autogenezei noului se realizează pe o cale extrem de întortocheată, cu prețul aceluiaşi efort repetat [2, 6].

Pornind da la aceste raționamente clasice şi de la practica actuală a democratizării, noul tip de transformări în societatea moldovenească se manifestă la începutul tranzi□iei ca o tendință nedezvoltată, determinată de interese la fel de nedezvotate, interese în devenire. Evoluția de mai departe a societății date a depins □i depinde de faptul cum ea îşi supune procesul propriei sale deveniri şi funcționări, cum î□i realizează obiectivele transformării, cum îmbină, pentru binele intregului socium, diverse metode de materializare a acestor obiective.

Elementul nou al transformărilor democratice, în cazul Republicii Moldova, are sorți de autoafirmare □i dezvoltare dacă, în primul rând, este pe deplin inclus în structura sistemului transformațional social, supus tendințelor şi respectiv, legităților acestua, iar în al doilea rând, dacă asigură integritatea sistemului în cauză, stabilitatea şi capacitatea lui de a se dezvolta pe propria sa bază. Doar aceste condi□ii pot conduce la închegarea sistemului pe care Marx îl considera „un tot întreg ce-şi are premisele sale, iar dezvoltarea lui spre integritate constă anume în aşi supune... elementele... în a-şi crea organele sale care deocamdată îi lipsesc” [1, 229]. În asemenea sistem are loc depăşirea treptată a formelor şi proceselor tranziționale, instabile şi concomitent se profilează desfăşurarea noii calități a transformării, conformă legităților sale proprii.

Prin urmare, transformarea democratică este un proces complex de depăşire a vechiului şi de afirmare a noului, mai mult, de combinare ciudată în unele

cazuri (de exemplu, în ţările de tipul Republicii Moldova) a acestor variabile adverse. Gradul înalt de polivalenţă şi controversă a acestui proces face a fi complicată însăşi perceperea corectă a tendinţelor sale de conţinut, a caracterului său de manifestare. Or, indiferent de dificultăţile perceperii, albia transformării democratice în condiţiile Republicii Moldova include în sine elemente şi tendinţe variate, chiar opuse, care în fond pot fi înţelese la justa valoare prin dihotomiile: afirmării / negării, creării / distrugerii, continuităţii / discontinuităţii, ascensiunii / descensiunii, progresului / regresului, modernizării / conservării sociale. În această ordine de idei e important a cunoa□te cum se ţine cont de raporturile □i manifestările conforme sau diforme ale dihotomiilor în cauză.

Care sunt tendinţele principale ale transformărilor democratice din Republica Moldova? Ce probleme există în identificarea acestor tendinţe, în elucidarea căilor de realizare a lor? Sunt oare similare aceste tendinţe şi probleme cu cele din alte ţări ale spaţiului postcomunist? Răspunsul la aceste întrebări pare a fi pe cât de important şi actual, pe atât de complicat şi neunivoc. Or, practica transformaţională a ţărilor postcomuniste are mult comun, dar, totuşi ea se deosebeşte de la ţară la ţară prin anumiţi factori: caracterul şi intensitatea transformărilor, gradul de coeziune a elitelor în procesul reformării, capacităţile actorilor politici de a promova reformele prin mobilizarea potenţialului uman, energiei sociale a maselor etc. În astfel de împrejurări tendinţele şi problemele ce caracterizează cursul transformărilor democratice din Republica Moldova pot fi abordate prin expresia trinomului general-particular-unic.

Însăşi raportul dintre general, particular şi unic în formula transformării democratice, modificarea corelaţiei dintre aceste variabile, cu preponderenţă de manifestare spre general sau particular şi unic, este una din tendinţele cheie ale transformării date. În astfel de ipostaze corelative trăsăturile generale ale transformării sunt acelea ce se repetă de la ţară la ţară (existenţa a cinci componente constitutive: premise, moment de iniţiere, scop, proces, rezultat al transformării), iar cele particulare se axează pe specificul de manifestare a generalului în 2-3 ţări, pe când aspectul unic caracterizează transformarea cu componentele sale, ca fenomen original, propriu doar pentru o singură ţară.

Revenind la practica socială a Republicii Moldova menţionăm că evoluţia de la general la particular şi unic a parametrilor transformării democratice este una într-atât de complexă şi contracdictorie încât unele componente generale ale sale ce dominau în mod firesc începutul tranziţiei (ca şi în celelalte ţări din spaţiul postcomunist), cum ar fi baza şi iniţierea transformării, scopul acesteia, desfăşurarea procesului de transformarere, rezultatul transformării au deviat în mod evident de la cursul programat. Astfel, în albia sa bazică, precum şi de iniţiere şi organizare, teleologică şi de realizare, fenomenul transformării gen moldovenesc este însoţit de un particularism eclectic, cu nuanţă atât evolutivă, cât şi sta-

gnantă, de criză şi, chiar, involutivă, ceea ce distinge Republica Moldova de majoritatea țărilor ex-socialiste.

Ne referim în primul rând, la insuficiența premiselor □i condițiilor care preced tranziția spre democrație, în general, şi diversele transformări din cadrul acesteia, în particular. E vorba, îndeosebi, de deficitul identității naționale şi unității naționale în stat; unui nivel adecvat de dezvoltare economică; răspândirii în masă a valorilor culturale, care ar contribui la recunoaşterea principiilor democratice, la încrederea în instituțiile politice de bază etc. Insuficiența acestor premise a fost resimțită nu doar la începutul tranziției, ci şi pe parcurs, chiar până în prezent, fapt ce se răsfrânge negativ şi asupra altor componente ale tranziției democratice, care în fond nu au destulă substanță bazică de manifestare şi interconexiune reciprocă.

În al doilea rând, inițierea transformărilor democratice, ca componentă generală a tranziției, caracteristică pentru toate țările spațiului postcomunist, la fel are specificul său în cazul Republicii Moldova. Dacă punctul de pornire spre democrație aici este comun cu cel al altor țări din acest spațiu – demontarea sistemului totalitar – atunci inițierea de mai departe a reformelor întru-câtva se deosebeste. Astfel, în țările Europei Centrale şi de Est schimbările au fost inițiate ”de jos” de către mase şi susținute în cele din urmă „de sus”, de către elite, ajungându-se la un mecanism pozițional al tranziției mai mult sau mai puțin acordat. Invers, în Noile State Independente (CSI) observăm că aceleaşi schimbări sau inițiat „de sus”, ca urmare a perestroicii gorbacioviste, rămânând mai mult în sfera politcă, fără un impact benefic asupra vieții economice şi sociale şi, respectiv, fără susținerea în masă a celor conduşi.

În această ordine de idei specificul Moldovei constă în faptul, că transformările democratice propriu-zise au fost inițiate de jos, întrucât nomenclatura comunistă de partid şi de stat s-a arătat a fi ostilă față de restructurare, se împotrivea cu înverşunare inițiativelor de democratizare venite de la Moscova. Acest fapt a generat entusiasmul maselor, apariția mişcărilor în susținerea restructurării, desfăşurarea Marilor Adunări Naționale, care şi lansau inițiativele schimbării. Însă după destrămarea Uniunii Sovietice inițiativa transformării este reluată şi dominată de către cei de sus, împovărați de mentalitatea □i deprinderile vechi, fără a corespunde nevoilor celor de jos. Astăzi, după mai bine de 20 de ani de transformări constatăm că între inițiativele de sus şi de jos nu a existat o reciprocitate care să faciliteze reformele.

În al treilea rând, componenta teleologică a transormării democratice diferă în condițiile Republicii Moldova de cea din multe țări în tranziție prin semnificațiile sale opuse. Astfel, în anii de independență a țării, indiferent de coloratura guvernării şi opoziției, am asistat la o alternativitate de scopuri, la promovarea simultană a unei multitudini de scopuri, fapt ce a generat multiple probleme, chiar irezolvabile, fie în planul echilibrelor structural-teleologice sau în cel al

căutării mijloacelor respective. De aici şi apare fenomenul maximalizării scopurilor, adică deplasării unor scopuri dincolo de limitele rezonabile, când unii actori şi agenți au tins să se bucure de mai mulă sus□inere decât este posibil.

Diferitele scopuri şi orientări au debusolat în mare măsură populația țării. E vorba de câteva orientări. Pe de o parte, sistemul conducerii de stat se orientează spre reîntegrarea țării şi restabilirea structurii ei politice şi economice, spre promovarea de transformări democratice în întreg spațiul moldav, ceea ce presupune soluționarea conflictului transnistrean. Pe de altă parte,conducerea regimului secesionist de la Tiraspol, susținut de forțe din exterior, a militat şi militează în continuare pentru păstrarea şi consolidarea republicii moldoveneşti nistrene ca stat aparte, respingând astfel inițiativele rezonabile de unificare a țării şi de edificare a democrației.

De asemenea, pe parcurs, am fost martorii unor ciocniri permanente între guvernare şi opoziție vis-a-vis de vectorii politicii externe şi, respectiv, de direcțiile politicii interne de democratizare. Guvernarea precedentă, care în prezent se impune în calitate de opoziție comunistă, s-a □i se orientează preponderent spre Est, în particular, spre Rusia. Invers, fosta opoziție democratică, care astăzi e la guvernare (AIE-1 şi AIE-2), are drept punct prioritar de orientare eurointegrarea.

O influență preponderent negativă asupra evoluției democratice a Republicii Moldova o are discordanța între scopuri şi mijloace (primele în majoritatea lor sunt de natură democratică, iar mijloacele sunt prioritar autoritare), scopuri şi procese. Astfel de discordanțe, caracteristice în mod specific tuturor guvernărilor moldovene de până acum, au stopat reformele democratice.

În al patrulea rând, cea mai controversată componentă a transformării democratice în cazul nostu este procesul acesteia. În funcție de încărcătura neadecvată a diferitor scopuri şi de caracterul autoritar al mijloacelor, procesul democratizării în Republica Moldova deocamdată nu a îndreptățit aşteptările. Aceasta se explică în mare parte prin deficitul de liberalizare. Adică democratizării societății moldoveneşti în tranziție nu i-a premers o liberalizare prealabilă la nivel care să faciliteze instaurarea democrației.

E binecunoscut faptul, că liberalizarea şi democratizarea sunt două elemente ale unuia şi aceluiaşi proces. Ele se completează unul pe altul şi interacționează chiar şi după ce democrația se instaurează. In acest sens, dacă urmărim desfă□urarea evenimentelor în cei opt ani de guvernare comunistă atunci constatăm existența în Republica Moldova a democrației neliberale, chiar antiliberale, în cadrul căreia liderii aleşi de popor reprimau libertățile civile ale acestuia. Dar şi după venirea la putere a guvernării liberal-democratice (AIE-1 şi AIE-2) democrația nu a acumulat deocamdată o încărcătură liberală în sens propriu, cauza fiind neînțelegerile şi lipsa de conlucrare democratică în rândurile Alianței. Membrii acesteia nu au însuşit încă lecția colaborării în

coaliție, fapt dovedit în mod convingător de relațiile tensionate în perioada alegerilor locale din 2011, precum și în perioada alegerilor prezidențiale din decembrie 2011 și martie 2012.

Totodată, se ştie că în cadrul procesului nici un scop nu reuşeşte să se realizeze întocmai aşa cum a fost programat, fără unele abateri, argument confirmat şi de mersul reformelor democratice în Republica Moldova. De aceea, procesul în cauză necesită a fi în vizorul permanent al factorului de decizie și a societății în general, necesită o expertiză ştiinţifică a căilor şi metodelor de implementare a noului şi, respectiv, o corecţie, în cazul devierilor, a cursului reformării. Spre aceasta şi este orientat astăzi efortul guvernării liberal-democratice.

În al cincilea rând, drept componentă generală cu caracter sintetic a transformării democratice este rezultatul acesteia. În cazul nostru rezultatul întruchipează scopuri nerealizate pe deplin, mijloace care în mare măsură contravin scopului nobil programat, incertitudini ale procesului de reformare. Din acest considerent rezultatul transformărilor este la fel de incert, ceea ce corespunde în deplină măsură constatărilor savantului american A.Przeworski, care menţiona că trecerea spre democraţie şi, respectiv, însăşi democraţia ca rezultat final este o „împărăţie a incertitudinii" [3, 47-63].

Deci, în ţările de tipul Moldovei unde situaţia a rămas mult timp fără progrese, incertitudinea este factorul particular principal al transformărilor democratice. Sunt necesare căi reale de ieşire din incertitudine, căi ce depind nu doar de raţionalizarea sferei politice, ci şi a celei economice, sociale etc.

O altă tendinţă principală a transformărilor democratice din spaţiul moldav, care de asemenea o examinăm prin prisma dimensiunilor generale și particulare, constă în caracterul lor relativ îndelungat, anevoios şi neunivoc, fapt ce corespunde concepţiilor tranzitologice actuale. Atare caracter nu exclude şi mişcări înapoi. Conform acestor argumente în concepţiile nominalizate tranziţia şi, respecttiv, transformarea democratică sunt examinate în calitate de proces etapizat cu logica sa şi cu particularităţile sale de manifestare. În asemenea situaţie acelaşi A.Przeworski socoate procesul democratizării drept unul cu două trepte: „ieşirea din regimul autoritar (totalitar - V.S.) şi crearea regimului democratic" [4, 67]. În viziunea cercetătorului prima treaptă nu conduce obligatoriu la cea de a doua, fiindcă constituirea democraţiei este doar unul din rezultatele posibile ale căderii regimului vechi.

Aprofundând ideea despre două trepte ale transformărilor democratice şi adaptând-o la specificul Europei de Est alţi savanţi lansează teza despre divizarea tranziţiei postcomuniste în două procese diferite. E vorba despre distrugerea structurilor autoritare (totalitare - V.S.), existente până acum, şi de crearea unor structuri politice noi care să ocupe locul celor de altădată [5, 113-138].

Însă tranzitologul rus G.Vainstein, analizând în mod detaliat legită□ile transformărilor postcomuniste, pe drept consideră că de rând cu constatările sus-men□ionate destul de generale, dar principiale, în literatura politologică actuală există şi concepţii mai complexe care pot sluji drept bază teoretico-analitică pentru întreaga gamă de procese tranziţionale contradictorii ale lumii postcomuniste [6, 136-170]. În acest context accentul se pune pe două noţiuni-cheie lansate de către savanţii tranzitologi din Vest G.O'Donnell şi Ph.Schmitter – „tranziţia spre democraţie" (transition) şi „consolidarea democraţiei" (consolidation). O'Donnell, de exemplu, socoate că procesul general al democratizării se înscrie în două tranziţii succesive [7, 18]. Prima (transition) conduce spre constituirea guvernului democratic, adică spre formarea bazelor instituţionale ale sistemului democratic, care să asigure alternanţa puterii prin intermediul procedurilor democratice. A doua tranziţie (consolidation) se identifică cu consolidarea democraţiei sau cu funcţionarea eficientă a regimului democratic, când are loc familiarizarea majorităţii populaţiei cu valorile democratice, socializarea ei.

Raportarea acestor raţionamente la transformările din Republica Moldova, la fel şi la cele din alte ţări postcomuniste, pare a fi binevenită. Totodată, în literatura politologică din spaţiul ex-sovietic sunt cam pripite unele concluzii pesimiste privind „rezultatele" democratizării din spaţiul respectiv. În primul rând, orice concluzii ale noastre despre „rezultatele" democratizării nu pot fi juste dacă nu le vom conforma etapei concrete a democratizării. În al doilea rând, e necesar a ţine cont de faptul că în Republica Moldova, de rând cu alte ţări postcomuniste fără progrese în domeniul transformării, pe prim plan se impun deocamdată solu□ionarea pe deplin a sarcinilor primei etape a democratizări – adică celor legate de constituirea bazelor instituţionale ale sistemului politic. De exemplu, aici e departe de a fi definitivat procesul constituirii sistemului politico-partiinic, ca sistem de bază din cadrul primei etape.

Cât priveşte sarcinile etapei de consolidare a democraţiei, ele au deocamdată o pondere slabă în cazul nostru, fiindcă însăşi formarea în societate a unui consens vis-a-vis de normele şi regulile funcţionării sistemului democratic se confruntă cu dificultăţi serioase. Dacă şi apare element al consensului, el are, după cum ne-a demonstrat practica politică de până acum, mai mult un caracter impus, de conjunctură, care nu se actualizează îndeajuns de către cei ce conduc (de exemplu, consensul din 2005 între guvernarea comunistă şi opoziţia democrată), fiind folosit în special în interese înguste.

Mai mult decât atît, după alegerile parlamentare din aprilie şi iunie 2009 şi după evenimentele din 7 aprilie a aceluiaşi an, când absoluta majoritate a tineretului a respins hotărât valorile guvernării comuniste, consensul între putere şi opoziţie nu a mai avut şanse să fie atins. Acest fapt s-a soldat cu alegeri parlamentare anticipate în anii 2009-2010, precum □i cu boicotul din partea

frac□iunii comuniste a alegerii □efului statului de către Parlament în anii 2010-2012.

Astfel, când evaluăm perioada în care se află astăzi Republica Moldova e important a lua în seamă gradul de realizare a sarcinilor primei etape a transformărilor ce □ine de constituirea democra□iei □i gradul de con□tientizare □i chiar de implementare a unor sarcini a etapei a doua, axate pe consolidarea democra□iei. Chiar dacă ambele grupe de sarcini □i se desfă□oară practic concomitent, fapt confirmat □i de al□i autori [8, 115-124], aceasta nu trebuie să ne reorienteze aten□ia spre concluzia cum că astăzi ne aflăm deja în perioada consolidării democra□iei. Cum n-ar fi de dorit să afirmăm dar în prezent ne aflăm într-o situa□ie paradoxală, când democra□ia se zbate între prima □i a doua perioadă, când coexistă în mod ciudat componenta sa de constituire, cu multe abateri de la normal, □i componenta sa de consolidare, pătrunsă prioritar de element declarativ.

Totodată, la cele menționane e necesar a remarca faptul că constituirea şi consolidarea democrației, ca două etape ale democratizării, pot fi realizate cu succes doar dacă premerge cu adevărat etapa liberalizării, ceea ce deja s-a abordat mai sus. Astfel, liberalizarea poate fi considerată atât etapă, cât □i proces la fel de continuu ca şi democtratizarea. Ambele corelează între ele, dar şi se manifestă simultan într-o dublă ipostază. În consecință putem afirma că, caracterul relației dintre liberalizare □i democratizare determină în mod esențial specificul transformărilor din Republica Moldova.

Or, liberalizarea şi democratizarea au o pondere reală în circuitul transformațional nu doar prin parametrii lor instituționali şi comportamentali, legați de „transition” şi „consolidation”, ci şi prin manifestarea parametrului socio-psihologic. Acesta din urmă se caracterizează prin gradul de percepere a instituțiilor politice existente, ca instituții acceptabile care nu au alternative legitime în constituirea şi consolidarea democrației. La capitolul socio-psihologic transformarea democratică din Republica Moldova are multe restanțe, fapt ce va fi supus unei analize speciale în cadrul altor tendințe ce vor fi abordate în continuare.

La tendințele de prim ordin ale transformării raportăm, de asemenea, asimetria scopurilor legată de caracterul ei triplu: politic, economic şi teritorial. Ne referim la trinomul sistem politic pluralist – economie de piață – statalitate nouă, care în literatura de specialitate este abordat de mai mulți tranzitologi [9, 865-892; 10, 1-36; 11, 92]. În particular, V.Bunce menționează, că postcomunismul e ceva mai mult decât tranziția spre democrație; el este o revoluție care se extinde spre politică, economie şi viața socială. În opinia politologului american Ph.Roeder postcomunismul se distinge prin trei revoluții: politică, care distruge regimul autoritar; economică, care conduce spre schimbarea sisitemului economic administrativ cu economia de piață; națională, care pune începutul noului stat național [12, 743]. Astfel de revoluți, consideră savantul, au zguduit țările

Europei de Vest în secolele XVIII, XIX până la începutul secolului XX, pentru ca spre sfârşitul acestuia să se răspândească aproape simultan asupra a nouă state comuniste. În locul lor au apărut 28 de state cu un sistem sociopolitic nou.

Raportându-le la Republica Moldova, revoluțiile nominalizate, au un caracter profund, trivalent, cu manifestări particulare. E vorba de o tranziție concomitentă de la dictatura totalitară la democrație, de la economia de comandă la piața liberă; de la o republică cu statalitate limitată în cadrul unui imperiu la stat național. Această tranziție triplă era însoțită de o povară grea a moştenirii totalitare, precum şi un şir de probleme specifice Moldovei, generate de renaşterea națională; de manifestarea secesionismului transnistrean şi, respectiv, de încălcarea integrității teritoriale a □ării; de înghețarea conflictului transnistrean şi tărăgănarea procesului de reintegrare a Republicii Moldova; de nivelul scăzut al economiei naționale; de deficitul tradițiilor democratice şi experienței reformatoare de tip nou etc.

Aceste şi alte probleme împiedicau substanțial realizarea reformelor democratice. Totodată, desfăşurarea procesului democratic depindea în mod direct de posibilitatea soliționării unor scopuri cu totul diferite după natura lor.

Conştientizarea fenomenului reformării simultane de natură politică şi economică ocupă un loc aparte în concepțiile tranzitologice actuale privind dezvoltarea postcomunismului. Abordat prin prisma politicului şi economicului fenomenul dat a căpătat în literatura de specialitate semnificația unei tranziții duale, fapt confirmat de cercetătorii americani J.Linz, R.Duch, P.L.Berger, J.Weintraub ş.a. De exemplu, J.Linz considera încă la începutul anilor '90 că toate tranzițiile în fostele țări comuniste se deosebesc în mod fundamental de acelea care sau desfăşurat în Vest prin existența economiei socialiste centralizate, ineficiente. Acestor țări le revine să realizeze reforme economice şi tranziții spre o anumită formă a economiei de piață concomitent cu realizarea reformelor politice. Transformările sistemului economic se confruntă cu deficite mult mai mari decât transformările politice, în mare parte din motivul inexistenței deocamdată a modelelor de trecere de la o economie de comandă la economia de piață şi la o anumită formă a capitalismului [13,156]. Deci, istoria ne demonstrează că marturizarea treptată a capitalismului prin economia de piață întotdeauna a premers apariției instituțiilor democratice, fiind o condiție şi totodată un catalizator de constituire a formelor democratice de guvernare.

Astăzi însă modelul interconexiunii între transformările economice şi politice se impune drept experiment unic, fără precedent în istoria economică şi politică, experiment care întruchipează în sine întreaga gamă de contradicții interne ale „tranziției duale". În acest sens relația între transformările democratice şi cele ale pieții are un caracter asimetric, adică „capitalismul este o condiție necesară, deşi insuficientă, a democrației, pe când democrația nu e unica premiză a capitalismului [14, 5]. După cum ne demonstrează practica socială a unor țări,

capitalismul actual nu asigură terenul direct în favoarea democrației. El se acomodează la forme autoritare de conducere şi, chiar, poate să prospere în unele sisteme nedemocratice.

Astfel, în lumea postcomunistă, între scopurile edificării democrației şi a economiei de piață apar divergențe, tensiuni, care fac a fi destul de anevoiosă transformarea radicală, simultană, a două sisteme: economic şi politic. Mai mult, unii cercetători consideră drept imposibilă simultaneitatea a două tranziții [15, 267-274], motivând-o, pe de o parte, prin deficitul de capacităti de consens a sistemului democratic în noile democrații de a lua şi a implementa, la timp, în mod hotărât, decizii necesare reformării economice, iar pe de altă parte, prin consecințele negative ale transformării economice asupra democratizării politice, consecințe întruchipate, de acemenea, în înrăutățirea condițiilor de viață a maselor largi, în creşterea instabilității sociale şi materiale a diferitor segmente ale populației.

Atare situație confuză a relației dintre transformarea politică şi economică are în condițiile Republicii Moldova o pondere reală, fapt ce frânează procesul democratizării oferindu-i acestuia, precum şi scopului democratic, diformități şi devalorizări de sens. În cei 20 de ani de tranziție țara a avut parte şi de privatizări ilicite, rămase, în mare parte, nesancționate de către putere; şi de privatizări oficiale, dar ineficiente după rezultatul lor, chiar antipopulare; şi de retragerea prematură a statului din unele ramuri ale economiei (din motivul privatizării) în care controlul statal trebuia păstrat şi optimizat; şi de intențiile autoritare ale puterii, soldate cu monopolizarea vieții economice (indeosebi în cei opt ani de guvernare comunistă); şi de lipsa de consens între putere şi opoziție vis-a-vis de realizarea la timp a reformelor economice; şi de greşelile comise în timpul guvernărilor de coaliție (ADR, AIE-1, AIE-2) privind modernizarea consecventă a economiei; şi de procedurile îndelungate ale târgului politic între forțele liberal-democratice, privind coordonarea eforturilor şi identificarea compromiselor în crearea şi funcționarea AIE-2, în alegerea □efului statului etc.

Actualmente, când relațiile din cadrul AIE-2 deseori devin aproape la fel de tensionate ca şi acelea dintre puterea democratică şi opoziția comunistă, când unii membri ai Alianței doresc să capete dividende în defavoarea altor membri, să se considere pe sine unicii care respectă prncipiile şi valorile democratice, e problematic a asigura compatibilitatea reformelor din sfera politică şi economică. Marele paradox al Alianței actuale ca şi cel al Alianței din anii 1998-2000, este lipsa de unitate şi de colaborare reciprocă în reformarea societății şi a statului.

Desigur, teza despre incompatibilitatea transformării concomitente a economiei şi politicii, lansată încă în anii 90 în tranzitologia contemporană, nu înseamnă că țările de tip Moldova sunt sortite să se afle în permanență în „impasul incompatibilității”. Depăşirea acetuia e posibilă pe calea „avântului

democratic”, ca prim pas spre economia de piață şi nu prin acțiuni nepopulare a unei puteri autoritare, care doreşte să asigure transformări economice radicale.

Un alt moment important în această ordine de idei este de a ține cont de specificul statal, regional în realizarea reformelor. De bună seamă nu pot fi metode unice de depăşire a incompatibilității celor două tranziții pentru toate țările în schimbare. Pentru majoritatea țărilor postcomuniste, inclusiv Republica Moldova, mai bine se potriveşte modelul unor reforme economice impulsionate de un nivel adecvat de democratizare. Adică, reforma politică trebuie să fie primară, baza reformei economice. Necesitatea acestui deziderat este confirmată şi de situația actuală din Republica Moldova, când lipsa unui consens democratic, organizat şi instituționalizat în alegerea şefului statului pe parcursul anilor 2010-2011 sa răsfrâns în mod negativ asupra vieții sociale în general şi a celei economice în particular.

Desfăşurarea şi realizarea transformărilor democratice sunt determinate n ultima instanță de rolul factorului subiectiv, ca tendință decisivă a oricăror evoluții sociale. A aprecia la justa valoare esența acestei tendințe, caracterul ei determinant, este o problemă teoretică dificilă a tranzitologiei contemporane.

Actualmente, odată cu creşterea complexității procesului democratic, cu apariția, constituirea şi consolidarea a ”noi democrații” în spațiul central şi est-european, rolul factorului subiectiv în dezvoltarea socială se impune sub aspect nou, care, desigur, trebuie perceput şi interpretat în conformitate cu noile realități. Ce reprezintă astăzi acest factor? Care sunt capacitățile lui de democratizare a vieții politice în condițiile Republicii Moldova? Vom răspunde la aceste întrebări ținând cont de exigențele ştiinței politice actuale.

Unu, dacă pe parcursul a trei decenii(începutul anilor 60-sfârşitul anilor 80 a secolului trecut) rolul factorului subiectiv în dezvoltarea socială era interpretat preponderent prin prisma „concepției culturologice”, lansată de către G.A.Almond şi S.Verba [16] încă la începutul anilor ’60 (axată pe interconexiunea sistemului democratic, conştiinței de masă şi culturii politice), atunci, în ultimul deceniu al secolului XX pînă în prezent pe prim plan se impune teoria „alegerii posibile”, care vine să argumenteze ideea despre rolul primar al elitei față de mase în transformarea sociopolitică. Reprezentanții acestei teorii Ph.Schmitter, G.O’Donnell, A.Przeworski şi alții consideră că apariția” noilor democrații” a fost generată de încheierea pactelor între reprezentanții diferitor grupuri elitare şi nu de inițiativele maselor.

Doi, ajustarea teoriei sus-menționate la procesul transformațional din Republica Moldova ne demonstrează că rolul elitelor de aici, în comparație cu cel din țările Europei Centrale şi de Est, este mai degrabă negativ. Anume elita politică moldovenească, ca de altfel şi din alte țări CSI, a fost aceea care prin desele sale confruntări pentru putere, prin lipsa de unitate şi de colaborare vis-a-vis de realizarea transformărilor democratice, a făcut ca țara să se împotmolească

într-o tranziție paralizantă, să dispună de perspective modeste de a ieşi din criză şi sărăcie [17, 13-14]. Orientarea doar spre conflict, intoleranța față de alte scopuri şi idei şi alte trăsături negative, caracteristice reprezentanților elitei, indiferent de coloratura politică, nu a permis de a aplica în condițiile Moldovei o strategie eficientă a tranziției de pact. Alianțele de până acum au avut mai mult un caracter artificial, cu tendințe ale unor membri de a căpăta avantaje doar pentru sine. Atare situație şi frânează procesul democratizării.

Trei, relația între diferite grupuri ale elitei politice din Republica Moldova, reflectă o fragmentare evidentă a culturii politice, particularități ale mentalității şi comportamentului caracteristice unei societăți dezbinate. Transformările gen moldovenesc sunt determinate în mare măsură de coliziunile mentalității şi comportamentului, de frecventele discordanțe înre cuvânt şi faptă, declarații democratice şi comportament nedemocratic. Ataşamentul elitelor la valorile demoratice şi la principiile economiei de piață pe departe nu garantează promovarea în realitate a acestor valori şi principii. În acest sens, cultura politică a elitelor are mult comun cu cultura politică a maselor, întruchipând în sine toată complexitatea, dar şi absurditatea culturii politice dominante în societate, stereotipurile, erorile şi orientările ei. Drept rezultat, suntem martorii unor combinări neobi□nuite între fenomenul transformării democratice şi fenomenul culturii politice, mentalității politice şi comportamentului politic. Mai mult, corelațiile ciudate între aceste fenomene au dat naştere unui şir de paradoxuri: al „jefuitorilor", „hrăpăreților", „mutanților", „staierilor rătăcitori", "simulan□ilor" în anii '90; „comportamentului politic nedeterminat", „răzbunării şi răspunsului cu aceiaşi monedă", "negării alternan□ei la putere", „aşilor din mânecă", „trădătorilor politici" etc. în ultimii 10-12 ani [18, 56-57; 19, 193-204].

Generalizând aceste paradoxuri şi adaptându-le la procesul transformării democratice din Republica Moldova şi din alte țări ale spațiului CSI constatăm un fenomen original – apariția „democrațiilor fără democrați". Atare fenomen caracterizează nu doar elitele politice ci şi păturile largi ale cetățenilor, fapt demonstrat în mod evident de cei opt ani de guvernare comunistă, dar şi de situația prezentă, când Partidul Comuniştilor din Republica Moldova, deşi este în opoziție se bucură de susținerea a mai bine de 40% din populația țării. Totodată, sintagma „democrație fără democrați" poate fi atribuită într-o oarecare măsură şi guvernării liberal-democratice, fiindcă relațiile interne din cadrul acesteia, precum şi unele rezultate ale activității sale nu corespund valorilor şi principiilor democratice.

În sfârşit, tendința-cheie în desfăşurarea transformărilor democratice, considerată drept sintetică, este nivelul relativ scăzut de dezvoltare a societății civile, de antrenare a ei în procesul democratizării. Desigur, impulsul democratizării venit din partea acestei societăți în lumea postcomunistă este diferit. Dacă în Europa Centrală şi de Est revoluțiile din 1989 şi transformările de mai departe

au fost în mare măsură un triumf al proiectului societăţii civile, atunci în fosta Uniune Sovietică şi ulterior în statele ex-sovietice rolul „poporului” şi organismelor sale civile a fost mai curând ambiguu [20, 205].

Slăbiciunea societăţii civile în Republica Moldova reprezintă o limitare semnificativă pentru democraţie, fapt ce îşi are rădăcinile încă din sistemul totalitar-comunist, care reprima orice iniţiativă civilă, dar şi din perioada de trecere spre democraţie, când lipsesc tradiţii civile, experienţă civică de transformare. Cu atât mai mult, că astăzi există şi poziţii simpliste în interpretarea rolului acestei societăţi. Uneori, chiar, se pune semnul egalităţii între societatea civilă în devenire şi fenomenul democraţiei. În acest sens este important a ţine cont de poziţia lui L.Daimond, care consideră necesar de reexaminat interpretările unilaterale de altădată a rolului societăţii civile în procesele democratizării şi de conştientizat nu doar aportul ei în constituirea democraţiei, ci şi contradicţiile şi tensiunile pe care ea le creiază. În opinia noastră transformările democratice de mai departe din Republica Moldova necesită raţionalizarea structurilor societăţii civile, acumularea de noi cunoştinţe şi deprinderi civile, optimizarea organizaţiilor şi grupurilor de bază, independente ale cetăţenilor. Totodată, sunt necesare măsuri de perfecţionare a colaborării statului cu societatea civilă, de profilare a unui parteneriat real între ei.

Bibliografie:

1. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.46, ч.I
2. Гегель Г.Ф.В. Феноменология духа. // Гегель Г.Ф.В. Сочинения. - Москва, 1959
3. Przeworski A. Some problems in the study of the transition to democracy. // Transition from Authoritarian Rule: Prospects of Democracy. Pt.I-IV. – Baltimor and London: John Hopkins Univesity Press, 1986
4. Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Easten Europe and Latin America. - Cambridge, 1991
5. Bova R. The Political Dynamics of of the Post-Comunist Transition. A Comparative Perspective. // World Politics, vol.44, N1, October 1991
6. Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций. // Политические институты на рубеже тысячилетий. - Дубна, 2001
7. O’Donnell G. Transitions, Continuities and Paradoxes. // Mainwaring Sc., O’ Donnell G., Valenzuela (Eds.) Issues in Democratic Consolidation. The New South American Democracies in Comparative Perspective, 1992
8. Cola□chi A. Criza politică □i consolidarea democra□iei în Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.1 (LII), 2011. – Chisinau, CEP USM, 2011

9. Offe Cl. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in Est and Central Europe. // Social Research, vol.58, Winter 1991

10. Nelson J.M. How Market Reforms and Democratic Consolidation Affect Each Other. // Nelson J.M. et al. (Eds.) Intricate Links: Democratization and Market in Latin America and Eastern Europe. - New Brunswick, 1994

11. Bunce V. Comparing East and South. // Journal of Democracy, vol.6, N3, 1995

12. Roeder Ph.G. The revolution of 1989: Postcommunism and the Social Sciences. // Slavic Review, vol.58, N4, Winter, 1999

13. Linz J. Transitions to Democracy. // Washington Quarterly, Summer 1990

14. Berger P.L. The Uncertain Triumph of Democratic Capitalism. // Diamond L., Plattner M.F. (Eds.). Capitalism, Socialism and Democracy Revisited. - Baltimore, 1993

15. Elster J. The Necessity and Impossibility of Simultaneous Economic and Political Reforms. // Greenberg D. et al. (Eds.) Constitutianolism and Democracy: Transitions in the Contemporary World. - New York, 1993

16. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. - Princeton, 1963

17. Filipescu N. Occidentalizarea postcomunistă. - Iaşi: Polirom, 2002

18. SacaV. Interese politice şi relații politice: dimensiuni tranzitorii. – Chişinău, 2001

19. Saca V. Fenomenul transformării democratice între mentalitate şi comportament. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.1(LII), 2011. – Chişinău: CEP USM, 2011

20. Grugel J. Democratizarea. O întroducere critică. - Iaşi: Polirom, 2008

Prezentat la redac□ie
la 18 februarie 2012

DEMOCRATIZAREA PROCESULUI POLITIC AL SOCIETĂ□II: ASPECTE RETROSPECTIVE, EXPLICARE CONCEPTUALĂ □I DIMENSIUNI IDEOLOGICE.

Ion SANDU
Republica Moldova, Chi□inău, Universitatea de Stat din Moldova, facultatea Rela□ii Interna□ionale, □tiin□e Politice □i Administrative, catedra de Politologie
Doctor în istorie, profesor

The democratization process is evolving and democracy affirmed itself in the constant strugle for and against it practical in most countries of the world, especially in those where only in the late of 20th century began to carry out a string of lawsuits and the unavoidable, to circumvent the historical development which would not have been possible to democracy. Universalisation of the democratization process have contributed many international processes: cold war ended and measures to end the arms race and expanding economic exchange, cultural, information on the global scale. Types of democracy are based on different institutional levels and by different criteria. At the state level, according to legal and institutional criteria, its type is determined by relations between the legislative, executive, and judiciary functions. In Parliamentary republics and constitutional monarchies the executive power depends on the Legislative. In the Presidential form of government head of state is elected by the entire nation, it forms the Government and may be in his forehead. In the semi presidential form of government the President is elected by the people and shares executive power with the Prime Minister.

In the Republic of Moldova from 1994 to 2001, the form of Government was Semi-presidential. Currently officially it is considered to be parliamentary republic because the president is elected by the parliament, but in fact is neither parliamentary nor Semi-presidential, because the powers of the head of State are the same as in the Semi-presidential republics. Democratization of the political process of society largely depends on the ideological direction of the political parties that govern. From this point of view we can speak of several dimensions of democracy, particularly liberal, consevatism, social and Christian.

No□iunea de democra□ie – etimologic provine de la grecescul ”demos” (popor) □i ”cratos” (putere) sau puterea poporului, una din principalele forme de guvernare, de organizare politică □i socială a societă□ii, a statului □i puterii, regim politic care se dezvoltă □i progresează în aspect istoric, îndeosebi legat de formele republicane de guvernare. Democra□ia, democratizarea □i

democraticul în □tiin□a politică sunt categorii omogene, dar în acela□i timp diferite. Democratizmul caracterizează regimul, modelul guvernării, metodele folosite, formele rela□iilor politice □i comportamentul puterii statale. De aceea democratic, în principiu, regimul politic poate fi nu numai într-o □ară guvernată printr-o formă republicană, ci □i în una guvernată printr-o formă monarhică, îndeosebi, monarhiile contemporane, constitu□ionale în care monarhul are un rol simbolic, o valoare nominală (de exemplu Marea Britanie, Belgia, Japonia etc.). De aici putem vorbi despre societă□i democratice cu forme republicane □i monarhice de guvernare, dar cu regimuri politice asemănătoare.

Democra□ia e cunoscută în istoria omenirii undeva mai degrabă decît alte forme (monarhice) de organizare politică a societă□ii: democra□ia comunei primitive, democra□ia militară de trib în etapele prestatale de dezvoltare a societă□ii umane. Formele democratice de guvernare au fost bine recunoscute lumii antice. În Grecia Antică ele mult timp se alternau cu diferite forme monarhice: despotice, tiranice; în Roma Antică timp de cîteva secole, democra□ia republicană a precedat guvernări de tip imperial monarhic. În epoca Medievală deseori □i perioade îndelungate apăreau ora□e-state democratice în forme de adunări populare de tip feudal □i feudal-teocratic. În feudalismul Medieval, îndeosebi din vest, în cadrul guvernărilor monarhice se păstrau organele puterii mo□tenite de la municipiile romane □i se formau din nou conven□ional institu□ii democratice de autoadministrare locală – parlamente provinciale ale stărilor sociale cu o guvernare în forma□iune incompletă, par□ial aleasă şi par□ial fundamentată pe privilegii. Nu dispăruse □i formele directe, pleibiscitare (de□i pe departe nu deplin democratice) de guvernare, de exemplu, adunările bărba□ilor din cantoanele Elve□iei, care s-au păstrat în unul din ele până □i în zilele noastre; adunările nobililor □i reprezentan□ilor claselor privilegiate în vechea Rusie; soborurile biserice□ti, organe ale puterii colective în mediile mai izolate, dar □i celor care pretindeau la expresia reprezentan□ilor poporului în structurile biserice□ti.

A□adar, democra□ia prezintă un proces istoric, analogic procesului realizării altor valori universale – echitate, egalitate, responsabilitate, care este infinit, dar real □i trece printr-un □ir de etape evidente fixate în □tiin□a politică. Cercetările consacrate acestei valori politice fundamentale permit să urmărim evolu□ia tipului democratic de guvernare □i să constatăm caracteristicile de bază ale democra□iei.

În teoria antică, aristotelică, cu privire la formele de guvernământ democra□ia prezintă guvernarea poporului, cetă□enilor (locuitorilor polisului). Democra□ia se deosebe□te de monarhie (autocra□ie) □i aristocra□ie (guvernarea unui grup limitat). Platon în tratatul ”Republica” numeşte cinci forme de guvernământ: aristocra□ia (guvernarea celor mai buni), timocra□ia (guvernarea

celor răi □i lacomi), oligarhia (guvernarea celor puternici □i înstări□i), tirania □i democra□ia, pe care o consideră ca rezultat al rebeliunii celor săraci, distrugând □i expulzând adversarii, împăr□ind cu cei răma□i puterea. În teoria platonică democra□ia se consideră ”guvernare numerică” □i ”guvernarea multor sau a mul□imii”. Platon deosebe□te forme bune □i forme proaste de guvernare, □i democra□ia o recunoa□te ca cea mai proastă dintre cele bune, dar mai bună dintre cele rele. În lucrarea ”Legele” Platon a adus aceasta la două forme de guvernare: monarhie □i democra□ie. Această împăr□ire sa păstrat pe parcursul a două milenii □i jumătate □i se recunoa□te contemporană □i azi. Ambele forme, din punctul de vedere a lui Platon sunt proaste: prima din cauza surplusului de putere, a doua din cauza surplusului de libertate. În tratarea aristotelică a democra□iei se eviden□iază □i o altă problemă esen□ială, nu mai pu□in importantă decât problema puterii □i libertă□ii, problema rela□iilor minorită□ii □i majorită□ii în democra□ie.

Aristotel destingea trei forme bune □i trei forme proaste de conducere a statului, în dependen□ă de faptul în folosul cui guvernează puterea, în interesele proprii sau ale societă□ii. Pe acest criteriu se deosebesc două forme de guvernămînt: guvernarea majorită□ii sau a celor mulți, care se deosebeşte de guvernarea unei persoane (monarhia) sau unui grup restrâns (oligarhia) □i este de fapt democra□ia, altfel spus guvernarea în folosul ”săracilor” cu aceea□ opozi□ie a tiraniei □i oligarhiei. În Evul Mediu □i tradi□iei mai târzie reprezentările despre democra□ie ca o guvernare a unei păr□i a poporului (celor săraci □i majoritară) cu cealaltă sa păstrat □i a devenit o problemă reală importantă a politicii contemporane – problemă a unită□ii democratice a societă□ii □i a valorilor democratice universale: egalitate, echitare, libertate □i drept, realizarea cărora sa arătat nu mai pu□in complicată, decât reorganizarea societă□ii □i puterii. Aristotel conturase rezolvarea acestei □i altor probleme ale democra□iei, el a elaborat principiile alternative a guvernării democratice: boga□ii □i săracii participă la guvernare în condi□ii egale; func□iile publice se ocupă în baza condi□iei averii mici; pot să ocupe func□ii publice to□i cetă□enii, excluzându-i pe cei care sunt supu□i urmăririi penale; la func□ii se admit cetă□eni cu drepturi depline (liberi, nu robii); care n-ar fi drepturile politice □i suveranitatea poporului, dar nu a legei este sfera ac□iunii ”demagogilor”, formă ”imorală” de guvernare populară. Necătând că în Antichitatea târzie, în perioada Medievală □i cea mai mare parte a Timpurilor Noi regimurile democratice au dispărut, concep□ia democra□iei în formulă aristocratică nu numai că s-a păstrat, dar □i s-a îmbogă□it în crea□ia multor gânditori politici. Jean Bodin la sfâr□itul secolului XVI în opera sa ”□ase căr□i despre republică” a eviden□iat defini□ia democratizmului, care s-a fixat □i a jucat un rol important în democratizarea politicii □i în lupta împotriva regimurilor absolutiste monarhiste.

Gândirea politică romantică târzie □i medievală a căutat o argumentare noua a democra□iei, ca putere a poporului încredin□ată monarhului, o originalitate democratică de legitimare a dreptului suprem unui personaj regal, sau altfel spus, scotea problema alegerii dintre monarhie □i republică, dispotie □i democra□ie. Persistă în acela□i timp în discu□ie □i problema: cui îi apar□ine legea – poporului, care-i încrede executarea ei monarhului sau stăpânitorului; este oare executarea puterii numai func□ia monarhului sau prerogativă originală, cui, la urma urmei, real îi apar□ine puterea, este oare transformarea ei numai o cedare temporală, sau ea este definitivă □i de nedespăr□ită □i rămâne în mânile monarhului (suveranului). În teoria democra□iei în acea perioadă se analiza problema izvoarelor puterii □i suveranită□ii ei, care în tratarea democratică se recuno□tea poporul. De acum în teoria politică a Greciei Antice □i epocii medievale lui îi apar□inea puterea principală-legislativă, □i tot atunci a apărut ideia distribuirii a două puteri fundamentale: a celei principale □i a doua, executivă, care se încredin□ează stăpânitorului. Această putere este derivată □i se delegează stăpânitorului în formă de mandat, care poate fi rechemat. Mai târziu, de acum în Timpurile Noi, J.Locke a perfec□ionat □i ideia suveranită□ii puterii legislative a poporului. În tratarea lui mai realistă ea se delega reprezentan□ilor poporului în parlament; a□a a apărut ideia de democra□ie reprezentativă. Din Evul Mediu □i perioada timpurie a Vremurilor Noi în teoria □i practica democra□iei au apărut a□a elemente fundamentale, ca suveranitatea poporului □i puterii, dar □i ideia □i practica rela□iilor contractuale, care reglau rela□iile acestor două fenomene suverane □i au permis să aplaneze conflictele dintre ele, □i prin urmare dintre puterea legislativă a poporului sau reprezentan□ilor lui □i puterii executive – exponent al mandatului încrederii.

În Timpurile Noi a apărut într-o formă mai concretă problema despre organizarea politică democratică □i corela□ia ei cu orânduirea republicană de stat □i încă mult timp, pînă la sfâr□itul secolului XVIII, republica se prezenta în două forme: aristocratică □i populară. Din trei forme de guvernare descrise de Ch.L. Montesquieu – republica, monarhia, despotia – republica e prezentată în două forme: aristocratică □i democratică, măcar că veritabilii virtuo□i republicani (J.J. Rousseau, M.Robespierre □i al□ii) o găsesc numai în guvernarea democratică. Concep□ia nouă a democra□iei în epoca iluminismului □i formării concep□iei liberale a politicii, Revolu□iei Franceze □i apari□ia primului document important al contemporanită□ii, a Constitu□iei Statelor Unite ale Americii, e legată în mai mare măsură, decât înainte cu ideia echitalită□ii, egalită□ii □i noii în□elegeri a libertă□ii, care a permis mai precis delimitarea democra□iei directe □i celei reprezentative. Libertatea participării directe în formularea legelor □i alegerea organelor puterii a primit o expresie maximală la adunările cetă□enilor. Libertatea contemporană e

individuală în relație cu statul, ea se manifestă nu în colectiv, dar nu ca voință colectivă. Aceasta e libertatea democratică de alegere. Dezvoltarea ulterioară a procesului democratic a devenit o întreagă epocă de luptă pentru universalitatea unei alegeri individuale (pentru dreptul de vot universal) și pentru aceia, ca această alegere să devină cu adevărat colectivă, adică a devenit expresia intereselor si voinței societății în întregime sau a grupelor sociale destul de importante (semnificative). Rezultat al acestei dezvoltări a devenit nu numai cucerirea libertății democratice de alegere a puterii reprezentative, dar și transformarea democrației directe în proceduri universale si tehnici posibile de aderare la unul din variantele părerii colective.

În lupta politică reală din secolele XVIII-XIX și în cercetările științifice de orientare liberal-democratică democrația s-a concretizat ca ansamblu de drepturi și libertăți cetățenești, sociale și politice: participarea în activitățile puterii politice, dreptul de a crea asociații, libertatea conștiinței, părerilor, deplasărilor, corespondenței etc., incluzând și drepturile omului la viață, securitate, muncă ect. Dezvoltarea democrației reprezentative a înaintat în această perioadă pe două direcții: extinderea dreptului de vot de la stări sociale, sensuri limitate (pe criterii culturale, de jen) până la dreptul universal și înmulțirea numărului organelor reprezentative de la legislative de stat până la organele reprezentative de autoadministrare locală (în același număr și economică în corporații și la întreprinderi) și terminând cu șeful statului. Altă direcție de democratizare a procesului politic a devenit crearea sistemului de garanții a democrației: politice, culturale, de drept, economice, ideologice. Garanții de mare importanță, condiție și în același timp ca urmare a democrației a devenit procesul formării societății civile și statului de drept în multe țări democratice. În acest context democrația nu este un fenomen izolat de alte procese sociale sau, mai precis, de dezvoltare, dar parte componentă a schimbării integrale a creșterii economice, progresului tehnico-științifice și forțelor de producție, formării societății civile, statului de drept și evoluției culturii, îmbinarea dezvoltării individuale și comunitare a omului și societății. Fiecare din aceste părți componente ale acestui proces cumul social – istoric este rezultat și în același timp condiție pentru dezvoltarea altor componente care-l alcătuiesc.

Parte componentă importantă a democratizării procesului politic al societății a devenit elaborarea procedurilor democratice universale, care caracterizează democrația contemporană: organul suprem al puterii legislative e necesar să fie ales de popor; în rând cu el trebuie să existe organe ale puterii și administrării mai inferioare, până la autoadministrarea locală: alegătorii trebuie să fie egali în drepturi, iar dreptul electoral – universal; toți alegătorii trebuie să posede drept egal al votului; votarea trebuie să fie liberă; alegerea din rândul alternativelor trebuie să se finiseze la toate nivelele cu majoritatea

voturilor, măcar că valoarea acestei majorită□i poate fi definită în mod diferit; hotărârea majorită□ii limitează dreptul minorită□ii; organul puterii trebuie să profite de încrederea altora, mai întâi de toate, importante prin rela□iile fa□ă de el □i organele puterii, care colaborează cu dânsul; rela□iile societă□ii □i organele puterii alese de ea trebuie să fie mituale □i simetrice cu garan□ia legei □i reac□iile alegătorilor, cu responsabilitatea delegată de ei purtătorilor puterii; democra□ia există sub un control social necontenit □i minu□ios; statul □i societatea elaborează mecanisme în vigoare (func□ionale) de prevenire □i lichidare a conflictelor la toate nivelele sociale □i politice: între ramurile puterii, între majoritate □i minoritate, grupurile sociale □i na□ionale, ora□ □i sat etc.

Procesul democratizării este în evolu□ie continuă □i democra□ia se afirmă în luptă permanentă pentru □i împotriva ei practic în majoritatea □ărilor lumii, îndeosebi în cele, unde numai la sfâr□itul secolului XX au început să se efectueze un □ir de procese necesare □i inevitabile ale dezvoltării istorice, ocolirea cărora n-ar fi fost posibilă democra□ia: formarea statalită□ii na□ionale, crearea structurilor de producere proprii, infrastructurilor sociale □i economice (sisteme de comunica□ie, transport, mass-media □i a.m.d), fundamente culturale, educa□ionale ale rela□iilor civile, politice □i alte transformări, care cu succes se cuprind în contextul comun al modernizării. Universalizării procesului democratizării au contribuit multe procese interna□ionale: terminarea războiului rece □i măsurile de a pune capăt cursei înarmărilor □i extinderea schimbului economic, cultural, informa□ional pe scara mondială.

Tipologia democratiei se intemeiază la diverse nivele institu□ionale □i pe diferite criterii. La nivelul statal, conform criteriului juridico-institu□ional, tipul ei se determină prin rela□iile dintre puterea legislativă, cea executivă □i func□iile puterii judecătore□ti. În republicile parlamentare □i monarhiile constitu□ionale puterea executivă depinde de cea legislativă, iar aceia de procesul electoral. Parlamentul □ine sub control activitatea guvernului □i poate să-l demită. În forma de guvernare preziden□ială □eful statului se alege de întregul popor, el formează guvernul □i poate fi în fruntea lui (SUA, Rusia). În forma de guvernare semipreziden□ială pre□edintele se alege de popor □i împarte puterea executivă cu primul ministru, care se propune de pre□edinte □i se afirma (validează) de parlament (Fran□a, România). În Republica Moldova din 1994 până în 2001 forma de guvernare a fost semipreziden□ială. Actualmente oficial se consideră parlamentară, fiindcă pre□edintele □ării se alege de parlament, dar de fapt nu este nici parlamentară şi nici semipreziden□ială, fiindcă împuternicirile □efului statului sunt acelea□i ca □i în republicile semipreziden□iale.

La nivel mai inferior, democratizarea procesului politic se determină prin sistemul partidelor politice din □ară: bipartidist □i multipartidist; sistemul monopartidism nu se consideră democratic. Altă caracteristică a procesului democratic este sistemul aranjării partidelor, cât de la guvernare, atât □i de opozi□ie, parlamentare □i ne parlamentare pe e□cherul politic (dreapta, centru, stânga).

Luând în considera□ie rela□iile dintre partidele politice, pozi□iile elitelor politice □i cultura politică a societă□ii se disting regimuri politice democratice centrifuge □i centripete, polarizate (pot fi partide care nu sunt de acord cu cursul partidului de guvernământ) □i nepolarizate. În structura politică □i ideologică a procesului democratic un rol deosebit îl joacă comportamentul □i organizarea elitelor politice, grupărilor guvernatoare sau pretendente la guvernare, care pot destrăma structurile democratice, concura sau încheia alian□e pentru a ob□ine acord în regim politic democrat omogen. A□a zisa ”democra□ia de conciliere (de aplanare)” în care se petrec tratative în structurile de vârf a partidelor, între liderii lor, care concurează în legătură cu direc□ia de dezvoltare politică a □ării sau constituirii guvernului, alegerei pre□edintelui într-o republică parlaentară, mai stabil decât conflictual, riscând cu institu□iile sale politice □i având aptitudine să se recunoască □i să permită instaurarea regimului politic autoritar.

Regimul politic democratic determină □i deosebeşte nu numai structurile institu□iilor superioare (macronivelele) ale puterii, dar □i structurile politice ale nivelului mediu ale aparatelor de stat, întreprinderilor □i organelor administrative. G.Almond deosebe□te în acest aspect trei tipuri de procese democratice: primul- cu nivel înalt de independen□ă a subsistemelor (partidelor, sindicatelor, grupurilor de presiune. SUA, Marea Britanie); al doilea, cu autonomie redusă (Fran□a, Italia); al treilea, cu autonomie minimală (Mexic).

Complicitatea rela□iilor □i structurilor politice democratice, reprezintă reflectarea unei problematici mai generale în rela□iile societă□ii □i statului, poporului □i puterii □i structurilor ei. Guvernările democratice spre deosebire de cele nedemocratice (totalitare, autoritare) nu le simplifică, prin procedeile lor violente □i primitive de presiune, ci le complică. Sensul istoric al complicită□ii este exclusiv: dinamica proceselor politice, mecanismele stabilizării politice corespund dinamicii dezvoltării societă□ii contemporane – flexibile, active □i care repede reac□ionează la interac□iunile interne □i externe a organizării politice a societă□ii democratice asupra stabilită□ii, unită□ii statale, hotărârii mai eficiente a problemelor importante de dezvoltare a societă□ii, decât cele aspre, greoaie, cu structuri învechite ale altor regimuri. Însă de la putere societatea, guvernarea democratică cere mai mult, decît de la cele totalitare □i autoritare, nu pur □i simplu percepere de a porunci □i de supunere, dar

educarea unei culturi deosebite de comportament politic □i a□a o cunoa□ere a ve□ii politice a societă□ii, care face omul să posede abilită□i de dezvoltare permanentă a democra□iei □i vie□ii în condi□iile ei. Cerin□e □i mai ample înaintează democra□ia organelor puterii, în deosebi, în situa□ii specifice de dezvoltare post-totalitară, post-comunistă a societă□ii.

Democratizarea procesului politic al societă□ii în mare măsură depinde de direc□ia ideologică a partidelor politice, care se aflǎ la guvernare. Din acest punct de vedere putem vorbi de mai multe dimensiuni ale democra□iei. Dimensiunea liberală, impune democra□iei in plan politic doua linii de for□ă: una la nivel individual ca spa□iu a moralei, în plan de comportament politic al fiecăruia în raport cu societatea; alta la nivelul raportului cetă□eanului cu statul. Libertatea personală în această dimensiune a democra□ie constă în toate acele drepturi, care garantează protec□ie individului în fa□a guvernământului. Libertatea civilă prevede dezvoltarea □i a altor canale libere, care indică activitatea □i paticiparea cetă□eanului la via□a statului. Această libertate trebuie să fie apărată printr-o lege fundamentală – Constitu□ia – care să se raporteze egal la to□i cetă□enii. Libertatea socială se referă la egalitatea de □anse. Este dreptul tuturor cetă□enilor de a ocupa o pozi□ie în cadrul societă□ii conformă cu statutul lor în func□ie de merite, pregătire □i capacită□i. În dimensiunea liberală a democra□iei se consideră că există două sfere de existen□ă separate – sfera publică (statul □i institu□iile lui) □i sfera privată (individul, societatea civilă □i institu□iile acesteia). În dimnsiunea liberală a democra□iei, problema crucială a fost □i este identificarea zonei de intersectare a statului cu sfera privată.

În democra□ia conservatoristă libertă□ile individuale se declară mai importante decât egalitatea, se neagă concentrarea puterii politice în mâinile mul□imilor, se insistă asupra teoriei organice a societă□ii, care să includă o ierarhizare a grupurilor □i a claselor, dar □i o cooperare între ele. Democra□ia conservatoristă de aici deduce ideea de comunitate □i interesele ei, care sunt mai presus decît interesele individuale. Această dimensiune a democra□iei î□i asumă un respect aparte, sacru pentru tradi□ie □i mo□tenirea culturală, proclamă ra□iunea □i proprietatea ca metode de rezolvare a problemelor sociale, consideră că religia, care este un bun cultural tradi□ional, trebuie să se bucure de respect, afirmă că omul este legat de comunitate, dar aceasta nu-i neagă libertatea, ci dimpotrivă, declară că numai prin comunitate există libertatea umană. Democra□ia conservatoristă prezintă o formă prin care comunitatea controlează puterea statului. Democra□ia, crede Burke, nu trebue să se realizeze neapărat prin alegeri, ci prin reprezentativitate, pentru că nu alegerile ci calitatea celor care reprezintă trebuie să fie sursa autorită□ii. În dihotomia individ-societate democra□ia conservatoristă optează clar pentru sociatate, făcând-o responsabilă de existen□a individului social.

Democra□ia socială nu este posibilă decât acolo unde puterea de stat este controlată de sociatatea civilă, iar statul devine un garant al controlului sociată□ii asupra puterii economice. Social-democra□ia define□te puterea economică nu ca exploatare a individului, ci satisfacerea tuturor nevoilor trebuie să fie scopul activită□ii economice. Social-democra□ia contemporană neagă orice influien□ă marxistă □i define□te liniile de for□ă a ei în felul următor: coexisten□a diferitelor tipuri □i forme de proprietate în cadrul aceluia□i sistem economic; asigurarea unui raport între planificarea orientativă □i concuren□ă; la nivel macro (industria strategică □i grea) urmând să predomine planificarea, iar la nivel micro (nivelul intreprinderilor mici □i mijlocii) concuren□ă conform principiului ”Concuren□ă atât cât este nevoie, planificare atât cât este necesar”; nici un grup nu poate ob□ine foloase necuvenite pe seama exploatării altui grup; valoarea egală a muncii □i a capitalului, se vizează transformarea proprietă□ii în func□ie socială; recunoa□terea interven□ionismului etatic în via□a economică, urmare a cre□terii responsabilității sociale a statului □i a extinderii sectorului public; corela□ia dintre legisla□ia socială □i politicile profesionale in domeniul for□ei de muncă. Dimensiunea socială a democra□iei analizează fenomenele sociale prin prisma intereselor păturilor sociale, a întregului popor □i neagă dictatura ca formă de putere politică.

Democra□ia cre□tină nu prezintă o teocra□ie, ci un model social apt de instaurare a moralei în politică. În această dimensiune a democra□iei cre□tinismul prin concep□ia sa despre om □i menirea acestuia în lume, constitue fundamentul etic pentru abordarea unei politici pline de sim□ul responsabilită□ii □i mai ales a unei răspunderi în fa□a lui Dumnezeu. Prin recunoa□terea acestei baze morale în democra□ia cre□tină, devine posibilă formularea unei ac□iuni ideologice pentru rezolvarea problemelor de interes social. Democra□ia cre□tină este fidelă ideii guvernării de către reprezentan□ii poporului. În cadrul democra□iei reprezentative, democra□ia cre□tină este o alternativă de centru, bazată pe ideia celei de a treia căi, situată între dimensiunea democra□iei liberale, individualiste □i egocentriste, □i cea a democra□iei socialiste etatice □i colectiviste. Această a treia cale are ca punct central, atât ca scop □i ca mijloc, persoana in□eleasă ca om supus moralei cre□tine. Persoana se formează în mijlocul comunită□ii, care ac□ionează ca un corp politic □i social. Pentru structurarea societă□ii civile, democra□ia cre□tină apără proprietatea privată văzută ca având o func□ie socială deosebit de importantă în întărirea libertă□ii de ac□iune a persoanei. Statul ac□ionează în domeniul public, doar acolo unde sociatatea civilă nu intervine. Prin ”statul bunăstării” democra□ia cre□tină în□elege să puna economia în serviciul omului.

Func□iile puterii statale în organizarea politică democratică a societă□ii se determină prin necesitatea apărării □i dezvoltării democra□iei. Pentru aceasta

puterea trebuie să fie destul de puternică. Dar puterea puternică la diferite etape ale procesului democratic poate □i trebue să se comporte în moduri diferite. În condi□iile democratice firave, în etapa ini□ială a statorniciei societă□ii democratice puterea puternică u□or se transformă în dictatură totalitară sau autoritară. Unica e□ire din situație în acest caz e participarea reală a societă□ii la guvernare, crearea condi□iilor juridice, economice, politice, ideologice pentru un control social activ a puterii, formarea societă□ii civile □i statului de drept, echilibrul celor trei puteri de stat separate: legislativă, executivă □i judecătorească. Aceasta este o cale complicată, deseori îndelungată de dezvoltare către a□a stare a statului când for□ele sale refuză de la dominarea minorită□ilor □i împart puterea cu societatea, care participă activ la guvernare. În acela□i timp această situa□ie nu trebuie să se transforme într-o ”tragedie a majorită□ii”, deosebit de primejdioasă, când ea este înve□mântată într-o formă parlamentară reprezentativă de guvernare. Ea poate să se transforme în dictatura parlamentului sau majorită□ii parlamentare □i încetează să exprime voin□a adevărată □i interesele reale ale societă□ii □i duce spre lupta cu puterea executivă, care se poate transforma în război civil, ceea ce de multe ori s-a întimplat în istorie. Puterea executivă tot poate să opună acestei tiranii violen□a (constrângerea), cum s-a întimplat, de exemplu, în secolul XVII în Marea Britanie în timpul războiului dintre rege □i parlament. În această luptă ”masele”, poporul poate urma puterea legislativă sau executivă, or □i una şi alta, cu autoritatea căreia se determină dezbinarea societă□ii în păr□i du□mănoase, cu for□a ei, cruzimea □i oportunitatea să îndemne masele la violen□ă, deseori înarmată. A□a putere minimalizează scopurile democratice, interesele □i legăturile cu societatea. Puterea pseodemocratică se instaurează nu cu mijloace cu care se înfăptuesc democra□iile, dar cu ale adversarului ei veritabil.

Particularită□i deosebite ale extinderii □i interna□ionalizării procesului democratic apar în sociată□ile, care intră în etapa dezvo□tării democratice, neavând acea experien□ă organică de secole în mi□carea spre democra□ie, care au dobândit-o în lupta îndelungată pentru ea alte popoare. Democra□ia post-totalitară are particularită□ile sale □i se constitue în condi□ii destul de complicate, comune pentru societă□ile, care trec prin grele încercări de innoire antitotalitară □i specifice pentru fiecare □ară. Experien□a mondială de evolu□ie spre democra□ie permite să înzestreze societă□ile în tranzi□ie spre democra□ie cu cuno□tin□e, care, bineîn□eles, n-ar substitui □i n-ar exclude acumularea experien□ei proprii a acestei societă□i, dar semnificativ ar u□ura această muncă teoretică □i practică □i ar reduce perioada de tranzi□ie spre democra□ie.

Procesul politic parcurge neuniform. Nicidecum nu toate tipurile istorice ale societî□ii s-au aflat în stare să instaureze orânduiri democratice. Dezvoltarea democratică e posibilă numai ca proces organic inerent societă□ii, □i este

necesar să fie legat cu procesul general de dezvoltare socială, propriu societă□ii date. Democra□ia politică în acest sens este isorică □i nu poate de la sine să se transfere din societatea unui tip în societatea de altă natură, cu altă cultură □i cu tradi□ii politice diferite. De aici reiese o consecin□ă importantă pentru □ările care nu au tradi□ii democratice complicat organizate, cu rela□ii neomogene din punct de vedere economic, cultural □i na□ional, precum în ele nu pot fi omogene □i uniforme □i dezvoltarea democratică. Pentru dezvoltarea democratică este necesar ca în societate organiza□iile sociale □i politice să fie mature □i stabile. Nu trebuie, în acela□i timp, de evitat folosirea experien□ei democratice, mai ales, în □ările care n-au experien□ă proprie, lipsa sau insuficien□a ei poate fi fatală.

Democratizarea procesului politic este un fenomen social complex si integru. În societatea contemporană nu poate fi democra□ie reală, desăvâr□ită, dacă ea nu este pentru toți, există pentru o parte din societate □i nu există pentru alta. Democra□ia nu poate fi de valoare reală, dacă ea este selectivă, se permite în unele sfere a vie□ii societă□ii, în unele probleme, dar în altele nu. De exemplu, se permite în autoadministrarea socială locală, dar nu în organiza□iile de stat □i în rela□iile de producere. Altfel vorbind democra□ia nu permite excluderi din procedura democratică. Democra□ia este rezultatul crea□iei populare, reprezentan□ilor frunta□i ai societă□ii □i a guvernatorilor ei, gradul de progresivitate □i spiritul inovator, care se evaluiază (pre□uie□te) în dependen□ă de participarea în transformările democratice. Democra□ia nu se îmbină cu curatela (tutela) celor de sus, din partea puterilor guvernatoare. Paternalismul inevitabil se transformă întru-n control birocratic al procesului democratic. Democra□ia are necesitatea de garan□ii, ea comite foarte multe gre□eli, ca să fie supusă riscului unor sau altor influien□e asupra transformărilor democratice. Democra□ia cum ne arată experien□a îndelungată de dezvoltare a ei, se garantează, în primul rînd, de societate, care apără (ocrote□te) patrimoniul său; în al doilea rând, de ordinea □i institu□iile democratice dacă ele s-au înrădăcinat în societate; în al treilea rând, de puterea politică, prin metode juridice, norme culturale □i morale. Garan□ie democra□iei îi serve□te controlul social asupra manifestărilor □i e□ecurilor ei concrete.

Societatea permanent înva□ă democra□ie. Educarea democra□iei este un proces destul de îndelungat, dar, luând în vedere că el este cunoscut în formă de experien□ă istorică a multor civiliza□ii, acest proces e posibil în mod ra□ional, concret orientat să fie accelerat, introducând procedurile □i regulile democratice, care s-au îndreptă□it. Democra□ie nu este un capriz, un exces, ci o necesitate istorică inevitabilă, pentru realizarea căreia □i se transformă, □i se înnoie□te societatea. Democra□ia nu se reduce numai la unele genuri de reguli □i libertă□i. Ea trebuie să fie activă, creativă □i să introducă convingeri □i

sentimente pozitive, civice, morale, ideologice □i politice în conştiinţa populaţiei.

Justa în□elegere □i însu□irea experien□ei mondiale acordă tuturor cetăţenilor, care intră în procesul democatic al societă□ii o egalitate reală în fa□a legii. □i a organelor administrative; respectarea drepturilor constitu□ionle; apărarea societă□ii □i cetă□enilor de ac□iuni ilegale, de unde ele n-ar apărea; desăvâr□irea formelor □i normelor democratice de comunicare; congruen□a dintre normele formal proclamate □i real func□ionale ale rela□iilor sociale; stimă fa□ă de om, educarea în el a sentimentului demnită□ii civice □i încrederea veritabilă fa□ă de toate formele administrării □i către concetăţeni; lichidarea privilegiilor pentru unele grupuri sociale □i categorii de cetă□eni, organiza□ii, organe ale puterii □i administrării; informarea despre evenimentele □i procesele esen□iale □i importante; organizarea discu□iilor în întreaga societate □i dezbaterilor pe problemele autoadministrării locale, deservirii sociale, transportului, salubrizării, protec□iei naturii □i mediului ambiant, timpului liber etc.; contact permanent al popula□iei cu organele de administrare locală, statală □i economică.

Dezvoltarea democra□iei este condi□ionată prin în□elegerea clară a func□iilor sociale, a controlului din partea poporului □i criticii cetă□enilor, care joacă în societate un rol important □i care interac□ionează cu controlul de sus: în□elegerea mai amplă, cu con□inut bogat a notorietă□ii publice, care încorpozează permanent func□ii de control, posibilitate de interac□iune cu aparatul central de administrare; efectul întremător al notarită□ii □i controlului reciproc, neatrăgînd atenţia la posibila lipsă de obi□nuin□ă □i sentimente nefire□ti (bolnăvicioase) de la unele proceduri democratice; tendin□a de nu a avea teamă de unele neajunsuri ale notarietă□ii: polarizarea opiniei publice, discu□ii între părta□ii diferitelor păreri, unor posibile extreme opinii, cu care societatea democratică se descurcă cu ajutorul metodelor democratice. E necesar să □inem cont că mecanimul polemicii este extrem de important □i eficientă metodă de organizare □i control social.

Pentru institu□iile centrale a puterii □i aparatul administrativ intrarea în procesul democratizării societă□ii semnifică neeficien□ă □i antidemocraticitate substituirii cu altele □i dublarea lor, ceva obi□nuit în sistemele de administrare totalitară □i autoritară; inadmisibilitatea reducerii competen□ei □i responsabilită□ii, metode de guvernare prin orden-comandă, prin a□a substituiri □i dublări; delimitarea strictă a func□iilor puterilor divizate; restructurarea serioasă a activită□ii organelor judecătore□ti □i executive ale puterii □i autoadministrării locale, cu scopul aducerii lor la cerinţele de via□a a popula□iei, la interesele □i necesită□ilor ei. Societatea trebuie să aibă reprezentan□i competen□i a intereselor lor în organele puterii. Ele, la rândul lor, trebuie să fie mai aproape de necesită□ile societă□ii □i să

protejeze interesele cetă□enilor fără rieorică □i demagogie; poporul trebuie mai bine să-□i cunoască ale□ii.

Respectând aceste condi□ii minimale, democra□ia poate deveni un mod veritabil de via□ă a societă□ii □i indici ai calită□ii sociale, să asigure activitatea ei de producere, să stimuleze munca, să regenereze □i activeze competen□a capabilă □i moralitatea civică, sentimentul datoriei □i comportamentul responsabil în toate sferele rela□iilor sociale. Democra□ia semnifică pentru societatea care se înnoie□te formarea □i dezvoltarea veritabilă colectivă ca for□ă socială, culturală □i politică importantă, care creiază □i formează omul de model democratic.

Bibliografie:

1. Almond G., Verba S. Cultura civică: atitudini politice □i democratice în cinci na□iuni. - Bucure□ti, 1996.
2. Ball T., Dagger R. Ideologii politic □i idealul democratic. - Ia□i, 2000.
3. Oxford. Dic□ionar de politică. Univers enciclopedic. - Bucure□ti, 2001.
4. Sartori G. Teoria democra□iei reinterpretate. - Ia□i, Polirom, 1999.
5. Howard D. Stafia democra□iei. - Bucure□ti,2008.
6. Володенков С. Модели динамики политических процессов в условиях переходного периода. // Вестник МТУ, сер.12, 1999, N6, с.36-47,
7. Салтин А. Политический процесс и демократия. // Социально-политические науки, 1991, N6, с.55-64.

Prezentat la redac□ie
La 13 decembrie 2011

THE AGENTS OF EUROPEAN IDENTITY IN BELARUS

Dzmitry VASILEUSKI
Vilnius, Lithuania, European Humanities University,
Assistant-professor Master of Philosophy

В статье предпринята попытка эксплицировать наличие в белорусском обществе европейских ценностей как составляющих отдельную специфическую идентичность. Данная цель достигается обращением к анализу данных ценностей, которые З. Бауман со ссылкой на Тодорова, обозначает как рациональность, справедливость и демократия и попыткой увидеть, как эти ценности преломляются в социальном поле белорусского европо-ориентированного действия либо представления о том, каким оно должно быть. Автор приходит к выводу, что говорить о европейской идентичности в конкретном обществе и в частности в Беларуси можно только в том случае, когда критика властей воспринимается в обществе как нормальная ситуация, и наоборот – отсутствие этоса критичности отражает нежелание общества увидеть патогенные процессы внутри себя и, соответственно, сигнализирует о том, что европейские ценности претерпевают кризис либо остаются недосформированными.

The article aims at explicating the existence of European values as part of separate specific identity in a Byelorussian society. This goal is achieved by analyzing these values, which Z.Bauman, quoting Todorov, marks as rationality, justice and democracy, and by trying to see how these values are interpreted in a social sphere of Byelorussian activity, oriented on Europe or the understanding of how it should be. The author concludes, that it's possible to speak about European identity in a concrete society, particularly in Belarus, only in case the criticism of authorities is seen by the society as a normal thing, and vice versa – absence of ethos and criticality reflects unwillingness of society to see the pathogenic processes inside it and consequently signals, that European values are in a certain crisis or remain in a process of formation.

The agents of European identity in Belarus connect their movement through history with an important Real referent – modern Europe as a regulatory horizon, approaching which must provide Byelorussians with a desirable socially-political reorganization and simultaneously guarantee its success. Authoritarianism is taken as the main obstacle on the way to the merging of EU countries, and opposition is viewed as a movement-from- the future towards the present,

as opposed to the national project, for instance (as a movement towards the present from the past).

A distant and well-established Europe is an object of passion and a cause for regretting one's own unsuccessful fate. The subjects of this identity are less concerned with the national revival and consciousnessly they live already according to the European values as cosmopolitism, globalism and post nationalism. Perhaps, there subjects aren't concerned with the expenses, which brings a new world order to a national statehood and economy and it's as true as that they're involved into a struggle with the main obstacle – the formed power.

Wanderings of European identity (or ideas about it) in a Byelorussian symbolical space are retrospectively determined by a historically-formed interpretation of it by the Europeans themselves and especially by the fact that it possesses a universally-significant dimension. The values, forming European identity, are important for the Europeans as much as they're applicable to the non-Europeans.

Consequently the bearers of this identity in Belarus find themselves in the centre of a dialectical process of permanent commodification of the results of the politically-cultural transformations, undergone by the values, which form the substratum of European identity. Let's by turns see into these values, which Z.Bauman, with reference to Todorov, defines *as rationality, justice* and *democracy* [1, 37] and try to see, how these values are perceived in a social field of Europe-oriented action or the idea of how it has to be.

Meanwhile, as a launch pad for the analysis served not the policy of the authorities; in this case the validity of the research is reached through addressing to the procedure of verification of the Byelorussian society itself for presence in it and quality of values, which are identified as European. It's even more correctly to say, that authoritarianism always appear with the permission of the society itself and from this point of view, whether we're analyzing the authoritarianism – we analyze the society and vice versa.

Rationality – is a belief in the fact, that everything – from customs and traditions to state laws and civil institutes – has to pass the justification by the court of judiciousness, has to be accepted by the means of persuasion and discussion, not by the means of power, through a frequent exchange of arguments and from a position of criticism and self-criticism; and regardless of how rationality is mentioned by one or another agent of its, in this or that epoch, in this or that country – the presumption of rationality itself towards any opinion does remain, and only in the result of such an acknowledgement the opinion can become rational, which means, universal. And even after this any opinion and decision, taken on its basis, always remains doubtful, uncertain and full of dissatisfaction by whether mind orders were understood and applied correctly and in case they weren't – what has to be corrected, and corrected urgently [1, 37].

At first sight it might seem, that the Byelorussian society possesses a firm immunity against different kinds of doubts towards civil institutes, forms of political self-government and organization of educational, medical, municipal, court and other establishments. Nevertheless, here it's necessary to point out the implicit ambivalence: in the analysis of any social or psychological factor as a manifestation of the operation of an institute or an epiphenomena of an established Byelorussian ethos there always exist – on the level of an official discourse as well as on the level of private judgment – doubt in the quality of the work done, in the moral trustworthiness of the executors, uncertainty in the right organization of things, suspicion of authorities in double-dealing and any worker in an ostentatious fervor.

We shall note that this "discourse of doubt" articulates dissatisfaction only on the level of result, which means that a system of public health is well-conceived, but the available personnel "spoils everything". Our education is the best and is well-estimated in the world, though all the professional and teaching staff is entirely corrupted: it's possible to get a post of a professor only thanks to personal contacts, and to become a student only having given a bribe. Nowhere else in the world the state caters for agricultural workers, meanwhile drinking combiner operators always practice sabotage with the rates of harvest. And, surely, if the President didn't consider all these problems himself, all would have collapsed. Note: a retrospective analysis of a danger line never stoops to criticize the basics and remains on the level of individual qualities of the subjects. Correspondingly, the removal of the "bad work" expenses can be performed only in person, personally by the President. And the authorities didn't invent this circular logic of dealing with the problem, they rather used the possibility, given by the society itself.

This double bottom of the Byelorussian "discourse of doubt" doesn't go the basics, but nevertheless finds out more or less modern basics for such a doubt: Belarus as Panopticon, where the individual is being controlled directly by the authorities. The personality is subject to drilling of ideological, moral and productive qualities; good citizens and workers are encouraged, bad are reprimanded, the very bad ones are demonized or both reprimanded and then demonized.

Nevertheless, Belarus doesn't pass the entire circle of modern, closing on an unreal simulacrum of authoritarianism. Modernity is exhausted in accordance with the logic of an endless, transcendental, positively-utopical critics, reaching basics, where the authorities and the organization of the society itself become problematic – class division, gender roles, national consciousness, independence of the state, economic model, the limits of the rights, given to an individual, the level of democratization as freedom of views, beliefs, speech and action. According to this, the forefront of European identity sees the problem of the society in half-hearted critics of functioning and organization of the institutes of

power, economics and rights. The task is to break the old constructivist practices of functioning of the institutes and restore the authentic strategy of modern thinking: to see everything in perspective of a task, not of reality, in perspective of a vocation, not predetermination. Nevertheless, exactly this defines thinking of domestic agents of European identity as a short-term thinking. Trying to criticize the basics they're hardly aware of the fact, that control and order, with which modernity is identified, has to be replaced by the uncertainty / unpredictability / instability, social and intergovernmental inequality, as the need arises [2, 135].

Feeling this intuitively, many Byelorussians grant the authorities with a moral and electoral capital for freezing of that relatively safe order of things, which, though not so effectively, but does work. In such circumstances, the agents of European identity appear to be squeezed by both sides – firstly, by those, blaming instability, which will bring the liberal reforms, by the countrymen, on the other hand – by critics of western societies from within the societies themselves. And nevertheless, understanding reasonably, that the loss is inevitable, the supporters of the western vector of development offer to lose with the least losses. This means, the basics of civil and political institutes on Belarus and the economic model of development are worn out so much, that the expenses of the liberalization would be less than the future expenses, which will bring the "Byelorussian economic model" and political autocracy.

According to Baumann, *justice* is the judge for other values, balances and makes them more exact, defending common good, funding any kind of solidarity and moving humanity towards unity in peace and friendship. This is the most socializing of the values and thus perhaps, the Byelorussian society can be defined according to an official discourse as a "socially-oriented state".

The President is a guarantor of social solidarity, because it guarantees observance of all the rights of a Byelorussian where it concerns provision of work or unemployment benefit, medical care, achieving education and on the whole it's a guarantor of safety, reliability, certainty / predictability / stability and moral satisfaction, which has undoubtedly to be experienced by everyone, blessed by the destiny of living in the republic of Belarus. The ideological trick, conducted by the authorities, is provided by a roundabout demarche beyond obvious rights of a citizen: those obvious and taken for granted rights are considered to be implicit, forced from being potential into actual only by a personal initiative and an unselfish interest of the President. Such logic is based on the dynamics of retrospective ontology of post-modernity, when qualities of an individual and state are frozen and carried back into the past, which has to coincide with the present of the Byelorussian reality.

Authoritarianism by no means can be a self-sufficing player even in his own country, cause the logic of his actions isn't actually connected with this country.

Social solidarity is based on the ethical component of the correctly understood justice, which, nevertheless, is totally overlooked by the autonomous usage as a conception within the society itself. Papers, TV and radio devote the major part of the broadcast to substantiation of the actions, taken by the authorities, the main job of which is exactly in a faithful distribution of public goods, struggle against sabotage and laziness of any worker (from a director to a watchman) and any ill-disposed country, willing to destroy of discredit the Byelorussian president and the people. The agents of Byelorussian identity undertake a mission of showing the real state of affairs and uncovering the logic of the authorities, offering to oppose the "Byelorussian reality" only to the freedom of risk and on the spot come under fire of the already described double critics – ideological and claustrofobical inside and left-oriented from the outside.

On the other hand, the machine of ideology uses successfully the inside critics for recruiting enemies from the society itself, which is a necessary condition for the maintenance of the self-identity of "bat'ka", the "care" component of which works effectively only in the presence of its negative component – "punishment" of those at fault. In some ways A.Lukashenko himself puts his own discourse under "care" and justice, making it "impossible to be fair" beyond the criticism of his critics.

It means, it's impossible to built mechanisms of control and discipline that are relevant to modern identity, inside Belarusian reality bypassing assumptions (even those implied), that there exist another level of reality, that may be interpreted differently, but still preserving its actuality. Nevertheless, the success of rhetoric of justice wouldn't have been in Belarus as such, if in social consciousness weren't internationalized the modern idea of the welfare state as natural element of modern society. But, still, the successful "mastering" of this idea from the side of the authorities became possible only because of the decline of the welfare state as a result of dialectics of globalism and separation of ethics and politics. And this opens to the bearers of European identity in Belarus perspectives for positive criticism and movement towards cosmopolitan world society.

Democracy as a value and political order is based on a belief that a search for common good is conducted through discussions, and, first of all, the conception of "good" is always subject to redefining, cause our knowledge about it can be partial, and almost false; secondly, it defines the society as being autonomous, which means originating in its actions not from the heteronymous retrospective, but from the actual perspective; thirdly, the first two moments predetermine the eternal fermentation of "totalitarian molecules", since all aims and means of the autonomous society are subordinated to the will of people, composing it, and thus the society itself can lock in its totalitarian decision and begin acting as an integrated fist on the basis of a specifically understood "good"; this means,

fourthly, that an authentic democracy is based on a liberal premise of autonomy of the citizens, which presupposes 1) democratic procedures – "gathering and nation" – isn't terminated by a "gathering", but is stretched in time and space through the public sphere, where 2) finds itself and is realized and the thirst for freedom of opinion, participation, speech (freedom of conscience, which, in its turn, is based on the democracy of the "policy" [1, 38]; but since these two elements – the autonomy of a citizen (liberalism) and the autonomy of a society (democracy) are interdependent and can coincide in movement towards totalitarianism, thus, fifthly, democracy can't be expressed contextually, only in a cosmopolitical perspective, where the efforts of all the countries are coordinates in accordance with criticism and self-criticism.

The Byelorussian nation has been trained at democratic "science studying" already in the soviet times. Communism is impossible without the democratic rhetoric and is possible only in absence of a public sphere and civil autonomy. A present Belarus is in some sense the reincarnation of the USSR in a bit different appearance, but with the same normative base – autonomous heteronomy. The abolition of an old political (soviet) regime happens as a result of open discussions in a society, based on freedom of utterance, and passes a democratic procedure – referendum. As a result, legitimately, and openly-elected president, a future dictator, abolishing those basic grounds, which helps him to come to power, comes to power. A short flash of democracy has hardened in a heteronymous lava of Byelorussian authoritarianism, where the conception of a "good" is formed for a long period, and is fixed for us, when the institutes of power, diplomacy, politics, education, medical care and so on are created "not by us", thus they cannot be either destroyed or reformed.

Nevertheless, the anti-democratic indeterminacy of the present authorities deprives it stable epistemology, making every time act *politically*, that is relying on pragmatics of the moment and taking into consideration the results and consequences of this action. It appears that any authorities – neither monarchic, nor soviet or western democracy – haven't lived and doesn't live in a state of such an ideological vacuum and in such an intensity and readiness for mobilization at every moment? As is happens with the Byelorussian authorities. Monarchy was openly a heteronomous society and as a matter of fact legitimate (which doesn't mean being democratic); soviet power was a plain totalitarian society with an "inert" legitimacy, that is "a society-in-remainder" (presupposing elimination of oppositionally -aimed and on the whole unreliable for the society citizens), the members of which were ideologically brainwashed and have never looked above the boarders of a communist epistemology. Western democracy postulates liberalism and democracy as its basic values and those people/groups/societies, which break in their criticism of power these value limitations, are labeled as totalitarian, authoritarian, communist and so on. The most difficult society appe-

ars to be Belarus, along with alike authoritarian democracies, because it possesses a vicious ambiguity potential, conditioned by, on the one hand, a democratic injection, made in 90ies, and on the other hand, by a "genetically" generated non-reflexive subordination to the wheels of state, inherited from the soviet period – which equally undermine and feed a settled political order.

However strange, but these two elements, making political reality are both a) locally adopted ideological products of the European origin and b) and interdependent: only together with the second component is formed the nourishing root for appearance and functioning of authoritarianism as, perhaps, the most paradoxical phenomena of modern political life. Authoritarianism – is *a permanent divergence* of epistemology and practice, motives and actions, crime and punishment that is legislative and judicial powers)[9], and, finally, liberalism and democracy.

Discrepancy runs through the whole society, which proclaims liberal values as *freedom of conscience* and democracy as *autonomy of society*, but at the same time involves these values into a closed circle of reciprocal alternating absorption, as a result of which not a value can run but idle, cause its functionality is provided only together with another value. To announce one's own opinion and "launch" it into a functioning public sphere, called for correcting the side-effects of mass democracy and cause a result, adequate for the institute of individual freedom, as well as for the institute of universality / national spirit, it's necessary to overcome the "obstacles" of social autonomy , because society on the whole has "decided", that negative critics towards an existing order of events and towards the conducted policy – is destructive apriority, and thus is excessive. In other cases can take place appeal to a singular voter (retiree, veteran, combine operator – marginalized segments of society – the words of which are pulled out of their speech context or the speech is prepared for them beforehand), when the tracery or the Byelorussian society doesn't coincide with the geometrically verified picture of a snowflake in a manual of ideology. Thus, these are public sphere and freedom of conscience, which form the pivot of liberalism, are gradually eliminated from the ethos of public life, as if being sacrificed to democracy, which taking this into consideration gets a character of *autonomous heteronomy*. That is Byelorussian reality really freely (even if passively, cause *passiveness* is also a manifestation of freedom) is crystallized into a "paradoxical unit" – into an autonomous society, where there're no alternatives; into democracy going back to monarchic past, which doesn't exist.

[9] *As a fresh example can be illustrated modern lawsuit against "revolutionaries", born by the events of December 19th, 2011 (presidential elections), particularly, pressure on lawyers as a clear signal not to mess about with events, making a resonance.*

The aim of agents of identity in this project of collective actions is to awaken the “virus of the European” – responsible for the concept of individual freedom – in a Byelorussian body, to carry the idea that criticism of the authorities – is a normal situation, and vice versa, absence of ethos of criticism is a sign of absence of self-criticism from the side of the society itself. This is a sign of complacency of society, unwillingness to see the pathogenic processes inside themselves. To resume: the authorities infringe upon freedom in society as much as the society itself allows it, that is specifically people themselves, every person separately.

Литература

1. Бауман З. Европейский путь к мировому порядку. // Свободная мысль, XXI, № 9, 2004. Москва.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – Москва, Логос: 2002

Prezentat la redactie
la 20 ianuarie 2012

Recenzent – **Iulia GORINCIOI**, doctor, conferentiar

TWENTY YEARS OF INDEPENDENCE IN AZERBAIJAN

Arif YUNUSOV
Azerbaijan, Baku, Institute of Peace and Democracy, Department of Conflict Resolution and Migration
Ph.D. in history, head of the Department

As a result of the 1991 collapse of the USSR, Azerbaijan regained the independence it had lost in 1920. The republic immediately decided to make a definitive break with its Communist past, completely dismantle its Soviet-style political system, and create in its place a politically stable and economically prosperous democratic state. It is true that Azerbaijan, like other countries from the former Soviet Union, faced many obstacles as it took its first steps toward independence, such as the lingering consequences of the savage, difficult conflict with Armenia over Nagorno-Karabakh and the collapse of its economy. But the Azerbaijani people felt a real sense of optimism at that time. After all, the republic was flush with oil and gas, which allowed Azerbaijanis to believe that the many economic problems they would have to face during the transitional period after the fall of the Soviet Union would be resolved relatively painlessly, and their political problems could be solved as well.

What has this complex, 20-year process been like in Azerbaijan? What changes has it brought and has Azerbaijan been able to make use of this window of opportunity to build a secular, democratic state bound by the rule of law? And if not, why? And, most important, what awaits Azerbaijan in the near and more distant future? These are the primary issues this article will examine.

The government of Abulfaz Elchibey: romantic hopes and disappointments

The Azerbaijan Popular Front Party (APF), headed by Abulfaz Elchibey, laid the foundation for Azerbaijan's independence. This party began as a social movement in 1989, in the declining years of the Soviet Union, when Mikhail Gorbachev's policy of "perestroika" had begun to transform both the republic's political system as well as the way most Azerbaijanis lived their lives. And it was the APF that took on the mantle of advocating for the interests of the nation, when Azerbaijan was forced to confront Armenian separatism in Nagorno-Karabakh in 1988. The dispute started as a regional interethnic conflict (1988-1991), but after the collapse of the USSR and the subsequent independence of Azerbaijan and Armenia, the fight escalated in 1992 into an undeclared cross-border war. The leaders of the Communist Party of Azerbaijan in those years (Abdurrahman Vazirov and Ayaz Mutalibov) were entirely dependent on Moscow, and this dependence, first on the Soviet leadership and later on Russia, ex-

plains why those leaders were so indecisive and unable to adequately respond to the challenges the nation faced either at home or abroad. In addition, the communist leaders of Azerbaijan were popularly seen as Russian-speaking puppets backed by Moscow, who were disconnected from their own people and uncomfortable with their own native language and culture.

Under these circumstances, the APF's ascent to power after the collapse of the Soviet Union and Azerbaijan's declaration of independence in May of 1992 was a natural and expected event. After all, the APF had conducted a propaganda campaign for years about the need to create a fully independent national state, based on a fraternal relationship with Turkey. The APF raised the issues of establishing a national army and possibly joining NATO at some point in the future, changing the country's political orientation from north to west, expanding the role of the Azerbaijani language in public life, and transforming the socialist, planned economy into a market-based system. The country was awash with romantic sentiments and the belief that once the APF implemented all these ideas Azerbaijan would be able to resolve the issue of Nagorno-Karabakh and could quickly transition into a new political and economic reality. In other words, the Azerbaijani public saw the APF as symbolic of both their hopes for a new life and a resolution of the conflict in Nagorno-Karabakh. The party became the face of the revolution and it was seen as the antithesis of the nomenklatura elite who had run the country for so many decades.

This was a common attitude for that time in formerly Soviet countries. After many years of communist rule, the public was eager to begin a new life as quickly as possible. And it is true that under the direction of Elchibey, the leaders of the APF made sweeping policy changes from their very first days in office. In October of 1992, Azerbaijan pulled out of the CIS, and six months later the Russian army withdrew from the republic. Thus the era of Russian military presence in Azerbaijan ended. As soon as the party came to power in May of 1992, it established a national army, which immediately took offensive action in Nagorno-Karabakh, giving the Armenians their first taste of defeat.

Changes were also seen in other areas. For example, a system of examinations was established for entrance into institutes of higher education, which almost completely eliminated the corruption that had been an inherent part of the admissions process. And despite the sharp decline in industrial production after the collapse of the Soviet Union, Elchibey's administration established the National Bank, which managed to amass a reserve of hard currency and gold and to introduce the first post-Soviet Azerbaijani currency - the manat.

Steps were taken to reform the Azerbaijani economy. Since the country was at war the APF-led government shied away from radical privatization and decided to chart a different course. They began to reform the way the government was organized. They established the State Committee on Property

Issues, the Anti-Monopoly Committee, the Entrepreneurship Support Fund, the Committee on Foreign Investment, etc. Laws were adopted on privatization, securities, and stock exchanges, and a draft of a major oil contract was drawn up.

But the APF-led government headed by Elchibey was a typical revolutionary regime, and it saw breaking with the country's Russian past and joining the Turkic world as the new government's primary task. It was precisely for this reason that certain steps were taken. For example, the Latin alphabet was introduced as a replacement for the Cyrillic script, which was seen as emblematic of Russian hegemony. The official name of the Azerbaijani nationality was changed to Azerbaijani Turk and the name of their language to Azerbaijani Turkish. These measures met with a mixed reaction in the republic, especially among members of national minorities who feared the rise of pan-Turkism in their country.

But the APF was not deterred. President Elchibey behaved more like the leader of a nationalistic-democratic revolution aimed at taking over the entire Turkic world, than as the Azerbaijani head of state. This is precisely why Elchibey continually stressed his antipathy to Iran, a country which was oppressing ethnic Azerbaijanis south of the border and standing in the way of the unification of all Azerbaijanis. For this reason Elchibey also deliberately and publicly confronted the leaders of the Central Asian republics whom he considered to be enemies of democracy and of the Turkic people's desire for unification [1, 118-175, 151].

This revolutionary romanticism and idealism hurt Azerbaijan's relationships with many CIS countries, Russia in particular, and also with Iran. As a result, Russia and Iran both began working actively to overthrow the APF regime. Serious economic problems also arose. With Russian support, the Armenian army went on the offensive in the spring of 1993. At the same time, supporters of Russia in the young Azerbaijani army rebelled in June of 1993 and moved on Baku. As they came to grips with defeats on the frontlines and a worsening socio-economic situation, the public who had so rapturously welcomed the APF's ascent to power only a year before now no longer trusted or supported their former idols.

The second coming of Heydar Aliyev

The June 1993 coup in Azerbaijan forced Elchibey to flee the capital, and Heydar Aliyev seized power. Aliyev had been the leader of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic from 1969 to 1982. The new president and his supporters called for the ouster of the "incompetent upstarts from the streets," as the leaders of the APF were now called, in favor of "competent individuals," all of whom turned out to be former functionaries of the Communist Party of

Azerbaijan. At the time, the public did not seem overly concerned when Heydar Aliyev began working from the outset to concentrate all the power in his own hands, raising the possibility that an authoritarian regime was being created. Azerbaijanis were convinced at the time that the country needed to be ruled by a strong individual (a "strong hand") in order to ensure stability and order, and this is what they saw in Heydar Aliyev. Consequently, within two years something happened that to many people was simply unthinkable. The Azerbaijani struggle against communism and their euphoria at the overthrow of the Communist Party was quickly replaced by widespread enthusiasm about the return to power of a former Communist leader and a general from the Soviet KGB!

In addition, the public forgave Heydar Aliyev for his many transgressions and willingly accepted the myths that were created about him at that time. In particular, the fable that Heydar Aliyev's return to power had saved the country from chaos and collapse was widely circulated and is still heard today. It was, in fact, at Heydar Aliyev's order that in the summer of 1993, 33 battalions of the Azerbaijani army were disbanded on the pretext that they were under the influence of the APF. This resulted in up to 7,000 men, the most combat-ready unit of the Azerbaijani army, being stripped of duty [2, 40; 15, 45-64, 58]. Heydar Aliyev had counted on Russian support to help him halt the Armenian advance and create a new army, but his hopes were dashed. As a result, the Azerbaijani army virtually ceased to exist, the remaining units proved incapable of holding back the Armenian advance, and chaos reigned at the front, leading to a total defeat in the Nagorno-Karabakh war. By the end of 1993 Azerbaijan had lost seven administrative districts in the area surrounding Nagorno-Karabakh. Through the mediation of Russia in May, 1994, the warring parties signed the Bishkek Protocol, which suspended hostilities and created a ceasefire that is still observed today.

In contrast to the ideological romantics and revolutionaries of the APF, Heydar Aliyev was focused on a single goal, that of complete control over events in Azerbaijan, so that nothing or no one could pose a danger to him, his family, or his inner circle. It was precisely for this reason that Heydar Aliyev opted to preserve and safeguard the old Soviet political system, which was ideally suited to this purpose. Only the outer trappings of the party underwent a change. In reality, the ruling New Azerbaijan Party was nothing more than a carbon copy of the former Communist Party of Azerbaijan, with the same structure and systems of governance. Over time, Heydar Aliyev did make some changes to the Soviet

political system, adapting it to meet his and his family's needs as well as the demands of his clan, a group consisting of both family and local elements.[10]

As a result, an eastern version of a modified Soviet political system had emerged in Azerbaijan by the early 21st century. The de facto Central Committee of the Communist Party still exists, but today it is called the presidential staff. Outside of the major cities, power is concentrated in the hands of the heads of the Communist Party's district committees, who are appointed by the president. Today these committees are called executive branch agencies. The cabinet and parliament do the bidding of the presidential staff and have no ability of their own to influence the life of the country. Nor do the local municipalities have an independent role.

Heydar Aliyev's system was very strictly centralized, and all actions had to be approved by the president. In addition, as an experienced politician Heydar Aliyev understood that in order to portray himself as a democratic leader, he needed the existence of certain democratic institutions, such as opposition parties, an independent media, and civic organizations. Although naturally these sectors could never pose any real threat to his personal grip on power. In the end he created an authoritarian political system that contained pseudo-democratic elements [13, 178-180].

The suspension of hostilities in the Nagorno-Karabakh conflict allowed Aliyev to sign "the oil contract of the century," which has been very popular with the public. Although at the time these contracts were signed, the overall state of affairs in Azerbaijan was deplorable. The national economy was in a deep crisis. Living standards had plummeted. The legal minimum wage was the equivalent of $2 a month, while 45 dollars per month was considered to be the minimum required for one person's subsistence-level existence. The rate of inflation in 1994 reached 1,700% [6, 363-378, 365; 4, 15-20]. All this was in addition to the military defeat in Nagorno-Karabakh, which had dealt a great psychological blow to the country. Azerbaijanis felt impotent and incapable of regaining their lost territories militarily.

At that point, the public began to see oil as the country's only weapon in the battle to retake Nagorno-Karabakh and improve their economy. Aliyev then proposed that Azerbaijan offer concessions in its oil contracts to Western oil companies that would agree to support the country politically on the issue of Nagorno-Karabakh. Aliyev promised Azerbaijanis that their nation would become a "second Kuwait" [8, 116-128, 120]. The public was desperate for a miracle and so they threw their support behind Heydar Aliyev's oil policies.

---

[10] The term "clan" as used in Azerbaijan signifies an informal network that emerged during the Soviet period and that was based on a regional identity. These regional groups ("clans") were used as a base of support to seize resources and power in the country [9, 68-74; 11, 29-32].

By skillfully maneuvering between Russia and the West (meaning the United States and the European Union), Aliyev just managed to keep the strained fabric of Russian-Azerbaijani relations intact. It was then that the West, and the US in particular, began to pay more attention to the region as a whole, and especially to energy-rich Azerbaijan.

By the mid- to late 1990s, the us and russia were engaged in a quiet tussle over the region, which was much to the advantage of azerbaijan and to Heydar Aliyev himself. In addition, the goal of us policy in the region was to reduce the dependence of the local countries on russia and to integrate them into western economic and political systems, as well as to further isolate iran.

Naturally, azerbaijan and its energy resources played a significant role in this geopolitical struggle. It was no accident that Zbigniew Brzezinski did not hesitate to call Azerbaijan the "geopolitical pivot" of not only the south Caucasus, but the entire caspian region, and its government deserving of "America's strongest geopolitical support" [3, 179].

Heydar aliyev took a pro-western stance in this geopolitical confrontation. Iran was excluded from the oil project and then Azerbaijan stopped using the southern and northern oil shipping routes that cross Iran and Russia. Finally, in 1998 Heydar Aliyev made a definitive decision to support the construction of an oil pipeline from Baku to the mediterranean port of Ceyhan in Turkey via Georgia, which is why this is now called the Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline.

In addition, during his us visit in february of 2000, Aliyev endorsed the idea of azerbaijan possibly joining nato in the future, at which point the leadership of nato began focusing greater attention on the country, seeing it as a nation critical to nato's interests in the caucasus and part of the alliance's sphere of interest. Azerbaijan became a regular participant in nato events [10, 109-111; 16, 13-24].

Western europe also began paying attention to the region. On june 12, 1995, the council of the european union (eu) adopted a common position on the South Caucasus for the purpose of assisting Azerbaijan, Armenia, and Georgia with the difficulties of transitioning to a democratic system. On december 18, 1995, Azerbaijan initialed a partnership and cooperation agreement with the EU, which took effect on january 1, 1999, after it was approved by the parliaments of all the EU countries.

Another european organization, the Council of Europe (CE) has also expanded its role in the region, and as a result, Azerbaijan became a member of the ce in january, 2001.

Consequently, by the early 21st century and only ten years after the collapse of the soviet union and five years after the signing of the "oil contract of the century," the west had achieved an almost total victory over Russia in Azerbaijan.

There is no question but that Heydar Aliyev had a significant part in this achievement. It explains the paradox of how a former communist leader and KGB general could be perceived by the West as a not entirely unsympathetic figure, and seen as somehow different from his counterparts in the CIS, particularly when compared with the leaders of Belarus and the Central Asian republics. The us and western europe also turned a blind eye to many of Heydar Aliyev's domestic policies, such as the complete mockeries that regularly posed as presidential and parliamentary elections, numerous examples of human rights abuses and the torture of opposition figures, the incarceration of political prisoners, an authoritarian style of governance, a shocking level of corruption, and much more.

Ilham Aliyev, and a new phase in the history of independent Azerbaijan

Heydar Aliyev's rapid decline in health and then his death in 2003 radically changed the situation in Azerbaijan. Even during his illness it was becoming clear that his time was at an end and the question of Azerbaijan's future was at hand. At that point, the presidential elections scheduled for October 15, 2003 were perceived by the public as a "window of opportunity" to make a decisive move toward a more democratic society. A new revolutionary spirit emerged in Azerbaijan.

But the victory of Heydar Aliyev's son, Ilham Aliyev, that resulted from the electoral fraud on October 15, 2003 and the violent events of the next day dealt an enormous blow to the image of the West in Azerbaijan. The country was deeply disappointed by the hypocritical reaction of Western international organizations (the OSCE, CE, and EC) and leading Western nations to the repressive policies that emerged in Azerbaijan after the presidential elections. And when this scenario was repeated after the next parliamentary elections in 2005, it greatly undermined both Azerbaijanis' faith in Western democratic values as well as their Western sympathies.

The public was particularly annoyed and shocked by the stance of the American administration, which not only closed its eyes to the massive election fraud and abuse of power, but actually rushed to congratulate Ilham Aliyev on his victory even before the official election results were announced [12, 108-109]. As a result, there has been a real explosion of anti-Western, and, in particular, anti-American sentiment in Azerbaijan since 2003. In addition, those who were the most disappointed and offended were the people who until recently had been strong supporters of the country's pro-Western stance. This could be seen in many articles that were published in newspapers owned by pro-Western parties and organizations. These newspapers were filled with headlines such as "Democracy Traded for Oil," "Farewell to the West!"

"Washington's Short-Sighted Policy," "Democracy Takes a Hit in Azerbaijan," and "The US Ambassador Acts as an Agent of the Azerbaijani Government." In fact, the public was so wounded by the Bush administration's support of the Azerbaijani government's fraud and repression that on October, 17, 2003, the newspaper *Yeni Musavat*, which had previously been a radically pro-Western publication, published an article with the shocking headline "If an Election Like This is Acceptable to the US, Then Long Live Bin Laden?" [14, 337-361, 359; 7, 12-15, 13; 5, 43-47].

These sentiments only increased as time passed. Ilham Aliyev's administration did not even bother to conceal the new president's antipathy toward his political opponents in Azerbaijan, which included all pro-Western, pro-Russian, and pro-Islamist movements. But since pro-Western groups were the most prominent of these, they borne the brunt of the blow, and mass arrests and soon the repression of pro-Western activists became the norm. Since 2006 there has been a de facto ban on meetings, demonstrations, and protests of any kind in downtown Baku. Many rank-and-file activists from opposition parties have been fired from their jobs in government organizations and state-run businesses. And Ilham Aliyev's administration made it clear that they were not to be offered employment in any other state organizations. Opposition-party activists working outside of major cities were subjected to particularly intense pressure and constraints. Many individuals were forced to leave Azerbaijan because of their opposition views.

As a result of this oppression, the pro-Western democratic parties, which had played a prominent role in Azerbaijani society for 15 years (1992-2006), by early 2007 had lost much of their influence and could no longer have a significant impact within their country.

All these events met with indifference and silence from the EU and US, which for geopolitical reasons and because of Azerbaijan's energy resources, closed their eyes to the massive human rights violations in that country. As in the 1990s when Azerbaijan had to accept that its faith in Russia had been misplaced, the public's trust in the West now also seemed foolhardy. A significant segment of Azerbaijani society, particularly the younger generation, reacted by recalling the words of Ayatollah Khomeini, who led the Islamic revolution in Iran with the slogan, "No East. No West. Only an Islamic Republic!" [12, 131-135].

Since 2006 there has been a vacuum in Azerbaijani politics, which the proponents of political Islam quickly began to fill[11]. Since there was a de facto ban on all meetings or public gatherings for either political or other purposes, the

---

[11] *The term "political Islam" in Azerbaijan is used to refer to any of the various religious movements or groups that use Islam as the basis for their political activities or campaigns.*

mosque became a kind of political club. And so a significant number of ordinary people who had previously favored secular opposition movements, now found themselves so disappointed in Western values that they joined the ranks of the Islamists, or at least began to support the movement. Consequently, after 2006, the atmosphere on the street changed in Azerbaijan. And although Islam had not previously played any special role in the country's national life, it began to assume a new prominence. Although Azerbaijan had previously stayed on the sidelines of the geopolitical confrontation between the West and the Islamic world, various international incidents involving Islam now provoked a resentful backlash in the country. Public protests against American and Israeli Middle East policies became a common occurrence, although this would previously have been difficult to even imagine.

And in the end, Islam and Islamic values became a political platform for a new generation of opposition figures. As political Islam became the only real opposition force in Azerbaijan, it also became the only movement capable of causing fear and anxiety within the administration. In addition, dozens of Azerbaijanis are now taking part in the fighting in the North Caucasus (in Chechnya, Dagestan, and Ingushetia), as well as in Afghanistan and Pakistan.

Recognizing the danger to itself, the government launched a campaign against the Islamists in 2007. In the past three years the government has tightened its religious censorship and unleashed a barrage of repression against Muslims, resulting in the arrest of thousands of Islamists. In addition, many mosques have been either destroyed or closed. Finally, the leaders of the Islamic Party of Azerbaijan (IPA) were arrested in 2011.

Unfortunately, all these measures and actions by the Azerbaijani government are extremely inconsistent and involve serious legal violations. There has been a change in the public's attitude since the 1990s, and as a result there is now an excellent chance the government's current actions will not meet with widespread support or understanding. Especially in light of the recent events in the Arab world.

Conclusions

Hence, Azerbaijan's twenty years of independence can be divided into three periods, each of which is quite distinct in terms of its length, motif, and consequences.

The first period lasted less than a year, and it can rightfully be labeled a time of revolutionary democracy, by virtue of the fact that it was a time of undisguised protest against the Soviet empire and against totalitarianism, as well as a battle for the independence of the republic. Revolutionary rhetoric and ideology were the hallmarks of the leaders of the nationalistic movement of that era, and this was the source of their power. Their goal was to fundamentally alter Azer-

baijani society as quickly as possible, and to rid the country of the vestiges of its old Soviet life, and particularly the political system that was associated with it. They were not afraid of reform. But therein lay their weakness. Because they had no governing experience, they were quite naive and overly reliant on their ideology, which prevented them from enacting pragmatic policies.

The second stage of Azerbaijan's independence was the ten years of Heydar Aliyev's administration, which laid the foundations of the new Azerbaijan. In contrast to the nationalistic revolutionaries in the APF, Heydar Aliyev had no intention of trying to reform Azerbaijani society. On the contrary, he did his best to further strengthen the old Soviet political system that was tailor-made for the purpose of maintaining total control over society and safeguarding power for as long as possible in a single set of hands. The outer trappings were changed but the essence of the system remained. Heydar Aliyev was primarily concerned with the well-being of his family and clan, and it was precisely for this reason that the members of Aliyev's inner circle were the primary beneficiaries of the country's privatization campaign. As a result, a small group of oligarchs rose to prominence in Azerbaijani society and seized monopoly control of the national economy. During this period Aliyev did nothing to encourage the development of small and medium businesses, and a pervasively corrupt monopoly soon controlled everything.

In fact, Heydar Aliyev laid the foundation of a new type of government in Azerbaijan, similar to the monarchies and authoritarian regimes found in the Middle East. Azerbaijan is geographically squeezed between two hostile neighbors, Russia and Iran, and the experienced and pragmatic Heydar Aliyev understood what threats those countries might pose in the event of a stormy confrontation, and so he tried to prevent any such showdown. During that time he was able to find a counterweight in the West, particularly the United States, by using oil contracts to attract American assistance. The oil policy did not really help to resolve the conflict in Nagorno-Karabakh diplomatically, but it did strengthen Aliyev's grasp on power.

And in this manner Heydar Aliyev and his inner circle managed to transfer the leadership of the country to his son, Ilham Aliyev. The third phase in the history of independent Azerbaijan has begun, and it has so far been marked by increasing government control of society and of the country in general. Unlike his father, from the very beginning of his administration Ilham Aliev has chosen to harshly suppress the forces of dissent and opposition and to subject the country to his complete control. As a result, he has crushed the traditional, democratic, political opposition and those groups no longer have any impact. The pro-Western opposition in Azerbaijan has now been replaced by pro-Islamic political organizations. Civil society is still in its infancy and has no social influence. The government has monopoly control of the media. The preconditions neces-

sary for the development of a market economy and free enterprise are lacking. Azerbaijan under Ilham Aliyev is no longer place of democratic reform, but a country subject to massive violations of human rights, an astounding level of corruption, and a monopolized economy. In fact, after twenty years of independence, Azerbaijan is increasingly beginning to resemble an eastern Arabic monarchy, with pseudo-democratic elements. And all the while, the ruling administration relies on public fear of the repressive system.

But therein lies the weakness of the current political system and the ruling clan. History shows that these types of social orders inevitably become destabilized at the slightest external threat or challenge - the center cannot hold. Which naturally raises well-founded concerns about Azerbaijan's future, particularly since the flow of petrodollars will significantly diminish in the next few years before drying up completely.

Bibliography

1. Abasov A., Furman D. Azerbaidzhanskaya Revolutsiya. // Azerbaidzhan i Rossiya: Obshchestva i Gosudarstva. - Moscow: 2005
2. Arasly D. Armyano-Azerbaidzhansky Konflikt: Voenny Aspekt. - Baku: 1995
3. Brzezinski Zb. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. - Moscow: 2005
4. Dzhabiev R.M. Sotsialno-Ekonomicheskoe Razvitie Azerbaidzhanskoi Respubliki za Gody Nezavisimosti. - Baku: 2005
5. Dzhuvarly T. Neft i Demokraticheskie Tsennosti: Opyt Azerbaidzhana. // Diaspora, Neft, i Rozy. - Yerevan: 2005
6. Ibadogly G. Izderzhki 'Perekhodnogo Perioda' v Azerbaidzhane. // Azerbaidzhan i Rossiya: Obshchestva i Gosudarstva. - Moscow: 2005
7. Nuriev R. Neft i Demokratiya. // Monitor, #28, 2003
8. Rasizade A. Desyatiletie 'Razvitogo Kapitalizma' v Azerbaidzhane: Obeshchaniya 'Vtorogo Kuveita', Pechalnye Itogi, Mrachnye Perspektivy. // Tsentralnaya Aziya i Kavkaz, #3, 2003
9. Sidikov B. New or Traditional? 'Clans,' Regional Groupings, and State in Post-Soviet Azerbaijan. // Berliner Osteuropa Info., vol. 21, Berlin: 2004
10. Tkachenko S., Petermann S. Sotrudnichestvo Stran SNG v Voennoi Sfere i Faktor NATO. – Sankt-Petersburg: 2002
11. Todya Z. Azerbaidzhan Segodnya. - Moscow: 1995
12. Yunusov A. Azerbaijan in the Early XXI Century: Conflicts and Potential Threats. - Baku: 2007
13. Yunusov A. Azerbaidzhan v Nachale XXI Veka: Konflikty i Potentsialnye Ugrozy. - Baku: 2005

14. Yunusov A. Energetichesky Faktor v Politike Azerbaidzhana. // Yuzhny Flang SNG. Tsentralnaya Aziya - Kaspy - Kavkaz: Energetika i Politika, 2. - Moscow: 2005
15. Yunusov A. Azerbaijan: the Burden of History – Waiting for Change. // The Caucasus: Armed and Divided. - London: 2003
16. Zacharov V.A., Areshev A.G. Sotrudnichestvo Azerbaidzhana s NATO i Situatsiya v Nagornom Karabakhe. - Moscow: 2008

Prezentata la redactie
la 12 ianuarie 2012

COMPARTIMENTUL
RELAȚII INTERNAȚIONALE

ABORDĂRI ALE SOLUȚIONĂRII CONFLICTULUI DIN ZONA NISTREANĂ A REPUBLICII MOLDOVA

Aurelian LAVRIC
Republica Moldova, Chisinau, Universitatea de Stat din Moldova, facultatea Relatii Internationale, Stiinte Politice si Administrative, Catedra Relații Internaționale
doctor în Istorie, conferențiar

The implication of Russian regular army and the paramilitary forces within 1992 year war on the both banks of the Dniester river showes that it was a Russian - Moldovan territorial conflict. The causes of bursting of the conflict are simple: in order to usurp the power within the eastern part of Republic of Moldova (RM), the paramilitary forces of Kazaks from Russia attacked the police stations from region. Thus, the conflict began and the so-called Nistrian Moldovan Republic (Nistrenia) was recognized as a part in conflict. Unfortunately, the national and the international media presented for the public opinion a view according to which there is a separatist regime in the Eastern Moldova. However, it is rather a regime of Russian occupation, based on the presence of the 14th Russian army and an administration formed by Russian citizens, ruling in Tiraspol, implementing the commands from Moscow. The single agreement which is followed and respected by the two parts of the conflict is the agreement from July 21, 1992, signed at Moscow by the presidents Eltsin and Snegur, which ultimately finished the war between Russia and Republic of Moldova and did draw the border between the Republic of Moldova and the zone of the Russian occupation on the territory of the Republic of Moldova. The author analyses the Ukrainian and Russian plans of solving the conflict and shows out the manipulations used in those documents. Unfortunately, instead of proposing a statute of the Nistrian region in the composition of the Republic of Moldova, Ukrainian and Russian mediators propose an organization mode (a political system) of the Republic of Moldova. Unfortunately, the 5+2 informal format of negotiations is not efficient because Russia is present not as a part of the conflict, but as a mediator. The origin of the conflict from 1990 to 1992 is within the border marked in 1940, as a result of which the southern and northern Bessarabia were granted by the leadership from Moscow to Ukraine, and Moldova in return was given a strip on the left bank of the Dniester, which used to belong to Ukraine. As in Nistrian region from the left bank of the Dniester there are Ukrainian localities, as well as in northern Bessarabia there are Moldovan localites, the author

proposes a scenario of an exchange of the territories between Moldova and Ukraine, which could eliminate for good and all the hot spot from the Dniester banks.

Conflictul îngheţat din zona nistreană a Republicii Moldova constituie un impediment în dezvoltarea ţării pe toate planurile. Existenţa în cadrul graniţelor formale ale Republicii Moldova a unei zone controlate de autorităţi nerecunoscute la nivel internaţional (cu toate că guvernul de la Chişinău poartă negocieri cu acele autorităţi în formatul informal 5+2 şi astfel, indirect, le recunoaşte legitimitatea) constituie o cauză, alături de altele (spre deosebire de cazul Cipru – ineficienţă economică, un grad ridicat al corupţiei ş.a..) care face ca integrarea europeană a ţării să fie pusă sub semnul întrebării. În prezent ne aflăm într-un impas: autorităţile de la Chişinău doresc menţinerea zonei necontrolate, de pe ambele maluri ale Nistrului, în cadrul statului unitar moldovenesc (cu acordarea unei autonomii largi), iar regimul de la Tiraspol doreşte ca regiunii să-i fie recunoscută independenţa, în vederea unei eventuale alipiri la Rusia Astfel cetăţenii ruşi, născuţi în Rusia şi veniţi de acolo pe teritoriul Moldovei (în partea sa estică), vor să deposedeze Moldova de o parte a teritoriului său sub pretextul că ei au constituit o republică *moldovenească* (sic!) nistreană („RMN"), în care limba oficială este rusa. Ei consideră că au drepturi asupra acelei palme de pământ, ţinând drept ostateci populaţia autohtonă, în cea mai mare parte – rurală. În încercarea de a-şi justifica acţiunile, ideologii de la Tiraspol au elaborat o mitologie în care se revendică de la Republica Autonomă Sovietică Socialistă Moldovenească (RASSM), creată la 12 octombrie 1924 [1, 73-84] pe teritoriul Ucrainei. Evident, cei care s-au aflat la originile RMN nu aveau nici o legătură RASSM. De fapt, RSSM şi, respectiv, Republica Moldova este succesoarea de drept a RASSM, de aceea, dacă Smirnov (preşedintele RMN, originar din Habarovsk) şi Antiufeev (ministrul Securităţii RMN, originar din Novosibirsk) ar fi ţinut atât de mult la ideea de „republică moldovenească", ei nu ar fi luptat cu înverşunare împotriva Republicii Moldova. În spiritul abordării staliniste, ei au recurs la o manipulare: pentru a camufla menţinerea regimului de ocupaţie moscovită în estul Republicii Moldova, eu au declarat că au constituit o aşa-zisă republică... moldovenească, succesoare a RASSM, dar în care limba moldovenească nu este folosită în administraţie şi în spaţiul public, iar din administraţia centrală „de stat" nu face parte nici un localnic moldovean (din „guvernul" de acolo nu face parte nici un etnic moldovean originar din zonă, ci în majoritate etnici şi cetăţeni ruşi, originari din Federaţia Rusă.) Actualii propagandişti de la Tiraspol nu se sfiesc să invoce cazurile Kosovo, Abhaziei, Osetiei de Sud, Sudanului de Sud, ca precedente pentru recunoaşterea independenţei autointitulatei RMN. Ei se fac că nu înţeleg enorma diferenţă între cazurile enumerate şi cel din estul Republicii Moldova. Acele cazuri

nicidecum nu pot constitui precedente pentru liderii de la Tiraspol, întrucât pe teritoriul estic al Republicii Moldova este vorba de o rămăşiţă a ocupaţiei ruseşti. Liderii de la Tiraspol nicidecum nu pot fi numiţi „separatişti” (aşa cum a fost cazul în Kosovo, Timorul de Vest, Sudanul de Sud) deoarece din perioada sovietică şi până în prezent teritoriul estic al Republicii Moldova s-a aflat şi se află sub ocupaţie rusească (chiar şi acum, cu trupe ruseşti pe teren). De fapt, *separatişti* sunt localnicii, de exemplu, locuitorii satului Corjova, raionul Dubăsari, de pe malul stâng al Nistrului, cărora începând cu alegerile locale generale din 3 iunie 2007 până în prezent nu li se permite să organizeze secţii de votare şi să desfăşoare alegeri locale generale şi alegeri parlamentare în localitatea lor, li se crează impedimente în activitatea economică (inclusiv agricultorilor din satele Doroţcaia, Pârâta ş.a.) de către administraţia regimului de ocupaţie şi de către miliţia care este un instrument al regimului. Dacă exemplele Kosovo şi Sudanul de Sud pot constitui precedente, aceasta - pentru populaţia locală autohtonă, care doreşte să scape de ocupaţia rusească (de armata, miliţia şi administraţia rusească de ocupaţie).

În situaţia creată în zona estică a Republicii Moldova există câteva posibilităţi despre care s-a scris privind evoluţia conflictului:

1. Perpetuarea situaţiei prezente, când autointitulata RMN nu este recunoscută la nivel internaţional de nici un stat, dar continuă să existe de facto, independent faţă de Republica Moldova (ca şi în cazul Karabahului de Munte);

2. Autointitulata RMN ar putea fi recunoscută de către unele state (vezi precedentele *Abhazia* şi *Osetia de Sud*, recunoscute de Federaţia Rusă şi alte trei ţări; *Republica Turcă a Ciprului de Nord*, recunoscută de Turcia, precum şi *Taiwan*, recunoscut de 23 state suverane [2]).

3. Federalizarea Republicii Moldova, cu semnarea unui acord privind staţionarea trupelor ruseşti în zona nistreană, ca o garanţie cerută de Rusia şi de cetăţenii ruşi de la Tiraspol, a „respectării drepturilor” populaţiei rusofone din zona de est a Republicii Moldova.

4. Republica Moldova acceptă graniţa stabilită în iulie 1992 de către preşidinţii Rusiei şi Moldovei B.Elţin şi M.Snegur – fără a recunoaşte independenţa RMN – aderă la UE, eventual la NATO.

Din păcate, în ştirile cu privire la zona de conflict s-a impus noţiunea „Transnistria”. Denumirea „Transnistria” cu referire la partea estică a Republicii Moldova, care nu se află sub jurisdicţia Guvernului de la Chişinău, este greşită deoarece Republica Moldova are în jurisdicţia sa 6 comune (Coşniţa, Pîrîta, Pohrebea, Doroţcaia, Cocieri, Molovata Nouă) pe malul stâng al Nistrului, în aşa-zisa Transnistrie (teritoriul dintre Nistru şi Bug), în timp ce regimul de la Tiraspol are în jurisdicţia sa 6 localităţi (oraşul Bender şi cinci sate Chiţcani, Gâsca, Proteagailovca, Mereneşti, Cuciurgan) din Cisnistria sau aşa-zisa Basarabie. Zona respectivă este numită Nistrenia de oficialii de la Tiraspol.

Până în prezent au fost propuse câteva planuri de reglementare a conflictului. În 2002 OSCE, împreună cu Rusia şi Ucraina au lansat la Kiev propuneri privind modul de soluţionare a conflictului. Fundamentul acelor propuneri era principiul federalismului (câţiva subiecţi ai federaţiei), pe care Guvernul de la Chişinău nu îl agrează. Mediatorii mai propuneau formarea unor structuri ale statului federal (de exemplu, un legislativ bicameral), simboluri ale statului federal (agreate de toţi subiecţii federaţiei) ş.a. Ucraina şi Rusia au dezvoltat ideile respective, elabornd propriile planuri de soluţionare a conflictului.

Planul Ucrainei [3]**.** Unul dintre acestea este planul de reglementare a conflictului nistrean propus de preşedintele ucrainean V.Iuşcenko în mai 2005. El are în vedere „identificarea obiectivelor principale, a principiilor şi a etapelor reglementării problemei nistrene, în vederea asigurării respectării supremaţiei legii şi a libertăţilor fundamentale ale omului, cu respectarea integrităţii teritoriale în graniţele internaţional – recunoscute şi a suveranităţii de stat a Republicii Moldova”. La capitolul **„Obiective”**, planul vizează reintegrarea Republicii Moldova pe baza integrităţii teritoriului şi a puterii de stat, a unui sistem politic democratic, cu păstrarea regimului constituţional al Republicii Moldova şi determinarea unui statut juridic special al Nistrreniei ca parte integrantă a Republicii Moldova. Planul prevede **„asigurarea dreptului locuitorilor Nistreniei la autodeterminare exclusiv în cazul pierderii de către Republica Moldova a suveranităţii şi independenţei”**. Deoarece autorii documentului nu precizează în ce caz poate avea loc pierderea de către Republicii Moldova a suveranităţii şi independenţei, ne putem întreba cum, în cazul unei agresiuni din partea altui stat, cu scopul de a ocupa şi subjuga Moldova, o parte din cetăţenii săi (imigranţii rusofoni aflaţi în estul ţării) vor putea să se eschiveze de la ocupaţie şi subjugare. Putem presupune că autorii ucraineni au fost victime ale mitului privind unirea Republicii Moldova cu România – scenariu nediscutat în cercurile guvernamentale moldoveneşti şi române – caz în care, se presupune, s-ar ajunge la pierderea statalităţii moldoveneşti. Dar o unire poate avea loc în diferite moduri: este posibil ca România să se unească cu Moldova şi astfel România îşi va pierde statalitatea. De aceea această prevedere din Planul Ucrainei este lipsită de sens. Iar dacă România, Ucraina sau un alt stat va dori să se unească cu Moldova, culmea ar fi ca cetăţeanul rus Smirnov şi alţii ca el să decidă dacă le convine, iar în cazul în care nu le convine, să recurgă la dreptul la autodeterminare. Este bine ca autorii ucraineni să realizeze cine, ce grup de oameni are dreptul la autodeterminare. Dacă populaţia din estul Republicii Moldova (cu majoritatea sa formată din imigranţi din Rusia) are dreptul la autodeterminare, de ce să nu se autodetermine acum, cât mai repede, fără să aştepte momentul când Moldova va fi ocupată de un alt stat sau când un alt stat se va uni cu Moldova. Iar dacă cetăţenii ruşi, sosiţi din Rusia şi care locuiesc la Tiraspol sau Rîbniţa nu au dreptul la autodeterminare pe teritoriul Republicii Moldova (bineînţeles, îl au acolo

unde s-au născut: la Habarovsk, Novosibirsk ş.a.), ei nu vor avea acest drept nici în cazul intrării Moldovei în componenţa altui stat sau a intrării altui stat în componenţa Moldovei. Această formulare din Planul ucrainean denotă interesul Kiev-ului ca statul Republicii Moldova să existe în continuare ca un stat slab, să nu aibă loc o unire a Republicii Moldova cu România, căci dacă ea ar avea loc, noul stat ar putea revendica teritoriile sale istorice – ţinutul Herţa, nordul Bucovinei, nordul şi sudul Basarabiei – încorporate, în urma unei decizii ilegale a autorităţilor de la Moscova, în 1940, în RSS Ucraineană.

Printre **principiile** planului ucrainean găsim: „stabilirea statutului Nistreniei exclusiv pe cale paşnică” (ca şi cum aceasta ar fi posibil pe o altă cale), „în baza Constituţiei Republicii Moldova, prin introducerea unor iniţiative legislative de către organele reprezentative ale Republicii Moldova şi regiunii nistrene, care vor găsi sprijinul societăţii civile din toată Moldova şi vor răspunde principiilor *democraţiei*, *integrităţii* şi *securităţii* statului comun Republica Moldova în graniţele teritoriului RSS Moldoveneşti de la 1 ianuarie 1990”. Autorii ucraineni menţionează principiile: *integrităţii teritoriale, indestructibilităţii şi intangibilităţii graniţelor de stat, respectului faţă de drepturile şi libertăţile fundamentale ale omului, dreptului poporului la autodeterminare* (sic?). Nu este clar despre ce fel de „drept al poporului la autodeterminare” este vorba în cazul poporului Moldovei, care a făcut deja uz de acest drept ieşind din componenţa URSS şi creându-şi propriul stat, devenit membru al ONU şi fiind recunoscut de statele lumii. Printre principii, autorii ucraineni menţionează aspecte care mai degrabă se înscriu în acţiuni / etape ale reglementării: defăşurarea de alegeri anticipate transparente şi democratice în Sovietul Suprem al Nistriei sub control internaţional, în baza condiţiilor juridice ale statutului Nistreniei, determinate de Legea Republicii Moldova, ceea ce va constitui o componentă a *recunoaşterii sale de către Republica Moldova ca organ legitim reprezentativ al regiunii nistrene a Republicii Moldova*; forma juridică a Nistriei ca regiune cu statut special în componenţa Republicii Moldova urmează să ia contur în **trei etape**, care vor constitui o perioadă de tranziţie spre reglementarea finală. Elaborarea proiectelor respective de legi revine în prima etapă Parlamentului Republicii Moldova, iar apoi unei comisii parlamentare din care vor face parte membri plenipotenţiari al Parlamentului Republicii Moldova şi ai Sovietului Suprem al Nistreniei ales pe cale democratică. Părţile se vor abţine de la acţiuni unilaterale, care pot crea obstacole pe calea reglementării paşnice a conflictului nistrean şi vor respecta acordurile atinse anterior, fixate în planul în cauză.

Expunând **cele trei etape** ale planului, autorii arată că în **prima etapă** urmează să aibă loc stabilirea juridică a prevederilor de bază ale statutului Nistreniei în cadrul Republicii Moldova. Este vorba de o lege privind statutul regiunii şi care să confirme acordurile realizate anterior. De altfel, la 22 iulie 2005, Parlamentul de la Chi□inău a adoptat "Legea cu privire la prevederile de bază

ale statutului juridic al localită□ilor din stânga Nistrului", care însă nu are nici o valoare pentru cârmuitorii de la Tiraspol. În viziunea ucrainenilor, singurul subiect al dreptului internațional este Republica Moldova. Nistrenia în componența Republicii Moldova urmează să fie o unitate teritorial – administrativă specială sub formă de „republică" (?). Nistrenia ar adopta şi folosi propria lege supremă (Constituția), care după adoptarea legii Republicii Moldova privind statutul special al regiunii nistrene (Nistrenia), va corespunde Constituției Republicii Moldova. Nistrenia ar avea simbolica proprie (drapel, stemă, imn), care va fi folosită împreună cu simbolica Republicii Moldova. În calitate de limbi oficiale ale Nistreniei ar fi utilizate moldoveneasca, ucraineana şi rusa. Tuturor locuitorilor Nistreniei li se garantează dreptul la folosirea limbii materne, crearea condițiilor pentru studierea şi dezvoltarea acesteia. Nistrenia ar lua parte la realizarea politicii externe a Republicii Moldova în problemele care ating interesele sale, într-o modalitate convenită de părți. Nistrenia ar avea dreptul să stabilească şi să întrețină contacte externe în domeniile economic, tehnico-ştiințific, umanitar într-o modalitate determinată de legislația Republicii Moldova.

Un element confuz în planul ucrainean este alineatul din capotolul „Obiective", care vizează, pe lângă eliminarea definitivă a tuturor consecințelor conflictului, crearea **unui sistem** pe mai multe nivele **al garanțiilor internaționale şi interne**, pe care autorii le detaliază când scriu despre **prima etapă** a implementării planului. În legea Republicii Moldova privind prevederile de bază ale statutului regiunii nistrene se prevede să fie adoptat **un sistem de garanții**, care, printre altele, va include următoarele prevederi: 1) Nistrenia dispune de dreptul ieşirii din componența Republicii Moldova în cazul luării deiziei de a unire a Republicii Moldova cu un alt stat şi (sau) în cazul pierderii de către Republicii Moldova a statutului de subiect al dreptului internațional; 2) Ieşirea Nistreniei din componența Republicii Moldova se înfăptuieşte cu o monitorizare internațională pe baza deciziilor adoptate la un referendum în Nistrenia de către majoritatea locuitorilor din cei înregistrați în teritoriu. Referendumul se stabileşte în conformitate cu legislația în vigoare exclusiv dacă există un temei pentru o asemenea ieşire. Ca şi alegerile în Sovietul Suprem de la Tiraspol, el are loc sub controlul UE, OSCE, Consiliului Europei, SUA, Rusiei, Ucrainei ş.a. state democratice.

În **etapa a doua** urmează să aibă loc repartizarea competențelor şi prerogativelor între instituțiile de stat centrale şi organele puterii din Nistrenia, adoptarea legii Republicii Moldova privind statutul juridic al regiunii nistrene a Republicii Moldova (Nistrenia) de către Sovietul Suprem nou-ales al Nistreniei. Sovietul Suprem al Nistreniei deleagă deputați împuterniciți în componența Comisiei parlamentare a Republicii Moldova care elaborează proiectul legii privind statutul juridic al regiunii. Documentul, reieşind din stipulările legii Republicii Moldova privind prevederile de bază ale statutului Nistreniei, conține reglemen-

țări privind împărțirea competențelor între organele puterii centrale şi ale Nistreniei. Mediatorii din partea Rusiei, Ucrainei şi OSCE, reprezentanții SUA, ai UE şi ai Consiliului Europei în cazul adresării către ei a părților, acordă ajutor în elaborarea proiectului de lege menționat. Parlamentul Republicii Moldova adoptă legea respectivă. În scopul implementării legii privind statutul special juridic al Nistreniei, Sovietul Suprem adoptă respectivul act normativ-juridic.

La **etapa a treia** se prevede reglementarea totală a problemei nistrene, asigurarea juridică a statutului special al Nistreniei în componența Republicii Moldova. Părțile elaborează în acelaşi timp, împreună cu viitoarele state garante – Rusia, Ucraina, de asemenea OSCE, cu concursul SUA şi UE **„Acordul dintre Republica Moldova, Rusia, Ucraina, OSCE privind garanțiile respectării de către Republica Moldova a Legii privind statutul juridic special al regiunii nistrene a Republicii Moldova”**. Vreau să menționez că întrucât Nistrenia este recunoscută ca parte în conflict şi ca subiect al federației, nu este clar de ce, în viziunea ucrainenilor, probleme ar putea să apară numai din partea Chişinăului, care trebuie să semneze acordul. Autorii uită sau nu ştiu că la 2 martie 1992 au fost declanşte cele mai sângeroase confruntări în zona de conflict (oraşul Bender, în Cisnistria sau Basarabia) în urma atacului forțelor paramilitare de cazaci şi mercenari asupra Comisariatului de poliție din Bender. În orice stat al lumii, când un comisariat de poliție este atacat de o bandă, întreg sistemul vine în ajutor colegilor – fie că este vorba de un stat democratic, fie că este vorba de un stat totalitar cum a fost URSS. Autorii ucraineni nu scriu ce trebuie să se întâmple dacă o bandă va ataca din nou Comisariatul MAI al Republicii Moldova din Bender (care a rezistat şi se află până în prezent acolo, dar activitatea căruia este blocată de regimul de ocupație, care a format propria miliție), sau din altă localitate a Moldovei libere.

După adoptarea de către Parlamentul Republicii Moldova a Acordului în cauză intră în vigoare Legea Republicii Moldova privind statutul juridic special al Nistreniei. Sovietul Suprem al Nistreniei adoptă Constituția Nistriei. În scopul acționării în comun în vederea depăşirii unor posibile dezacorduri pe chestiuni legate de implementarea sau interpretarea de către părți a prevederilor Legii Republicii Moldova privind statutul juridic special al Nistreniei este creat un **Comitet de Conciliere**, în componența căruia intră câte doi reprezentanți ai Republicii Moldova şi Nistreniei, de asemenea câte unul din partea Ucrainei, Rusiei şi OSCE. La lucrările comitetului în cauză pot lua parte reprezentanții SUA şi UE. Perioada de activitate a comitetului este determinată pe baza unei înțelegeri de comun acord a părților. Autorii ucraineni stipulează în încheierea Planului că în cazul nerespectării de către una din părți a prevederilor acestuia, Rusia, Ucraina şi OSCE îşi rezervă dreptul, reieşind din normele şi principiile dreptului internațional, să ia măsuri corespunzătoare (?). Din câte se ştie, normele şi principiile dreptului internațional reglementează neamestecul unui

stat sau al statelor în treburile altui stat. Comunitatea internațională poate interveni atunci când are loc o încălcare flagrantă a dreprurilor omului, când guvernul unui stat încalcă drepturile populației sau ale unei părți a populației. După cum se ştie, în zona nistreană niciodată nu a avut loc o încălcare, de către guvernul de la Chişinău, a drepturilor populației de acolo, din simplul motiv că regiunea cum a fost, din 1944 sub ocupația Moscovei, aşa a şi rămas până în prezent. Dimpotrivă, din zona respectivă s-au refugiat sute de moldoveni din cauza represiunilor şi amenințărilor regimului de ocupație. Instituțiile statului moldovenesc – Poliție, Serviciul de Informații şi Securitate ş.a. – care şi-au avut sediile în zina estică a Republicii Moldova au fost amenințate sau – cele care nu au cedat şi nu s-au predat fără luptă – atacate, iar angajații acestora, care au rămas devotați guvernului de la Chişinău – au fost expulzați din casele şi localitățile lor. Dimpotrivă, bande înarmate (cu armament al armatei a 14-cea ruseşti staționată în regiune) ale regimului de la Tiraspol au atacat în 1992 instituțiile aflate în subordinea Chişinăului (de exemplu, comisariatele de poliție din regiune), declanşând un masacru, iar pentru salvarea colegilor lor în oraşul Bender au fost trimise echipe de polițişti, care au fost atacate virulent. Astfel, liderii de la Tiraspol şi-au atins scopul: în urma declanşării de către ei a conflictului, ei au fost recunoscuți ca *parte în conflict* şi au dobândit o legitimitate. Astfel, în prezent Tiraspolul este parte în formatul informal de negocieti 5+2.

Consider că planul Ucrainei a avut drept scop promovarea interesor ucrainene în zonă. Iar aceste interese nu au în vedere o soluționare definitivă a conflictului si consolidarea statului moldovenesc.

Planul Rusiei [3]**.** Un alt plan „de unire a Moldovei şi Nistreniei" a propus în 2003 Federația Rusă. Acesta mai este numit „Planul Kozak", deoarece a fost elaborat cu participarea lui D.Kozak, reprezentantul special al preşedintelui Rusiei V.Putin. Planul se conține într-un „Memorandum privind principiile de bază ale „sistemului politic al statului unit", care a fost parafat de preşedintele Republicii Moldova V.Voronin şi de „preşedintele RMN" I.Smirnov. După parafare, preşedintele Voronin a denunțat documentul, care nu a mai fost semnat, declarând că între textul parafat şi cel care urma să fie semnat existau diferențe, în sensul că textul fusese modificat fără acordul părții moldoveneşti. D.Kozak a respins aceste acuzații. Textul elaborat de Rusia prevede ca **„părțile" –** ***Republica Moldova*** **şi** ***Nistria***, conştientizând responsabilitatea pentru unirea țării, asigurarea păii civice şi a unei dezvoltări democratice plenare, urmează să convină că reglementarea definitivă a problemei nistrene trebuie să se realizeze pe calea „transformării sistemului politic al Republicii Moldova" cu scopul construcției unui stat independent, democratic, comun, bazat pe *principiile federaliste*, determinat în granițele teritoriului RSSM la 1 ianuarie 1990. Realizarea mecanismelor practice ale reglementării problemei e posibilă pe baza elaborării comune, a

discutării preliminare de către întregul popor şi a adoptării Constituției statului unit – **Republica Federală Moldova (RFM)**.

Documentul stipulează că „**Federația este un stat demilitarizat neutru”.** Condițiile şi ordinea desființării forțelor militare, garanțiile sociale ş.a. ale militarilor Republicii Moldova şi Nistreniei sunt determinate de o lege federală organică. Până la demilitarizarea deplină a Federației, forțele armate sunt formate şi acționează pe baza *principiului teritorial al completării formațiunilor militare* şi nu pot fi folosite pentru asigurarea ordinii de drept şi a securității societale pe teritoriul Federației. Comanda forțelor mlitare ale Federației este înfăptuită de un organ federal împuternicit al puterii executive.

La alineatul 3.8. al Memorandumului se prevede că „Republica Moldovenească Nistreană este Subiect al Federației, **o formațiune statală [!]** în componența Federației, formează organele de stat legislativ (Sovietul Suprem al RMN), executiv (Preşedintele RMN şi Guvernul RMN) şi ale puterii judecătoreşti, are propria Constituție şi legislație, proprietate de stat, buget propriu şi sistem de impozitare, de asemenea simbolică de stat proprie şi alte atribute ale statutului său **de stat [! subl. A.L.]**”. Prin această prevedere, Rusia forța Moldova să recunoască „RMN” în calitate de stat. Nu este clar cum a putut preşedintele Voronin să parafeze un document cu o asemenea prevedere. Dar asta nu este tot. Conform autorilor ruşi, „formațiunea teritorială autonomă „Găgăuzia” este şi ea **un „Subiect al Federației**, formează propriile organe ale puterii legislativă, executivă şi judecătorească, are propriile Lege fundamentală şi legislație, proprietate de stat, buget propriu şi sistem de impozitare. De asemenea simbolică proprie şi alte atribute ale *statutului său de autonomie*”. Nu înțeleg cu ce ocazie într-um memorandum privind soluționarea problemei din zona nistreană a Republicii Moldova, în care părțile sunt Republica Moldova şi Nistrenia, autorii ruşi implică zona sudică a țării, în care relațiile dintre Chişinău şi minoritatea găgăuză au fost reglementate. Este o manipulare crasă: părțile semnatare sunt „Republica Moldova şi Nistrenia”, cu toate acestea conform memorandumului rusesc este vorba de încă un subiect al Federației. Deşi reprezentanții Rusiei scriu despre „statutul de autonomie”, de fapt prin acest memorandum ar fi avut loc recunoaşterea **unui stat găgăuz**, căci formațiunea teritorială de la sudul țării ar fi fost „un subiect” egal în drepturi cu Nistria, care, după cum am văzut, urma să fie recunoscută ca stat – subiect al Federației.

Autorii ruşi mai scriu că „În afara teritoriilor subiecților Federației [în afara Nistreniei şi autonomiei găgăuze] toate prerogativele puterii legislative, executive şi judecătoreşti de competența Subiecților Federației sunt exercitate direct de către Preşedintele federal, Parlamentul federal, Guvernul federal şi de către judecătoriile federale, iar în cazuri determinate de legi – de către administrația publică locală”. Înțelegem din această prevedere că, în viziunea autorilor memorandumului, este vorba de *o federație „asimetrică”*. Adică ar fi un teritoriu fede-

ral şi teritoriile a doi Subiecţi ai Federaţiei: formaţiuneai teritorială autonomă Găgăuzia şi RMN (Nistrenia). „Statutul constituţional – juridic şi *graniţele Subiecţilor Federaţiei nu pot fi modificate fără acordul lor*", se menţionează în memorandum. Dacă Poliţia moldovenească a fost nevoită să se retragă în iulie 1992 satul Corjova în urma Memorandumului semnat de preşedinţii celor două părţi care aflate în conflict – Elţin şi Snegur – fără a se ţine seama de voinţa locuitorilor, iar aceştia au vrut şi vor să facă parte din Republica Moldova şi nu din „RMN", nu e clar de ce trebuie să se perpetuieze situaţia de acum, dacă în 1992 s-a comis o nedreptate. Doar autorii ruşi au menţionat chiar la începutul memorandumului că unul dintre principiile pe baza căruia noul stat RFM va funcţiona este cel democratic. Deci oamenilor ar trebui să li se asigure dreptul de a-şi hotărî soarta.

O prevedere contoversată este cea potrivit căreia **„Subiecţii Federaţiei au dreptul să iasă din componenţa Federaţiei exclusiv în cazurile adoptării deciziei privind alipirea Federaţiei la un alt stat şi (sau) în legătură cu pierderea de către Federaţie a suveranităţii sale"** (subl. A.L.). Nu este clar în ce caz statul ar putea să-şi piardă suveranitatea. De regulă, aceasta s-a întâmplat în urma ocupaţiei teritoriului Moldovei de către Rusia ţaristă sau comunistă. De notat că în Constituţia Federaţiei Ruse nu există o prevedere conform căreia subiecţii federaţiei – republicile autonome pot ieşi din componenţa Federaţiei Ruse, iar Republica Cecenă a plătit un preţ scump pentru o asemenea tentativă, mişcarea de eliberare naţională fiind înăbuşită în sânge. Totuşi, strategii ruşi consideră că Moldova ar trebui să fie un caz diferit de stat federal, în care ei admit pe viitor un scenariu al dezintegrării. Totuşi, una este situaţia poporului cecen, autohton în republica sa şi care se află sub ocupaţie militară rusească, şi altceva este situaţia etnicilor ruşi sau rusofonilor de la Tiraspol şi Rîbniţa, care, în calitate de imigranţi, nu au dreptul la autodeterminare. Autorii ruşi însă, fac o excepţie pentru compatrioţii lor aflaţi în estul Moldovei. Ei precizează că „ieşirea Subiecţilor din componenţa Federaţiei se înfăptuieşte pe baza deciziilor adoptate în cadrul unui referendum al Subiectului Federaţiei cu majoritatea voturilor alegătorilor înregistraţi pe teritoriul Subiectului Federaţiei". Referendumul respectiv este stabilit de organul legislativ al puterii de stat a Subiectului Federaţiei dacă există un temei pentru ieşire. Asigurarea organizatorică şi „material – tehnică" a referendumului se înfăptuieşte de organele puterii de stat şi de organele administraţiei publice locale ale Subiectului Federaţiei.

Constituţia Federaţiei stabileşte **competenţa Federaţiei, competenţa în comun**, de asemenea **competenţa Subiecţilor Federaţiei**. **Competenţa Federaţiei** vizează: proprietatea de stat federală şi gestionarea sa; reglementarea valutară, emiterea de bani; transportul pe cale ferată, aerian şi fluvial; politica externă, comerţul extern şi tratatele internaţionale ale Federaţiei, chestiunile războiului şi păcii; cetăţenia Federaţiei, chestiunile emigrării şi imigrărăii; determinarea re-

gulamentului *producerii*, *vânzării* şi *procurării* (?) armamentului şi munițiilor (sic? Era vorba ceva mai sus ca statul să fie unul demilitarizat; probabil, autorii ruşi vor să legalizeze actuala producție de armament din zona nistreană), producerea substanțelor nocive, a substanțelor narcotice şi regulamentul folosirii lor; determinarea statutului şi apărarea graniței de stat, a spațiului aerian al Federației, regimul zonelor de frontieră; Conflictul de legi; meteorologia, geodezia, cartografia, standardele, etaloanele, sistemul metric şi calculul timpului; evidența statistică şi contabilă federală; decorații de stat federale şi titluri onorifice.

În ceea ce priveşte folosirea limbilor în RFM, memorandumul stipulează la alineatul 15: „Statutul şi ordinea utilizării limbilor moldovenească şi rusă pe teritoriul Federației sunt determinate de Constituția Federației şi de o lege organică federală. În acelaşi timp, în Constituția Federației urmează a fi fixate următoarele principii: în toate organele puterii de stat şi în administrația publică locală documentația se întocmeşte în limbile moldovenească şi rusă; fiecare are dreptul de a primi o informație oficială în organele puterii de stat şi în administrația publică locală, de asemenea funcționarii acestora la libera alegere în limbile moldovenească sau rusă; constituțiile Subiecților Federației, de rând cu limbile moldovenească şi rusă, pe teritoriile Subiecților Federației pot fi stabili alte limbi oficiale şi (sau) de stat ale Subiecților Federației (de menționat că acest principiu este respectat în prezent în autonomia găgăuzească, unde autoritățile utilizează limba rusă şi pot utiliza şi limba găgăuză, *notă A.L.*); Federația garantează totoror locuitorilor de pe teritoriul său dreptul la păstrarea limbii materne, crearea condițiilor pentru studierea şi dezvoltarea sa”.

O formulare care, după autorii ruşi, ar fi trebuit să sensibilizeze şi să mobilizeze Chişinăul să adopte memorandumul a fost cea onform căreia „Din ziua aprobării prezentului Memorandum nu sunt admise pe teritoriile Părților orice restricții ale activității asociațiilor politice şi publice, difuzării mijloacelor de informare în masă înregistrate de autoritățile competente ale Părților, ***circulația*** *reprezentanților autorităților publice şi* ***cetățenilor***. Agitația pe chestiuni ale participării la referendum, de asemenea pe chestiuni ce țin de referendum se efectuează fără orice restricții în conformitate cu legislația Părților”. Problema libertății circulației cetățenilor este una stringentă, deoarece regimul de ocupație a impus o frontieră în interiorul Republicii Moldova, despărțind familii, membrii cărora atunci când se vizitează, trebuie să treacă controale vamale şi ale actelor de odentitate, efectuate de funcționari şi grăniceri ai regimului rus de ocupație.

Conform alineatului 17 „Părțile se adresează Federației Ruse, Ucrainei, OSCE şi UE cu pronunerea privind oferirea de *garanții politice şi economice pentru asigurarea respectării condițiilor prevăzute de acest Memorandum ale reunificării şi integrității teritoriale a RFM*”. În acest scop pe teritoriul Părților pot fi plasați observatori. Părțile se adresează de asemenea cu o propunere către Federația Rusă, Ucraina şi OSCE privind acordarea unor astfel de garanții, încât

în cazul încălcării condițiilor îndeplinirii prezentului Memorandum de către una din Părți, Federația Rusă, Ucraina şi OSCE asigură îndeplinirea dispozițiilor sale cu privire la cealaltă Parte (inclisiv față de alte organizații internaționale şi alte state străine), de asemenea iau măsuri pentru restabilirea regimului de execuție a sa de către toți participanții la prezentul Memorandum. Totuşi, cea mai alarmantă prevedere este cea din alineatul 18: „**Părțile se adresează către Feredația Rusă cu propunerea de a fi oferite garanții de securitate**, ale condițiilor reunificării şi a integrității teritoriale a RFM, în temeiul prezentului Memorandum. În acest scop, la primirea consimțământului Federației Ruse, până la numirea referendumului pentru adoptarea Constituției, Republica Federala Moldoveneasca semnează şi ratifică <u>un Acord cu Federația Rusă privind desfăşurarea pe teritoriul viitoarei Federații în perioada de tranziție până la demilitarizarea totală a statului, dar nu mai târziu de anul 2020, a unor forțe de stabilizare şi de menținere a păcii ale Federației Ruse de nu mai mult de 2000 persoane, fără tehnică militară grea şi armament greu</u> (subl.A.L.)**.** Acordul intră în vigoare în acelaşi timp cu adoptarea Constituției Federației. În caz de neîndeplinire a obligațiilor în condițiile prezentului alineat, acest Memorandum îşi va pierde valabilitatea”. În alineatul 19 se precizează că „După intrarea în vigoare a Acordului menționat în alineatul 18 al acestui Memorandum, la el *se pot* alătura în calitate de garanți UE, OSCE şi Ucraina în condițiile convenite de către părțile Acordului”. Astfel, Rusia a exclus UE, OSCE şi Ucraina de la participarea la cea mai importanță fază a procesului de reglementare a conflictului: asigurarea garanțiilor. Putem deduce că scopul întregului text al memorandumului era legiferarea prezenței forțelor militare ruseşti de ocupație din estul Moldovei şi recunoaşterea de către Republica Moldova, ca state, a Republicii Moldovenesti Nistrene şi a autonomiei găgăuze. Chişinăul nu a căzut în această capcană, dar replica Rusiei a fost una vehementă: ridicarea prețului la gaz, embargoul vinurilor şi a altor produse agricole moldoveneşti. Cu regret, în loc să propună un statut la regiunii nistrene în componența statului moldovenesc, mediatorii ruşi (ca şi cei ucraineni sau ai OSCE) propun un mod de organizare (un sistem politic) a Republicii Moldova.

În legătură cu ideea federalizării Republicii Moldova, o abordare interesantă propune cercetătorul O.Serebrian. El consideră că „în cazul dacă, în procesul de negociere, se va ajunge la concluzia că într-adevăr unica soluție plauzibilă de reunuficare a țării ar fi cea de federalizare a acesteia”, el este favorabil „unei federații cu mai mulți subiecți ce ar avea ca model federația austriacă” [4, 154]. Serebrian consideră că „unica schemă plauzibilă ar fi crearea unei federații ce ar include 11 ținuturi federale şi un teritoriu federal (municipiu)”, ceea ce ar însemna revenirea la divizarea administrativ-teritorială a țării în județe şi sporirea competențelor unităților teritorial-administrative. Altfel spus, o descentralizare reală a puterii locale, în deplină conformitate cu spiritul unei Europe în constru-

cție” [4, 157]. Chişinăul nu ar fi subiect federal, ci teritoriu federal, beneficiind într-o serie de cazuri de drepturi egale cu ținuturile federale. Fiecare ținut federal ar dispune de un statut, drapel, stemă, imn, limbi oficiale, legislativ (Consiliul Ținutal) şi executiv condus de guvernatorul ținutului şi format din Departamente de Ținut (al Sănătății, al Culturii, al Justiției etc.). „Dacă partea transnistreană insistă ca Republica Moldova să devină un stat federal, iar ea să constituie un subiect al acestei federații, nu văd de ce şi-ar dori neapărat ca federația respectivă să fie organizată din 3 şi nu din 11 subiecți, din moment ce nici frontierele şi nici statutul zonei nistrene nu suferă vreo schimbare” [4, 159]. O federație multipolară are mai mari şanse de izbândă decât una cu un subiect-hegemon (RSF Iugoslavia, Austro-Ungaria, URSS). Succesul unor federații ca cea austriacă, elvețiană sau germană se datorează şi faptului că subiecții federației sunt compatibili ca populație, suprafață şi capacitate economică, consideră Serebrian. Printre alte propuneri ale sale aş menționa ideea acceptării de către Chişinău, după adoptarea statutului special al Nistreniei, a garanțiilor cerute de Tiraspol – „acceptarea unui contingent militar rus limitat, pentru că ei au o mare încredere în ruşi, iar pe de altă parte, pentru ca şi noi să avem încredere că statutul va fi respectat, să acceptăm un contingent NATO. Cred că NATO ar putea trimite un contingent de menținere a păcii, care să vegheze asupra respectării prevederilor statutului. Trupele ruseşti şi cele ale NATO sînt deja prezente în misiuni similare în Kosovo şi în Bosnia” [4, 151]. Cu părere de rău, datorită lipsei interesului Guvernului de la Chişinău față de propunerile cercetătorilor din Moldova (Guvernul nu solicită niciodată opinia Catedrelor de Relații Internaționale din instituțiile de învățământ superior) aceste propuneri nu au fost supuse discuției negociatorilor în formatul 5+2.

Într-un alt studiu, O.Serebrian, după ce menționează că „Chişinăul nu a reuşit să-şi structureze un plan de acțiuni în această problemă” [5, 94] propune „stabilirea unei frontiere de facto, pentru izolarea zonei separatiste de restul teritoriului țării, fără însă a recunoaşte idependența acesteia” [5, 95; 5, 150]. Autorul mai vede ca unul dintre scenariile teoretice, „cedarea regiunii transnistrene Ucrainei, revenindu-se la vechiul hotar pe Nistru” [5, 109]. Într-o altă lucrare el nuanțează totuşi: „Eu aş admite cedarea unor teritorii, dar în schimbul a ceva” [4, 152]. Un alt scenariu, în viziunea lui Serebrian, ar fi „recunoaşterea independenței” Republicii Moldovenesti Nistrene [5, 111], scenariu pe care autorul îl respinge, deoarece în urma acordării independenței Tiraspolului „în câştig ar fi doar Moscova”.

Fostul ministru de Interne, iar apoi al Apărării al Republicii Moldova de la începutul anilor ’90, generalul Ion Costaş, analizând situația legată de conflict, vede şi el două posibile scenarii privind soluționarea. Menționând că Guvernul de la Chişinău nu poate propune nimic constructiv în privința zonei nistrene, ca şi cu privire la autonomia găgăuzească, unde se manifestă tendințe separatiste

[6, 546], generalul examinează, ca un prim scenariu, schimbul amical de teritorii între Republica Moldova şi Ucraina: „Nistrenia, atât de dorită de Kiev, ar putea trece sub jurisdicția sa, granița ar fi pe Nistru, iar sudul Basarabiei şi nordul Bucovinei ne-ar putea fi restituite în schimbul Nistreniei” [6, 541]. Autorul nu crede totuşi că un asemenea schimb este posibil datorită importanței geostrategice a gurilor Dunării pentru orice stat, implicit pentru Ucraina. Al doilea scenariu, mai real, după I.Costaş, este „realizarea unui consens, în rezultatul conjugării eforturilor UE şi SUA, care pot influența Kievul şi Chişinăul cu scopul asigurării ordinii la granița moldo – ucraineană. Atunci Nistria ar putea să înceteze să mai fie un rai pentru contrabandişti, o sursă de venituri ilicite pentru lobbiştii autoproclamatei republici” [6, 542]. Acestea sunt doar câteva exemple ale felului cum văd unii autori de la noi soluționarea conflictului înghețat de pe Nistru.

În cazul tuturor acestor scenarii deficiența ține de faptul că autorii lor nu pornesc de la interesele populației din regiunea nistreană, ci pornesc de la dorința de a fi asigurată o graniță comodă pentru guverne şi pentru armatele moldovenească şi ucraineană. Consider că cercetările aupra conflictului, pe lângă identificarea *cauzelor* şi *esenței* acestuia, pe lângă găsirea unor *precedente* în practica internațională, ar trebui să utilizeze şi alte optici. O inovare în acest context ar fi elaborarea şi studierea hărții etnice a regiunii, în vederea identificării intereselor populației din zonă. Compoziția etnică denotă faptul că încă în 1940 au fost alipite la RSS Moldovenească zone din stânga Nistrului cu localități unde etnicii ucraineni locuiesc compact. Generalul I.Costaş relatează faptul că pe 25 august 1991 la Tiraspol a fost proclamată independența Republicii Moldovenesti Nistrene, iar Igor Smirvov a plecat la Kiev, cu o adresare privind solicitarea de a fi acceptată RMN în cadrul statului ucrainean [6, 266]. Desigur, situația s-a schimbat în mare măsură de atunci. Astăzi cu siguranță cetățeanul rus Igor Smirnov ar prefera ca autointitulata Republica Moldoveneasca Nistreana să aparțină Rusiei şi nu Ucrainei. Totuşi, cred că dacă în cadrul negocierilor cu participarea Ucraieni, UE, SUA şi Rusiei ar fi acceptată posibilitatea reparării crimei comise în toamna anului 1940 împotriva popoarelor moldovenesc şi ucrainean, când printr-o hotărâre a Prezidiului Sovietului Suprem al URSS la trasarea graniței între RSS Ucraineană şi RSS Moldovenească nu s-a ținut cont pe deplin de componența etnică a populației din teritoriile care au fost schimbate de către regimul de ocupație de la Moscova, ar putea fi găsită o soluție viabilă.

Originea confictului (sau războiului, cum preferă să-l numească generalul Ion Costaş) din 1990-1992 se află în delimitarea graniței făcută în 1940, în urma căreia sudul şi nordul Basarabiei (de asemenea, ținutul Herța şi localitățile româneşti nord-bucovinene din raioanele Storojineț şi Adâncata – care secole la rând au aparținut Principatului Moldovei) au fost acordate de conducerea de la Moscova Ucrainei, iar Moldovei în schimb i s-a oferit o fâşie de pe malul stâng

al Nistrului. Este adevărat că pe teritoriul respectiv, din stânga Nistrului, se aflau şi se află mai multe localităţi locuite de moldoveni, dar în cadrul schimbului de teritorii în componenţa RSSM au ajuns şi localităţi cu populaţie ucraineană, aşa cum dincolo de graniţa moldo-ucraineană din stânga Niistrului au rămas sate moldoveşti: Handrabura, Valea Hoţului (Dolinskoe), Tocileva ş.a.. O rectificare de graniţă la etapa actuală, între Ucraina şi Republica Moldova, în urma căreia majoritatea localităţilor populate de moldoveni de peste Nistru (din cadrul aşa-zisei Republica Moldoveneasca Nistreana) ar reveni sub jurisdicţia Chişinăului, iar cele locuite de ucraineni, ca şi localităţi unde etnicii ruşi sunt numeroşi, dar care se orientează (gravitează geografic şi economic) mai mult spre Odesa (ca oraşul Tiraspol) ar trece la Ucraina, iar în schimbul acestui teritoriu de la Ucraina ar reveni *o suprafaţă cu exact aceeaşi mărime de teritoriu* pe care se află localităţi locuite din vechime de o populaţie ce se identifică drept moldovenească (raionul Noua Suliţă) sau românească (raioanele Herţa, Adâncata şi Storojineţ) ar fi o soluţie durabilă. În urma implementării acestei idei ar dispare şi starea de incertitudine şi tensiune din autonomia găgăuzească, liderii căreia au declarat în mai multe rânduri că aşteaptă federalizarea Republicii Moldova şi acceptarea unităţii teritoriale autonome în cauză ca subiect în cadrul noii formule statale moldoveneşti.

Există mai multe precedente în istoria dreptului internaţional, care ne permit să afirmăm că acest scenariu este realizabil. În afara schimbului recent (1999) de teritorii între Republica Moldova şi Ucraina (Giurgiuleşti - Palanca), există cazurile cunoscute de după primul război mondial, când România a efectuat un schimb de teritorii cu Cehoslovacia (în regiunea Maramureş) şi cu Regatul Sârbilor, Croa□ilor □i Slovenilor (în regiunea Banat).

În ceea ce priveşte stabilirea graniţei româno-cehoslovace, „la 1 aprilie 1920 prin adrese trimise Ministerului Afacerilor Străine şi Ministerul de Război, reprezentantul Cehoslovaciei în România reînnoia în numele guvernului sau cererea de evacuare de catre trupele române a teritoriului din nordul Tisei, informând totodată partea româna de disponibilitatea Ministerului de Externe cehoslovac de a negocia cu statul român o rectificare de frontieră care ar urma sa fie stabilită de o comisie mixtă româno-cehoslovacă. Ca urmare, Legatia cehoslovacă din România era anunaţată la 18 aprilie 1920 de hotărârea guvernului român de a-si retrage trupele, cerându-i-se ministrului Cernak să comunice numele delegatului militar cehoslovac însărcinat sa regleze cu Marele Cartier General Român problemele de detaliu privind retragerea trupelor române. Se dădea astfel curs stipulaţiilor Tratatului de pace cu Austria care prevedea ca teritoriul autonom al rutenilor din zona subcarpatica să fie încorporat Cehoslovaciei, prevederi la care România consimţise prin semnarea lui. Pe de altă parte se sublinia disponibiliatea statului român de a începe tratativele cu statul cehoslovac vizând obţinerea unei frontiere mai bune pentru România, interesată

să integreze teritoriile de la sudul Tisei în procesul de unificare a întregului teritoriu național, ceea ce în condițiile geografice respective presupunea obținerea căilor de acces spre aceste teritorii. Prin semnarea Tratatului de la Trianon (4 iunie 1920) se reconfirma pe plan internațional apartenența Maramureşului de la nord de Tisa la Cehoslovacia" [7].

În timpul Primului Război Mondial, Serbia □i România (creată în 1859 prin unirea între Moldova □i Muntenia) au ajuns la un acord de împăr□ire a Banatului istoric, în caz de victorie asupra Germaniei □i Austro-Ungariei, pe principiul de 1/3 pentru Serbia □i 2/3 pentru România (cu schimbul de minorită□i între cele două state). Frontiera ce a tăiat Banatul în două păr□i a fost trasată la sfâr□itul anului 1918 de o comisie interna□ională prezidată de geograful francez Emmanuel de Martonne □i confirmată prin Tratatul de la Trianon din 1920, lăsând o mică parte din Banat Ungariei (în apropiere de ora□ul Szeged), 1/3 Regatului Iugoslaviei □i 2/3 României. La 24 noiembrie 1923, România □i Regatul Sârb au încheiat la Belgrad un protocol pentru *o rectificare de frontieră*. România a cedat Iugoslaviei 6 sate, în timp ce Regatul Iugoslaviei a cedat României 4 sate □i ora□ul Jimbolia. Rectificarea efectivă a avut loc la 10 aprilie 1924 [8].

Aşadar, putem afirma că:

1. *un schimb echitabil de teritorii între Ucraina şi Moldova* – în vederea reparării, măcar parțiale, a deciziei ilegale de regimul de ocupație moscovit în 1940 împotriva popoarelor moldovenesc şi ucrainean – este în spiritul practicii internaționale europene şi poate conduce la soluționarea definitivă a conflictului din zona nistreană a Republicii Moldova. De asemenea,

2. *este necesară recunoaşterea internațională a statutului de zonă de ocupație rusească a Nistriei*, aşa cum după al doilea război mondial Germania a fost împărțită în patru zone de ocupație recunoscute la nivel internațional: americană, britanică, franceză şi rusească. Cele patru zone s-au desființat odată cu retragerea administrațiilor şi trupelor militare ale celor patru state victorioase în cel de-al doilea război mondial. Zona nistreană a Republicii Moldova constituie o rămăşiță a ocupației militare a Rusiei, stabilită în 1940, respectiv 1944, în care Moscova menține trupe militare şi un regim de ocupație (o administrație, organe de control la granit pe care a impus-o samavolnic, cu partea liberă a Moldovei. Aici sosesc noi şi noi persoane din Rusia, ca să activeze în aceste instituții, întrucât populația localnică nu este capabilă să facă față unui număr atât de mare de posturi de grăniceri, vameşi, angajați ai Serviciului de imigrare, milițieni, militari, angajați ai serviciilor de securitate ş.a.). De asemenea, studenți ai şcolilor din Rusia care pregătesc specialişti pentru serviciile speciale din acea țară îşi fac în mod curent practica în zona rusească de ocupație de pe teritoriul Republicii Moldova.

3. Moldova nu trebuie să depindă în demersul său de integrare europeană de conflictul din zona nistreană. Granița trebuie securizată pentru ca aderarea Republicii Moldova la UE să nu fie pusă sub semnul întrebării.

Indiferent cum numim regimul de la Tiraspol – de ocupație sau (neo)colonial – cert este că în negocieri Rusia trebuie să participe ca parte implicată în conflict şi nu ca mediator – aşa cum este în prezent. Din cauza confuziei privitoare la esența şi protagoniştii conflictului a fost posibilă admiterea unui format de negocieri care nu corespunde realităților din teren şi care constituie un impediment în soluționarea conflictului. Desigur, negicierile sunt necesare pentru găsirea unei soluții. Dar formatul 5+2 (Moldova şi Nistrenia – părți în conflict, Rusia, Ucraina şi OSCE – mediatori, UE şi SUA - observatori) nu corespunde realității din teren. Întrucât este parte în conflict, Rusia nu poate fi mediator şi cu atât mai mult nu poate fi garant, împreună cu Ucraina, al soluționării conflictului.

Bibliografia:

1. Lavric A. Conflictul din estul Republicii Moldova: cum s-au produs uzurparea şi înstrăinarea. // Studii internaționale. Viziuni din Moldova, 2008, vol.VI, nr.1.
2. http://en.wikipedia.org/wiki/Diplomatic_history_of_Taiwan,10.06.2011
3. http://www.stefanwolff.com/projects/official-documents-and-proposals, 18.11.2011.
4. Serebrian O, Politică şi geopolitică. Chişinău, Editura Cartier, 2004.
5. Serebrian O, Despre geopolitică. Chişinău, Editura Cartier, 2009.
6. Costaş I, Dni zatmeniia. Hronika neobiavlennoi voiny. Chişinău, Editura „Universul”, 2010.
7. http://www.viseudesus.ro/maramuresul-istoric/36-maramures/50-cumsaunit, 10. 06.2011.
8. http://ro.wikipedia.org/wiki/Frontiera_%C3%AEntre_Rom%C3%A2nia_%C8%99i_Serbia, 10. 06.2011.

Prezentat la redactie
la 18 decembrie 2011

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕХОДОМ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Аркадий Д. УРСУЛ
Российская Федерация, Москва, Российский государственный торгово-экономический университет, МГУ им. М.В. Ломоносова
доктор философских наук, академик Академии наук Республики Молдова

Татьяна А. УРСУЛ
Российская Федерация, Москва, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
доктор философских наук, академик Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского

Тудор Н. ЦЫРДЯ
Республика Молдова, Кишинев Государственный университет медицины и фармации им. Н.А.Тестемицану
Доктор философских наук, профессор

Increasing the negative social or socio-natural processes of global conflict and aggravation of global problems in the XXI century, significantly affect the fate and survival of mankind. While globalization is essentially an objective and positive process of creating an interconnected globally integrated world, for it is also characterized by an increase of negative consequences, which usually pay attention to anti- and alterglobalists. Addressing the negative impacts and trends of globalization and other global processes, as the authors argue, requires the formation of global governance.

The task of developing a global level governance is set at the Unated Nations, and, as shown in the article, now dominates the political component, although this type of governance can be realized in different ways and in different directions. The political aspect is related to the distribution, transnationalization and the use of power relations beyond the powers of individual states in the global "world without borders."

The paper discusses possible ways and means of forming global governance in a political perspective.The formation of global governance, as the authors note, will require the formation of political forms and mechanisms of global political management technologies global processes, the formation of a global political power and the global political system. These problems are now under debate in the political globalistics, which is a relatively independent branch of

knowledge, interconnected with the political l aspects of international relations and world politics.

Ряд социальных и социоприродных процессов постепенно и нередко стихийно обретают свой глобальный статус и стало понятным, что для обеспечения выживания человечества этот процесс нуждается в соответствующем управлении. Особую роль в этом процессе играет решение глобальных проблем, которые отражают объективно существующие социальные и социоприродные противоречия, обострение которых приводит, как правило, к негативным эффектам в социосфере и биосфере. Вместе с тем решение глобальных проблем ведет к уменьшению этих негативов и способствует поступательному развитию цивилизации. Глобальные проблемы – это тоже проблемы развития человечества, выявившие свой общепланетарный характер, в основном, в прошлом веке, хотя эти проблемы и имели место в глобальной истории человечества, но не в столь обостренной форме. Глобальные проблемы возникают тогда, когда появляются либо существенно усиливаются социальные или социоприродные противоречия, от которых зависит дальнейшая судьба и особенно выживание человечества.

Вместе с тем процессы управления также обнаруживают тенденцию к глобализации и становления нового типа управления – глобального управления. Глобализация управления и становление глобального управления – это процессы, которые помогут обретению цивилизацией своей целостности и смогут направить другие глобальные процессы по оптимальному и безопасному пути перехода к УР, о чем уже шла речь в нашей статье [1, 120-124].

Отмечалось, что властные полномочия при начальном формировании глобального управления «переносятся» с конкретной территории на специально создаваемую глобальную структуру (организацию) и определенный глобальный процесс. Например, предполагается формирование соответствующих функциональных глобальных агентств, наделенных полномочиями и ресурсами для эффективного решения отдельных проблем во взаимодействии с национальными организациями, занимающимися аналогичными проблемами на своей территории (эти идеи развивает американский социолог А.Этциони [2]). Поэтому предстоит при дальнейшей разработке теории глобального управления учитывать этот «проблемно-процессуальный» характер этого типа управления [3].

В принципе становление глобального управления будет идти через различного рода отношения между фрагментами мирового социума и среди них в первую очередь через международные отношения. Международные отношения как специфическая область общественных отношений и проце-

ссов включает в себя не только политические, но и все многообразие существующих отношений (процессов) – экономических, военных, дипломатических, правовых, информационных, экологических, геополитических и т.п. При этом международными отношениями могут быть отношения, когда они устанавливаются между, по меньшей мере, двумя основными субъектами мирового сообщества (государствами) или какой-то их группой. Это двустороннее взаимодействие, прежде всего, и понимается как межгосударственное – международное отношение.

В этом случае международные отношения отличаются от такого же рода отношений в том случае, если бы они обрели бы глобальный характер и масштаб хотя бы в пространственном отношении. Однако пока в современном мире международные отношения лишь обнаруживают тенденцию стать «глобальными отношениями» в перипетиях очень сложных процессов глобализации и решения глобальных и других международных проблем.

Во всяком случае, пока можно констатировать, что международные отношения и глобальные отношения – это отнюдь не совпадающие понятия. Международные отношения только тогда окажутся глобальными отношениями, когда они станут удовлетворять критериям глобальности, которые не сводятся только к пространственно-количественному критерию. Вовлечение все большего числа государств вплоть до включения всех существующих на планете стран в глобально-международный процесс взаимодействия – это обязательное условие появления и устойчивого существования глобальных отношений, их перерастания из международных в глобальные отношения и процессы. Такая перспектива вырисовывается в условиях интенсивного развертывания глобализации, включая глобализацию международных отношений. Пока глобализация не вступила в завершающую фазу своей эволюции, международные отношения для значительного числа государств и других акторов глобализации, по крайней мере, в политическом плане именуются мировой политикой [4]. И здесь дело не только в количестве государств, но и в том, что в международные отношения уже включены не только государства, но и многие другие участники, формирующую мировую политику, именуемые транснациональными акторами. Причем появляются мнения ученых, которые полагают, что самыми активными участниками глобализации выступают уже не государства, а, например, ТНК или некоторые крупные города, именуемые глобальными городами, занимающих выдающееся место в мировой экономике и международных отношениях и выступающими инновационными феноменами транснациональной урбанистической системы.

В последнее полтора десятилетия активно развивается концепция глобальных городов, уступившее место исследовательскому градостреми-

тельному направлению мировых городов, что, по мнению автора этого термина – С.Сассен [5], больше соответствует эпохе глобализации. Существующие немногие глобальные города уже называют «воротами в глобальный мир» [6]. «Воротами» ее авторы, А. и Д.Андерсоны называют совмещенные центры различных глобальных сетей, прежде всего, очень крупные города, которые успешно «вписались» в глобализацию, образовав «ворота в глобальный мир». Это такие города и территории, как Лондон, Токио, Нью-Йорк, Сингапур, Гонконг и др. Однако, не всем городам и территориям под силу такая «глобальная роль», которые раньше в доглобализационную эпоху, по крайней мере, в международных отношениях, принадлежала государствам. Глобальные города, минуя посредничество государств (кроме случаев, когда город и государство как в начальные времена «городской революции» совпадают, например, Сингапур), вступают между собой в прямые сетевые связи как с другими городами, так и с иными транснациональными акторами, участвующими в мировой экономике и политике.

По сути, Андерсоны утверждают, что глобализируются не страны, а отдельные города и небольшие территории, которые становятся своеобразными «воротами в глобальную экономику». ТНК имеют возможность выбрать, где расположить свою штаб-квартиру, и стараются минимизировать трансакционные издержки. Происходит экономия времени, необходимого для совершения транзакций и в «воротах» такое время минимально. Здесь присутствуют мощный транспортный узел, развитая индустрия услуг, многочисленные финансовые операторы, складские помещения, выставочные и маркетинговые комплексы и т.д. и другие условия для коммуникации. Так, по подсчетам Андерсонов, количество контактов в рамках «ворот» превышает количество контактов в единицу времени за их пределами в несколько десятков раз.

Конец второго – начало третьего тысячелетия оказался тем рубежом, когда города стали разворачивать свои глобальные потенции, активно и относительно самостоятельно включаться в глобальные процессы. Основная причина кроется в экономике, а также в тех реальных возможностях, которые имеются в крупном городе, представляющим собой пересечение экономических, торговых, финансовых, информационных, сервисных и других форм деятельности. В городах, выходящих на глобальный уровень, «завязываются» различные интенсивные взаимодействия: к экономической сфере добавляются политические, научные, культурные, образовательные, инновационные и другие взаимодействия.

В результате «глобальный город» оказывается в фокусе важнейших политических процессов и проблем мировой политики, т.е. экологических, демографических, миграционных, и разного рода конфликтов и террориз-

ма. Формируя межсетевые центры на своей территории, глобальный город начинает взаимодействовать с другими городами и территориями, как в своей стране, так и за ее пределами. Происходит образование весьма сложной сетевой структуры, участвующей в глобализации. Глобальные города и территории дают странам, в которых они расположены, существенный стимул социально-экономического развития.

В связи обсуждением этой концепции уместно заметить, что она действительно открывает новое направление в понимании и исследовании процесса глобализации. Но – это дальнейшая конкретизация и развитие тех идей, которые ранее уже были высказаны, их вряд ли можно считать, например, альтерглобалистскими, или полагать, что теперь именно города, а не государства, становятся основными акторами мировой политики в ракурсе глобализации. Но некоторые крупные города действительно играют наиболее активную роль в процессе глобализации, стали крупнейшими центрами международной интеграции. «С одной стороны, они формируют опорный каркас, который обеспечивает ход процесса глобализации, а с другой, выступают связующими звеньями между глобальным и локальным, являются каналами, которые передают глобальные импульсы внутрь страны» [7, 72].

Возникают и развиваются и другие участники глобализации, которые становятся наиболее активными в тех или иных глобализационных процессах – мировой экономике, мировой политике и т.д. Однако не только рост числа транснациональных акторов формирует глобальные процессы и отношения. И здесь возникает вопрос о путях, формах, средствах и критериях становления глобальных отношений [8]. Мы выскажем некоторые предварительные соображения по этой проблеме. Пространственно-географический критерий, число стран, городов, территорий и т.д. вовлеченных в международно-глобальный процесс – это одно из направлений глобального процесса превращения международных отношений в наиболее широкие и целостные отношения и взаимодействия тех или иных социумов на планете. Дело в том, что даже в нынешних международных отношениях довольно много аспектов и направлений, в которых принимают участие далеко не все государства, не говоря уже о транснациональных акторах. Например, не все существующие государства на планете входят в ООН, имеют посольства в других государствах и т.д. И, вполне понятно, что и в дальнейшем большинство стран не смогут полноправно участвовать во всех возможных направлениях и аспектах международных взаимодействий и важно выявить те основные направления, которые важны для формирования именно глобальных отношений.

Причем уже сейчас можно высказать предположение, что ряд ныне существующих международных отношений не станут глобальными. Они мо-

гут остаться, если не просто двусторонними межгосударственными отношениями, то только региональными (субрегиональными), регулируя взаимодействия между некоторой группой или коалицией стран, объединенных если не только географическими особенностями, то еще какими-то экономическими, политическими либо другими интересами (прежде всего, интересами обеспечения безопасности). Далеко не все страны могут быть в силу тех или иных соображений заинтересованы стать участниками будущих глобальных отношений (например, в силу своего небольшого размера и недостатка финансовых средств) и это ставит определенные вопросы в понимании того, что в конечном итоге представляет собой глобализация.

Если конечным результатом глобализации является обретение целостности всего человечества, то в каком плане соотносится эта целостность с установлением глобальных отношений? Ведь совершенно очевидно, что в результате обретения в будущем упомянутой общепланетарной целостности между всеми участниками (субъектами) международных отношений будут установлены самые разные взаимодействия, многие из которых не будут полностью отвечать тем или иным критериям глобальности. Поэтому перед формирующейся теорией глобализации стоит проблема определить какой-то базовый набор глобальных отношений и взаимодействий, который позволит считать, что глобализация уже состоялась как планетарный феномен. Либо предстоит предсказать и нормативно прогнозировать финальные этапы завершающей стадии глобализации. Однако теперь уже очевидно, что на пути глобализации скрываются многие ранее не принимаемые во внимание факторы и трудности (прежде всего, финансово-экономические и политические), что проявилось в процессе евроинтеграции.

Поэтому действительно возникает проблема выявления основных критериев глобальности международных отношений и взаимодействий. До сих пор на эту проблему почти не обращалось внимания и как-то складывалось впечатление что «международное» и «глобальное» в отношениях государств едва ли не одно и то же. Однако это принципиально разные отношения и в каком-то плане международные отношения относятся к глобальным как процессы интернационализации относятся к процессам глобализации. Международные отношения становятся более масштабными, транснациональными, если их участников объединяют важные для каждого из них цели и интересы. Глобальные отношения в ходе расширяющихся международных взаимодействий появятся только на стадии управляемой глобализации, когда уже глобализация проявит себя не просто как процесс стремления к общепланетарной целостности человечества, а как сама эта уже не потенциальная как в настоящее время, а реальная мироцелостность и единство человечества. Развертывание постбиполярной геополитики

оказалось связанным с началом того понимания глобализации, которое А.Г.Дугин назвал «планетарной глобализацией» (в отличие от предшествующего этапа «региональной глобализации») [9, 224; 10].

Глобализация в ближайший исторический период вступает в «управляемую стадию» перехода к УР и здесь важно понять, по каким направлениям это будет происходить. Говоря об этой стадии глобализации, мы имеем в виду вовсе не ближайшие годы или даже десятилетия. Речь идет не только о том, что глобализация перестанет развиваться в преимущественно в однополярном «атлантическом» варианте. Если иметь в виду стихийную и "вестернизационную" формы глобализации, то они чреваты негативами, о которых говорят многие авторы [11; 12, 221-224]. Глобализация – это тоже форма развития, в которой позитивные и негативные эффекты соединены в единую эволюционную систему. Можно предполагать, что отрицательные эффекты, как отмечалось выше, пока превышают позитивные результаты этого глобального процесса, поскольку прогнозируется антропоэкологическая катастрофа, если сохранятся нынешние разрушительные тенденции цивилизационного развития. Смысл перехода, или лучше сказать "поворота" глобализации на путь «устойчивой» эволюции заключается в ограничении и уменьшении, а в отдельных случаях и элиминации негативных эффектов модели НУР во имя выживания цивилизации. Поэтому речь идет уже не просто о стихийном либо частично управляемом сверхдержавой процессе глобализации, а именно о глобально управляемом процессе в мировом сообществе, имеющем уже единую общую цель перехода к устойчивому будущему.

В стихийном варианте глобализация разворачивается без управления просто как самоорганизационная тенденция, но здесь имеют место существенные деградационные процессы, которые в значительной степени снижают позитивный эффект этого глобального процесса. В вестернизационном варианте управление имеет место, но – это не глобальное управление и цели такого управления не отражают общечеловеческие потребности и интересы. Только в варианте глобализации через УР появляется возможность управляемой и более справедливой глобализации, которая в перспективе должна будет выражать чаяния, интересы и цели человечества как единого целого, а не интересы какой-то отдельной части (например, золотого миллиарда). Как видим, стремление человечества к общепланетарной целостности в ходе глобализации и переход к УР совпадают по своим тенденциям и со временем сформируют единый глобальный процесс УР.

Глобальное управление, ориентирующееся на новые цивилизационные цели, развивается ООН, на форумах которой и была принята стратегия УР. Мы полагаем, что именно этому направлению "управляемой глобализации" как глобализации через переход к УР принадлежит будущее, о чем и

идет речь как в одном из первых научных обоснований (в докладе Брундтланд) этого типа развития [13], так и в решениях ЮНСЕД и ВСУР. Однако это направление требует кардинальных трансформаций и, прежде всего, потому, что нынешний устав и структура ООН, возникшей в середине XX века, уже не соответствует началу третьего тысячелетия, на который и придется основная нагрузка по переводу глобальных процессов на путь УР. Именно в этом направлении и идет речь в различного рода организациях, поставивших цель создать модель эффективного глобального управления, вплоть до создания на базе преобразованной ООН всемирного правительства (и иных планетарных форм управления).

Формирование глобального управления заключается не только в транснациональном движении властно-управленческих отношений от локально-национального уровня на глобальный. Речь также идет о сущностно-качественных трансформациях властных отношений, отход их от однополярных, силовых и гегемонистских ориентаций в сторону более демократических, экономических и более справедливых многополярных партнерских и кооперативно-коллективных глобально-управленческих отношений на всей планете. Кстати, заметим, что развитые страны, которые ратуют за демократию и соблюдение прав человека в отдельно взятых других странах, далеко не адекватно оценивают свою роль в установлении таких же отношений в глобальном контексте, что реально препятствует стремлению человечества к своему общепланетарному единству. В свете глобальной стратегии перехода к устойчивому будущему становится понятным, что все обсуждаемые здесь глобально-политические трансформации связаны с возможностью и готовностью государств и народов планеты к такому глобально управляемому «устойчивому переходу».

Опережающие управленческие действия в планетарном масштабе будут выполнять следующие общие глобальные функции. Прежде всего, должны поддерживаться и стимулироваться те способы и тренды, которые уже существуют (либо появятся) и способствуют эффективному переходу к устойчивому развитию. Кроме того, необходимо включить такие механизмы глобального управления, которые будут вначале тормозить, а в дальнейшим существенно снижать негативные последствия и тенденции, стоящие на пути прогресса к новым глобальным целям.

Важно выявить научные принципы и подходы к управлению глобализацией и другие формы глобального управления через переход к устойчивому развитию, которые в дальнейшем необходимо реализовать в течение ближайших десятилетий. Очевидно, что формирование планетарного уровня управления – беспрецедентный процесс, когда более двух сотен государств должны будут подчиняться единым общецивилизационным императивам и социальным технологиям глобального перехода к мировой ус-

тойчивости. Уже сама постановка вопроса о планетарном управлении независимо от целей свидетельствует о возможности и необходимости использования синергетического и кибернетического подходов к управлению, которое поможет реализовать почти одновременное по историческим масштабам времени движение по пути устойчивой эволюции.

Глобализация через переход к устойчивому развитию (как и решение глобальных проблем через этот переход) должна стать процессом эволюционной самоорганизации, поскольку речь идет о возможности сохранения наиболее высокоорганизованных систем – биосферы и цивилизации в состояниях весьма далеких от равновесия (простого аттрактора), т.е. в состояниях устойчивого неравновесия каждого из компонентов системы "общество – природа" и их гармоничного соразвития (коэволюции). Однако в реальности стихийное цивилизационное развитие, разрушая окружающую природную среду, приводит к истощению необходимых для поддержания и развития управления ресурсов и разрушению природной среды как естественного условия существования жизни. Поэтому переход к устойчивой эволюции как к глобально управляемому процессу преследует цель противостоять росту энтропии в форме планетарного антропоэкологического кризиса с реальной возможностью перерастания в омницид. Особое значение в этом негэнтропийном процессе занимают глобально-информационные процессы.

Становление глобального управления призвано решать проблемы глобального развития и. в дальнейшем, при переходе к устойчивому развитию не исключено воздействие на кризисные и неблагоприятные для человечества циклически-волновые эволюционные процессы. Речь фактически может идти о возможности более длительного продолжения так называемых повышательных волн циклического эволюционного (причем, не только политического) процесса и снижения понижательных волн, либо даже их элиминации. Это предположение о подобной роли глобального управления выглядит слишком радикально, но важно эту проблему поставить и обсудить. Причем при глобальном переходе к устойчивому развитию должно произойти некоторое выравнивание процесса глобального развития в пространстве и во времени, поскольку важно, чтобы существенно сократился разрыв во многих направлениях развития как нынешних, так и будущих поколений людей, проживающих на планете Земля.

Задача формирования глобального уровня управления уже поставлена на уровне ООН [14]. Надо сказать. что политические декларации и рекомендации ООН существенно опережают научные обоснования и разработки этой формы управления и устойчивого развития мирового сообщества. Опережающая национальную политику отдельных государств и во многом пока виртуальная глобальная политика ООН оказалась «мудрее» науки с

ее моделью строгой академичности, ориентированной на прошлое человечества. И этому можно дать научное обоснование в более широкой «системе координат», нежели это имеется в настоящее время. Но для этого необходимо существенно футуризировать видение науки с ее акцентом на прошлом и игнорированием будущего.

Появление новой формы управления необходимо для того, чтобы создать когерентное (направляемое) движение всех стран по пути к устойчивому развитию. С одной стороны, здесь могут быть задействованы естественные социальные механизмы – формирование того уровня глобального сознания, который уже получил наименование ноосферного сознания, а также глобального гражданского общества и соответствующих демократических процессов, которые мы относим, согласно теоретическим представлениям, к синергетическому типу управления. Но, с другой стороны, более эффективное управление глобальным развитием потребует появления специального органа управления, который должен сформироваться уже в ближайшее время.

В процессе все большего перемещения властно-управленческих отношений и политической деятельности от государств к другим субъектам мировой, а в перспективе и глобальной политики в будущем возможно создание глобальных институтов власти в виде явного (типа ООН) либо скрытого (тайного) мирового правительства. Во всяком случае, уже существуют теретико-политические соображения о появлении своего рода децентрализованной империи как последней фазы капитализма, принявшего глобальные очертания и создавшего планетарные сети управления, по сути, как прообраз некоего мирового правительства [15]. Причем, как констатируют другие политологи реально существует определенная, иерархически не выстроенная сеть принятия политических решений глобального порядка [16, 198-199].

Эта глобальная политическая сеть, по мнению С.А.Маркова, состоит из ряда не подчиняющихся, но в той или иной степени зависимых друг от друга узлов, к числу которых он относит: Совет безопасности ООН, Политический комитет НАТО, руководство Международного валютного фонда и Всемирного банка, правительства сильнейших государств – членов «Большой восьмерки» и Китая, саму эту восьмерку как отдельный институт принятия решений, ведущие европейские организации (Еврокомиссия, ПАСЕ, Евросоюз), Интерпол, различные организации по контролю и регулированию, такие как ОПЕК, МАГАТЭ, ВТО и т.д. Между этими политическими узлами (силами) сети установлена проектная форма взаимодействия и вовлечения других субъектов сети мировой политики. Политическая борьба в подобной сети выступает не как борьба партий (что имеет место в политической борьбе внутри отдельного государства), а как борьба са-

мих этих сетевых узлов и борьба предложенных ими проектов за ресурсы, рынки, влияние и т. д.

Такая глобальная политическая сеть принятия решений транслирует интересы и ценности, которые присущи только развитым странам, но не учитывает интересы и ценности «глобализируемых» развивающихся стран. К настоящему времени сложилась достаточно отработанные схемы политического и экономического управленческого воздействия на политические процессы в ходе такого рода глобализации. Экономические факторы в этой схеме воздействуют на политические процессы, а политика используется для увеличения экономической эффективности. Подобную форму властно-управленческих международных отношений можно квалифицировать одновременно как геоэкономический и как политический процессы глобализации.

Выше мы рассматривали сетевую форму принятия глобальных политических решений, однако, может появиться и упомянутая выше иерархическая форма в виде, например, всемирного правительства и уже существует довольно обширная литература по этой проблеме. Хотя идея всемирного правительства возникла еще в XVIII-ом веке, тем не менее, только в XX-ом веке в связи с осознанием и обострением глобальных проблем эта идея начала приобретать более реальные концептуальные очертания, позиционируя новое направление планетарной парадигмы философско-политической мысли [17]. Эта идея даже получила свое эволюционное обоснование, в котором этот глобальный политический институт представляется как высшая форма и этап космогенеза на нашей планете. Стало понятным, что если возникнет всемирный федеративный институт власти, которому все страны передадут свой суверенитет и властные полномочия, то решение глобальных проблем станет намного более эффективным, чем в современном атомизированном мире конкурирующих между собой индивидов и государств в современном, еще слабо связанном мире. Ожидается появление единого глобального органа управления, устраняющего страновую автономность и национальную фрагментарность и конкурентность. Хотя обычно речь идет о всемирном правительстве, тем не менее, имеется в виду создание всеобщей политической структуры на базе всех трех известных ветвей власти, а не только исполнительной, функцию которого выполняет правительство.

По-видимому, единый мировой центр планетарного управления будет формироваться и в ходе глобализация через устойчивое развитие: ведь эта будущая форма глобализации может оказаться единственной формой, которая «отрешится» от государственных или региональных предпочтений и станет выражать интересы всего человечества. В нынешней модели неустойчивого развития, в которой и развертывается глобализация, на эту пос-

леднюю существенно влияют ценности и интересы тех стран и народов, которые исторически уже сложились.

Кроме того, важно обратить внимание на то, что глобальное управление должно будет акцентировать внимание не только на процессах глобального развития, но в не меньшей, а, может быть, в большей степени на процессах обеспечения глобальной безопасности. Это вызвано тем, что негативные эффекты и последствия нарастают быстрее, чем позитивные результаты глобальной деятельности и тем самым эта деятельность в целом обретает кризисно-катастрофический характер. Поэтому цивилизация будет адекватно реагировать на глобальные вызовы и угрозы, противостоять им либо адаптироваться к ним, если научится эффективно управлять своим поступательным движением к планетарному УР.

Становление глобального управления потребует формирования политических форм и механизмов, глобальных политических технологий управления глобальными процессами, формирования глобальной политической власти и глобальной политической системы [18]. Между тем процесс стихийно развертывающейся (это замечание не относится к его вестернизационной форме, которая управляется, но не в интересах всего человечества) глобализации характеризуется тем, что его политическая составляющая существенно отстает от экономической (и, тем более, – от информационной). Причем это отставание иногда даже представляется в качестве основного противоречия современной эпохи, поскольку мировое сообщество, ставшее уже в ряде отношений единым, лишено соответствующей системы управления, необходимых для этого глобального права и способов эффективного правоприменения (даже для имеющихся международных нормативных актов) [19, 152-153].

Между тем стратегия УР в мировом масштабе и в национальном ракурсе в большей части представляет собой лишь политические декларации и «мягкие» прогнозные официальные документы, которые не обеспечены соответствующими механизмами и способами управления реализацией этой глобальной стратегии. Устойчивым развитием, как это не покажется странным, больше озабочены лишь некоторые ученые и политики, а не представители экономики, причем эта последняя в подавляющем большинстве бизнес-структур даже противодействует процессу перехода к этому типу развития. Экономика пока не готова переходить на принципы устойчивого развития, которые, в перспективе обеспечивая выживание цивилизации и сохранение окружающей природной среды, тем не менее, не сулят сверхприбыли ТНК, ТНБ и другим бизнес-структурам, во всяком случае, в ближайший переходной период. Поэтому воплощение идей и принципов устойчивого развития требует создания способов политического управле-

ния этим процессом на национальном и глобальном уровнях и создания других механизмов реализации новой цивилизационной модели развития.

Формирование механизмов глобального политического управления и вообще выдвижение политических способов решения глобальных проблем будет выходить на первый план по отношению к экономике. Это обусловлено как переходом к УР, так особенностями глобализации как процесса, когда цивилизация становится единой, но ее развитие подвергается различного рода ограничениям, обусловленными как социальными, так и природными факторами. Экономика (как мировая, так и национальная) нормально функционирует только в условиях непрерывного роста спроса и увеличения ряда других параметров (роста населения, капиталов, ресурсов и т.д.). Однако в условиях глобализации, когда она вступает в свой этап развертывания через УР, будут появляться все новые и новые ограничения на рост экономики, а также различные угрозы и препятствия на пути традиционного рыночно-экономического роста. Поэтому для того, чтобы происходило развитие экономики и увеличивалась бы экономическая эффективность (или хотя бы находилась в приемлемом диапазоне) в отличие от модели неустойчивого развития, экономические процессы при переходе к устойчивому развитию также должны будут во все большей степени подвергаться глобальному политическому регулированию и управлению. Это необходимо для того, чтобы мировая экономика не находилась в хроническом кризисном состоянии, не подвергалась бы спаду под влиянием глобальных ограничений накладываемых на ее развитие.

В этих условиях необходим кардинальный переход мирового экономического развития на интенсивный и биосферосовместимый путь, который является единственным путем повышения экономической эффективности при действии тех или иных, в том числе планетарных ограничений. Рост этой эффективности будет происходить уже не за счет расширения поля деятельности (оно в условиях глобальных ограничений не может увеличиваться), а за счет качественно-инновационных факторов и источников развития. И с учетом этой перспективы намечается и в принципе латентно уже существует определенное противоречие между потребностями общества как целого и экономикой как его части, но очень важной составляющей. Экономика в силу своей «рыночной инерции» стремится развиваться по старой схеме в модели неустойчивого развития, тогда как эта схема уже противоречит потребности всего человечества в выживании и переходе к устойчивому развитию, которое должно обеспечить это выживание (как, впрочем, и сохранение биосферы). Это противоречие целого и части может быть разрешено лишь с помощью создания механизмов глобального управления, которые на первоначальном этапе будут носить в основном институционально-политический характер.

Подобного рода управление на всех уровнях должно быть связано с уменьшением (и в перспективе с элиминацией) негативных (социопатологических черт) современного цивилизационного процесса и поддержкой позитивных с точки зрения стратегии УР тенденций. В ходе такого, прежде всего политического, управления сформируется «УР-направленный процесс» глобализации (отличающийся от его современной стихийной и модернизационно-вестернизационной ориентаций) все более стремящийся к магистрали устойчивого развития.

Одно из системных отличий модели УР от модели НУР как раз и заключается в различной роли составляющих глобального (мирового) развития. А именно: если в модели НУР доминирует экономическая составляющая этого развития, то в модели УР, существующей пока лишь в теоретико-виртуальной форме, преобладает именно политическая составляющая. Ведь принятое на ЮНСЕД решение о смене формы цивилизационного развития экономически не обосновано, как, впрочем, оно не аргументировано и с позиций современной науки, основанной на практике, которой для УР фактически не существует. Это решение носит принципиально политический и стратегический характер и базируется на желании весьма незначительного числа населения планеты (некоторой интеллектуальной элиты) сохранить человечество и продолжить его существование на неопределенно долгие времена в будущем.

Это политическое решение принято интеллектуальной элитой Земли и отнюдь не носит демократического характера, поскольку если его вынести на голосование, то большинство народонаселения проголосовало бы против такого решения. Политический вес такого решения доминирует над всеми иными аргументами и базируется на осознании опережающей потребности выживания человечества. Политические идеи – рекомендации ООН по переходу к УР должны превратиться в реальные политические нормы и отношения каждого государства по управлению синхронно-кооперативным движением к новой модели развития всей цивилизации. Отметим еще одну важную особенность идеи устойчивого развития – она была предложена на наднациональном, общемировом уровне, а не в отдельно взятой стране либо отдельным политиком или ученым.

Усиление отрицательных последствий глобализации и обострение глобальных проблем требует становления глобального политического управления. Причем становление глобального управления может реализоваться различными способами и в различных направлениях – экономическом, экологическом, социетальном, информационном и т.д. Однако центральным окажется, на наш взгляд, политический аспект глобального управления, связанный с распределением, транснационализацией и использованием властных отношений за пределами полномочий конкретных госу-

дарств, в глобальном «мире без границ». И хотя глобальное управление в целостном виде пока еще не появилось, оно оформится в будущем, когда глобализация станет развиваться в основном через переход к устойчивому развитию. Причем эти новые направления (аспекты) глобализации и становления глобального управления тесно взаимосвязаны, прогресс в одной области будет стимулировать продвижение в другой. Осмысление взаимосвязи этих процессов, определение их перспектив представляется весьма актуальной задачей современной науки и, на наш взгляд, одним из актуальных направлений глобально-политических исследований.

Необходимость формирования глобального управления можно аргументировать также с позиций эволюционного подхода к изучению глобальных процессов и систем. С точки зрения эволюционного подхода все глобальные процессы и системы, в том числе и политические, участвуют в процессах развития, имеющих прогрессивную, регрессивную или иную направленность изменения их содержания. Эта направленность эволюции глобальных процессов дает возможность их исследования, моделирования и оценки, в том числе и в количественном плане, включая наиболее адекватный и востребованный информационный критерий развития. В таком широком и эволюционном представлении глобалистика может оказать существенное влияние на политические науки и мировую политику. Поэтому в настоящее время формируется направление исследований, получившее наименование политической глобалистики, представляющей собой относительно самостоятельную область знания как определенная часть глобалистики, тесно взаимосвязанная с политическими науками, в первую очередь, с дисциплинами, изучающими политические аспекты международных отношений и мировую политику.

Глобальная политическая деятельность выступает как основная форма согласования интересов индивидов (и их представлений о глобальной справедливости) и политических институтов государственного и международного масштабов для решения глобальных проблем и оптимизации глобальных процессов в интересах перехода к устойчивому развитию. В отличие от представлений о целях политической деятельности в модели неустойчивого развития, политическая глобалистика, ориентирующаяся на цели устойчивого развития, рассматривает не только отдельного человека и их группы (социумы), но и все человечество в целом как целостный субъект глобальной деятельности. Деятельности, которая преследует цель выживание не только отдельного индивида, но и всего человечества в условиях сохраняющейся окружающей среды.

Нужно также иметь в виду, что речь идет не только о ныне существующей глобальной несправедливости в пространственно-страновом смысле этого термина, но и его темпоральном аспекте, когда будущим поколе-

ниям людей угрожает не только ухудшение качества жизни, но и возможное вымирание если не всего, то большей части человечества хотя бы в силу эколого-ресурсных обстоятельств.

Важно также обратить внимание на проблему дальнейшего эволюционного развития общемирового политического процесса и глобального политического управления. Мы предполагаем, что более фундаментальные эволюционные трансформации будут происходить не столько на уровне государственного политического процесса, сколько на более высоком – глобальном уровне. Эта ситуация будет напоминать эволюцию человеческого рода, когда в его развитии утвердилась социальная природа и биологическое развитие передало свою эстафету общественному развитию, которое стало эволюционировать гораздо быстрее по сравнению с биологическим развитием человека и претерпевать более кардинальные трансформации.

Это произошло и происходит в результате действия социокультурного принципа экзогенного накопления, передачи и преобразования информации [20; 21; 22]. И это согласуется с принципами синергетики, согласно которой рост информации в эволюционирующей материальной системе происходит за счет окружающей среды, за счет изъятия у нее негэнтропии. Принцип экзогенного накопления культурной информации, имеющий информационно-синергетический характер, вовсе не отменяет положения о том, что эта информация обретает свою культурную форму лишь в ходе придания сознанием человека смысла артефактам, после чего они включаются в семиосферу, как область человеческой культуры.

Именно в основном, благодаря действию экзогенного информационного принципа, биологическое развитие человека приостанавливается – за последние 40 тысяч лет геном человека изменился меньше, чем на 0,02 процента, и человечество как биологический вид практически уже не изменяется в различных условиях планеты. Это произошло потому, что человек передал основную функцию накопления информации в социосфере от своего организма внешнему для него, но сущностно с ним связанному эволюционному процессу культуры. Биологическая эволюция передала эстафету социокультурному развитию, в котором главным действующим лицом, порождающим новые структуры в эволюционном процессе, оказался уже не ген, а какая-то пока еще не выясненная единица (или совокупность единиц культуры, наподобие уже выявленного «мема»).

Нечто подобное мы ожидаем и при переходе от эволюции политического процесса при переходе от государственной траектории эволюции к глобальной (планетарной) эволюции управления. Но это пока лишь гипотеза, больше основанная на аналогии, имеющей место в процессе глобальной эволюции.

Уместно также в свете эволюционных представлений поставить вопрос о возможных содержательных трансформациях политического управления в глобальном измерении. Этот вопрос в политологической литературе рассматривался в основном в модернизационном аспекте, развитии политических процессов в ходе поступательного движения от традиционных обществ к современным развитым обществам и государствам. Этот ретроспективный анализ, на котором в основном сосредоточилась политическая наука, несомненно, полезен. Однако этот акцент и особенно публикации некоторых политологов (Ф.Фукуяма [23] и др.), заявивших о конце истории и дальнейшем ее линейном продолжении на все оставшиеся времена в форме современных демократических обществ, создает впечатление о своего рода конце эволюции политических процессов.

С этой точки зрения все страны мира должны модернизироваться в политическом плане, пытаясь догнать США, или ЕС, которые достигли или почти достигли вершины политического «олимпа». Дальнейшая политическая эволюция замирает на этом уровне, который длится ровно столько, сколько времени судьбой уготовано человечеству. Отсюда и попытки насильственного насаждения этого пути развития другим странам. И неадекватно-консервативное видение перспектив дальнейшего политического процесса, который, на наш взгляд, находится перед очередной эволюционной бифуркацией, носящей уже общепланетарный характер.

Так, Ф.Фукуяме объявившему о завершении идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления, оппонируют многие ученые, предполагающие, что демократию ожидает многие испытания и опасности, особенно в связи с развертыванием глобализационных процессов.

Антиэволюционный характер концепции «конца истории» очевиден и он, по сути, исключает альтернативы и бифуркации развития и, тем более, эволюционного прогресса в политическом плане. Между тем, как показал круглый стол, проведенный еще 2002 г. журналом «Полис» на основе изучения политического развития в прошлом, участники его пришли к выводу о нелинейности и разнонаправленности как процессов модернизации, так и политической модернизации [24, 18-59]. Тем более этот вывод следует отнести к выходу политических процессов на глобальный уровень, политическое развитие на котором вряд ли будет похоже на все случившееся в прошлом. Тем самым при переходе на глобальный уровень следует ожидать появления нового качества в политическом развитии. Причем это впечатление усиливается, если одновременно учесть перспективу перехода мирового сообщества на путь устойчивого развития, а в дальнейшем и к ноосферогенезу через эту новую форму общепланетарного развития, то

вывод о сюрпризах глобального характера будущей политической эволюции только усиливается.

Политическая глобалистика изучает закономерности и тенденции развития глобальных процессов и систем в социально-политическом ракурсе. В первую очередь в научном и практическом плане речь идет о формировании глобальной деятельности, которая может обеспечить эффективное управление и оптимизацию глобального развития, ориентированного на обеспечение выживания цивилизации и сохранение биосферы. Основной исследовательской проблемой политической глобалистики является становление глобального политического управления [25].

Литература

1. Урсул А.Д., Урсул Т.А., Семенюк Э.П. Проблема безопасности в ракурсе политической глобалистики. // T.N.Tirdea (red. resp.) Strategia supravieţuirii din perspectiva bioeticii, filosofei şi medicinei. – Chi□inău: □tiin□a, 2011.
2. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. / Пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. - Москва: Ладомир, 2004.
3. Глобальное управление. Учебное пособие. / Под ред. А.И.Соловьева. - Москва: ИНФРА-М, 2007.
4. Лебедева М.М. Мировая политика. - Москва: Аспект Пресс, 2003.
5. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. - Princeton U. P., 1991.
6. Андерсон А., Андерсон Д. Ворота в глобальную экономику. / Пер. с англ. под ред. В.М.Сергеева. - Москва: Феникс, 2001.
7. Город в контексте глобальных процессов. / Под ред. И.И.Абылгазиева, И.В.Ильина, Н.А.Слуки. - Москва: МГУ, 2011.
8. Урсул А.Д., Ильин И.В. Глобалистика и политические науки: становление эволюционного подхода. // Право и политика. 2010. № 12. - С. 172-182.
9. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – Санкт-Петербург, 2007.
10. Дугин А.Г. Геополитика. Учебное пособие для вузов. – Москва: Академический Проект; Гаудеамус, 2011.
11. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. / Пер. с англ. Г.Г.Пирогова. - Москва: Национальный общественно-научный фонд, 2003.
12. Цыганков П.А. Теория международных отношений. - Москва: Гардарика, 2002.

13. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР)": Пер. с англ. / Под ред. и с послесловием. С.А.Евтеева и Р.А.Перелета. - Москва: Прогресс, 1989.
14. Аннан К. Мы, народы. Роль Организации Объединенных Наций в XXI в. // Безопасность Евразии, 2000, №1, с.205-268.
15. Хардт М., Негри А. Империя. / Пер. с англ., под ред. Г.В.Каменской, М.С.Фетисова. - Москва: Праксис, 2004.
16. Марков С.А. Глобализация политических институтов. // Глобалистика: Энциклопедия. - Москва: Радуга. 2003.
17. Мартин Г.Т. Всемирное правительство. // Глобалистика: Энциклопедия. - Москва: Радуга. 2003.
18. Леонова О.Г. Глобальные политические технологии: сущность и определение. // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под ред. И.И.Абылгазиева, И.В.Ильина. Вып.5. – Москва: МАКСПресс, 2011.
19. Чумаков А.Н. Глобальный кризис и актуальные задачи российского общества. // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009»: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства. / Под ред. И.И.Абылгазиева и И.В.Ильина. - Москва: МАКСПресс, 2009. Т.1.
20. Урсул А.Д. Информация и культура. // Философия и культура, 2011, №2, с.56-64.
21. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Информационный критерий развития и эволюция культуры. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011, №1, с.67-76.
22. Колин К.К., Урсул А.Д. Информационная культурология. Предмет и задачи нового научного направления. - Saarbrucken: Lambert academic publishing, 2011.
23. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. – Москва: Издательство АСТ. 2004.
24. Волны и циклы политического развития. Заочный круглый стол. // Полис, 2002, №4, с.18-59.
25. Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. – Москва: МГУ. 2010.

Поступила в редакцию
23 декабря 2011 года

COMPARTIMENTUL
BIBLIOGLOBUS & INFO

INFORMAȚIA
privind susținerea tezelor de doctor / doctor habilitat în ştiințe politice în Consiliile ştiințifice specializate din Republica Moldova în anul 2011

nr.	*Autorul*	*Denumirea tezei*	*Conducător / consultant ştiinţific*
Teze de doctor			
1	***TUGUI Eduard***	*Uniunea Europeană în contextul reconfigurării sistemului politic interna□ional*	***Ion SANDU****, doctor în istorie, profesor (conducător ştiinţific)*
2	***MIRONOVA Svetlana***	*Relatiile politice ale Unitatii teritoriale autonome gagauzia (Gagauz Yeri) cu autoritatile centrale din Republica Moldova: realitati si perspective ale dezvoltarii*	***Valeriu MOSNEAGA,*** *Doctor habilitat în ştiinţe politice, profesor (conducător ştiinţific)*
3	***ABOU SALEM Essam Faisal Abdel Karim*** *(Danemarca)*	*Strategii contemporane internationale de solutionare a conflictelor regionale (cazul conflictului palestino-israelian)*	***Valentina TEOSA,*** *Doctor habilitat în istorie ştiinţe politice, profesor (conducător ştiinţific)*
4	***UNGUREANU Veaceslav***	*Interesele geopolitice ale marilor puteri si impactul lor asupra securitatii nationale a Republicii Moldova*	***Victor JUC****, doctor în filozofie, conferentiar universitar (conducător ştiinţific)*

Informația a fost prezentată
la redacție la 1 februarie 2012
de către profesor V.MOȘNEAGA

MOLDOSCOPIE

(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.1 (LVI), 2012

REVISTĂ ŞTIINȚIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 15.04.2012. Formatul 70x100 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 16,5. Coli editoriale 13,6.
Tirajul 50 ex.